

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

БАТУТИН
(ПУТЬ ГЕНЕРАЛА)

Annotation

Ноахер: книга о погибшем в 1944 году полководце Ватутине, написанная известнейшим в то время военным журналистом Михаилом Брагиным.

- [Ватутин \(путь генерала\). 1901-1944](#)
 - [Детство и юность](#)
 -
 - ■ [* * *](#)
 - [Полтавская военная школа](#)
 -
 - ■ [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [Черта советского человека](#)
 - [Служба комвзвода](#)
 - [В Киевской высшей объединенной военной школе](#)
 - [Командир роты](#)
 - [В военной академии имени М. В. Фрунзе](#)
 -
 - ■ [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [Носитель штабной культуры](#)
 - [На высших штабных должностях](#)
 -
 - ■ [* * *](#)
 - [На фронт](#)
 - [В трудные дни начала войны](#)
 -
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)

- * * *
- На Воронежском фронте
- Подготовка к наступлению на Сталинград
 -
 - * * *
 - * * *
 - * * *
- В сражениях у Сталинграда
 -
 - * * *
 - * * *
- Удар правым крылом
- Снова в родном селе
 -
 - * * *
 - * * *
 - * * *
 - * * *
 - * * *
 - * * *
- Перед битвой на Курской дуге
 -
 - * * *
 - * * *
- Член военного совета
 -
 - * * *
 - * * *
 - * * *
 - * * *
 - * * *
 - * * *
 - * * *
 - * * *
- На Курской дуге
 -
 - * * *

■ * * *
■ * * *
■ * * *
■ * * *
■ * * *

- На Левобережной Украине
- В сражениях за Днепр, за Киев

■
■ * * *
■ * * *
■ * * *
■ * * *
■ * * *

- Победа на Правобережной Украине. Смерть полководца

■
■ * * *
■ * * *
■ * * *

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15

Ватутин (путь генерала). 1901-1944

*Мы в битвах решаем судьбу
поколений.*

Государственный гимн СССР

Детство и юность

Николай Федорович Ватутин родился 16 декабря 1901 года в селе Чепухино бывшей Воронежской губернии, ныне Белгородской области.

Его отец жил в общей семье со своими братьями и сестрами. Семья была большая— почти 30 человек. Возглавлял ее дед Григорий Дмитриевич Ватутин, умный, честный, суровый старик. Он прослужил в свое время 18 лет в кавалерии, привык к распорядку и установил дома строгие правила

За одним столом все Ватутины не уместались,— зимой ставили два стола в хате, а летом расстилали во дворе на траве широкую длинную холстину, расставляли по углам миски на семью каждого сына, раскидывали ложки, и когда дед зычно произносил: «Садитесь!», подходили сыновья с женами, отовсюду сбегались внуки.

Старик был строг, однако все знали, что нет на селе более отзывчивого и справедливого человека, чем Григорий Дмитриевич, и не было случая, вспоминают по сей день соседи, чтобы он не помог попавшему в беду человеку.

Внешняя замкнутость, суровость и одновременно отзывчивость и доброта передались от деда Григория многим Ватутиным

Отец будущего полководца Федор Григорьевич был по натуре такой же честный, отзывчивый, работающий и молчаливый.

Мать Вера Ефимовна, подвижная, ловкая, без устали работала в поле и дома, любовно растила пятерых сыновей и четырех дочерей.

В этой большой трудолюбивой семье русского крестьянина рос будущий генерал.

Жили Ватутины небогато.

Они не бедствовали, но чтобы удержаться в положении середняка, дед не жалел ни себя, ни детей, ни внуков, брал на кабальных условиях у помещика землю в аренду, и на ней трудилась вся семья.

Выезжали в поле ранней весной, когда еще холодны ветры, работали до самой осени, под секущими дождями, жили тут же в курене и под накрытой рядом телегой.

Труд крестьянский— до революции всюду тяжкий — был в селе Чепухино особенно тяжел.

Лучшие земли вокруг принадлежали помещикам, а крестьянам досталась после «освобождения» от крепостного права земля в 10–12 километрах от села. Земля та была худородная, «неудобь»— камень, пески, мел; сельские урочища так и назывались: Мелки, Дальние, Гнилуши. Дорога к ним лежала в объезд помещичьих земель, через болота, овраги, где весной и осенью застревали и ломались телеги, рвалась сбруя, надрывались люди и кони.

А на пахоте лошаденка не тянула, соха не брала каменистую почву, и одноконный плуг был дивом, на которое сходилось смотреть все село.

Мало-мальски подходящие земли ежегодно делили, переделывали, отмеряли даже не саженью, а аршином — так узки были полоски. Переходила земля из рук в руки и в конце концов совсем истощалась.

А земля чудесная, плодородная была рядом, за рекой Полатовкой, в двухстах метрах от села, и всю жизнь, каждый час, каждую минуту видел крестьянин ее, но принадлежала она не ему, а графине Паниной, графу Девиеру, помещику Струве.

Крестьяне бились с нуждой дома, пытались облегчить свое положение работой на стороне.

Ежегодно уходили люди страдной порой за 800 километров, на Кубань, нанимались к кулакам-казакам

косить сено.

Работали до изнеможения, страдали от малярии, дизентерии, умирали от холеры.

Казачьи атаманы не пускали косарей в станицы, лавочники гнали их от базаров, урядники загоняли целые артели в сараи, отправляли по этапу назад...

Детство Коли было подобно детству миллионов крестьянских детей дореволюционной России. С момента, когда он стал понимать окружающее, перед его глазами всегда стояли картины нищеты, бедствий и бесправия крестьян. Он видел, как возвращались с Кубани косари, как приносили они немудрящую одежду земляков, слышал в осиротевших семьях потрясающий душу плач.

Ватутин на всю жизнь запомнил землю на палимых зноем, иссушаемых ветрами меловых высотах, землю, на которой трудились ею дед, отец, мать, работал он сам, навсегда запомнил тяжелую долю крестьян села Чепухино.

Школа, в которую пошел учиться Коля Ватутин, находилась в «караулке». Так называли в селе Чепухино сторожку при церкви, где жили сторож и школьный учитель.. Здесь же, в двух смежных комнатах с маленькими оконцами, были классы, заставленные дощатыми расшатанными столами.

Называлось это учебное заведение одноклассным, земским училищем с четырехлетним сроком обучения.

С самого детства в характере Ватутина проявились две черты, отличавшие его всю жизнь: неутолимая жажда знаний и настойчивость.

Школа и особенно учитель Николай Иванович Попов дали Ватутину много хорошего.

Попов был замечательным педагогом, заботился о своих учениках, развивал в них любознательность, будил любовь к родному краю, к истории России, русской литературе и даже пытался вести в селе

общественную работу. Он организовал кооперативную лавку (ее казначеем был избран пользовавшийся репутацией честнейшего человека Федор Григорьевич Ватутин), привлёк к работе своих учеников. Они должны были не только помогать учителю, но и решать при этом арифметические задачи: сколько нужно кооперативу мешков для соли и бочек для дегтя, сколько досок потребуется, чтобы околотить эти бочки.

Кооператив не смог выдержать конкуренции с местными лавочниками, но крестьяне долго вспоминали о нем добрым словом.

Учитель ходил с учениками по окрестным полям и лесам, занимался с ними ботаникой, раскапывал курганы, которых много в том краю. При раскопках находили древние монеты и утварь. Учитель рассказывал школьникам о нашествии татар, об упадке татарского могущества и о росте сил Московского государства, о том, как бассейн реки Оскол все больше привлекал внимание Москвы, потому что там проходила южная граница Русского государства, и как был построен небольшой укрепленный городок Валуйки — самый южный форпост России, оберегавший ее южные границы.

Во время похода на Азов в Валуйки приезжал Петр I, и городок стал одним из пунктов, откуда отправлялись на войну русские войска.

Между реками Оскол и Полатовка при Петре были поселены казаки.

Казак Чепухин выбрал себе место на берегу тихой, благодатной Полатовки у подножия меловой гряды, и от него пошло село Чепухино. Казак Насонов основал соседнее село — Насоново; сюда стекались с западной границы Украины преследуемые польскими панами украинцы, и эти беглые «мандровавшие»^[1] люди, искавшие защиты у России, образовали село Мандрово,

ставшее впоследствии волостным центром. История государства русского оживала в рассказах любимого учителя.

Учитель поднимался со своими учениками на меловые горы, и оттуда открывался перед ними чарующий пейзаж Приосколья.

По одну сторону гор видны были поля, уходящие амфитеатром от реки Полатовки на запад, по другую— до самого горизонта— синел дубовый лес. У подножия горной гряды белой лентой вилась дорога, сбоку от нее тянулся пунктир столбов телеграфа, передававшего таинственные телеграммы, которых ни Коля Ватутин, ни его товарищи никогда не видали.

В ясные дни за манящей далью угадывались очертания города Валуйки, бывшего пределом мечтаний школьников.

И совсем близко, внизу между рекой и грядой гор, лежало Чепухино. Все село с его убогими хатами виднелось с гор как на ладони, и поразителен был контраст между бедностью людей и сказочно богатой природой.

Любовь к родному краю, к России, интерес к ее истории сливались у детей с пробуждаемой любовью к русской литературе. Школьники под руководством учителя инсценировали стихи и рассказы великих русских писателей, ставили спектакли.

Коля Ватутин, как вспоминают учившиеся с ним товарищи, очень любил эти представления, с увлечением пел в детском хоре, играл мальчика в инсценировке стихотворения Никитина «Жена ямщика». В дни праздников школьники ездили с представлениями в соседние деревни.

Однажды, вернувшись из такой поездки, дети нашли на месте своих хат пепелища. Страшный деревенский пожар уничтожил тесно лепившиеся одна к другой хаты села. И когда учитель задал сочинение на

тому «О пожарах в селе Чепухино», трижды уничтожавших за время короткого детства Коли почти все дома, пытливый школьник не мог не задуматься над тем, почему дети, у которых не хватало еды, пекли картошку и птичьи яйца на костре, от которого занялось огнем село, почему одни сыты, а другие голодны.

Школу Коля Ватутин окончил первым учеником.

Чтобы продолжать учение, ему надо было ехать в Валуйки и поступить в двухклассное земское училище. А на это не было средств.

К этому времени Федор Григорьевич уже отделился от общей семьи, которая так разрослась, что дед, наконец, согласился на раздел хозяйства, тем более что попытка хозяйствовать, не отделяя сыновей, большой семейной артелью, не спасала от нужды. Но и при этом, как до сих пор помнят, Григорий Дмитриевич остался верен себе.

— Разделимся, сыны, без шума, без спора, — сказал он сыновьям, — чтобы никто не слышал, что у Ватутиных дележ идет. — И сам строго, справедливо распределил имущество.

Федор Григорьевич зажил самостоятельно, но приходилось ему трудно с девятью детьми и не видно было возможности послать Колю в Валуйки. Кроме него, надо было учить старшего сына Павла, подрастали Афанасий, Семен и Егор, нужно было и дочерям ходить в школу.

Когда отец оказал Коле, что не придется ему больше учиться, горе мальчика было безмерно. Он ушел в сарай, лег в телегу и недвижно лежал там, глядя широко открытыми глазами в большие щели крыши. Прошел день, прошла ночь, начались вторые сутки. Николай отказывался от еды, которую ему приносили мать и бабушка.

На сторону внука встал дед Григорий. Старый солдат помнил, как тяжело было ему всю жизнь без грамоты, как ходил он воевать с турками и не мог прислать письма с далеких Балкан, как десять лет служил в городе Бирюч и за каждое письмо домой платил грамотею-вахмистру из своих последних грошей.

Вместе с дедом Григорием на помощь любимому ученику пришел и учитель Николай Иванович, взявший на себя оплату учения, расходы на книги и тетради.

Ватутины вспомнили, что их родственник имеет в Валуйках собственный дом, и, подсчитав свои скромные возможности, решили послать Колю в город. Дед сам повез его, захватив попутно ячмень и гречиху на крупорушку.

На мешках с зерном ехал счастливый Коля Ватутин учиться в город.

* * *

«Собственный дом» родственника Ватутиных — Силина оказался обыкновенной хатой в одну комнату на самой окраине города, в Казацкой слободе. В этой единственной комнате ютилась большая семья. Чтобы готовить уроки, Коле приходилось ждать, пока уснут дети, или вставать до рассвета и идти в школу задолго до начала занятий.

Были у Коли два товарища, которые тоже жили в Казацкой слободе. Каждое утро друзья ходили в школу через весь город — пять километров туда и пять обратно, весной и осенью увязая в непролазной грязи, зимой пробираясь через сугробы, заметавшие большую площадь слободы. По воскресеньям уходили втроем из Валук домой: Коля — в Чепухино, его друзья — в Насоново.

Коля приносил домой дневник с отличными отметками, а однажды, сияя от счастья, показал домашним похвальный лист. Все по очереди брали в руки невиданную гербовую бумагу, а потом мать повесила ее на стене на самом видном месте.

Сдержанный, даже уступчивый в отношениях с одноклассниками, Коля был настойчивым, упрямым в стремлении лучше всех написать сочинение, первым решить классную задачу. Когда Ватутин выходил отвечать к доске, он точно вырастал, отвечал смело, уверенно.

Внешне неприметный, скромный Ватутин стал первым учеником. Перед ним начали заискивать те, которые раньше насмехались над его небольшим ростом и домотканной рубахой, его уважали товарищи, полюбили педагоги. Таким вспоминают они его и сейчас — сдержанным, молчаливым, скромным, всегда жизнерадостным и готовым помочь друзьям, деловитым и смелым.

И эту школу Коля Ватутин окончил с отличием. Нужно было думать о своей дальнейшей жизни.

В то время в крае росла торговля хлебом, пенькой, свеклой, все более нужны были помещикам и торговцам грамотные люди, и земство под видом благотворительности помогало лучшим ученикам получать образование. Для этого в Валуйках ежегодно объявлялся специальный конкурс «на стипендию в коммерческое училище для способнейших из оканчивающих начальные школы Валуйского уезда». Экзамены были очень строгие.

Николай Ватутин выдержал экзамены и был принят в коммерческое училище, находившееся в большой торговой слободе Уразово, в тридцати километрах от Валуек.

В коммерческом училище обучались, кроме стипендиатов, сыновья купцов и чиновников, Ватутин

чувствовал себя среди них чужим, он отдавал все время учебе, а по субботам и праздникам, положив в котомку книги, спешил в свою родную «Чепухинку», как любовно называли и называют сейчас жители село Чепухино.

С четвертого класса училища выплату стипендии прекратили, и Ватутин вынужден был вернуться домой.

Он помогал отцу в поле, учил грамоте младших братьев и сестер, занимался самообразованием. Ему удалось устроиться переписчиком в волостное правление, и это было все, на что мог тогда рассчитывать способный юноша.

Скоро в глухой край бывшей Воронежской губернии докатились волны Великой Октябрьской социалистической революции.

У меловых гор, там, где Россия граничит с Украиной, сошлись русские и украинские крестьяне, двинулись вместе к волостному правлению, повергли наземь стоявшую там статую «царя-освободителя» Александра II, устремились к помещичьим имениям, разогнали помещиков и управляющих.

В первых рядах восставших шли солдаты-фронтовики; руководили борьбой прибывшие из Воронежа, представители Коммунистической партии.

В Чепухино была установлена советская власть. Крестьяне стали делить землю.

Сбылась мечта поколений крестьян, мечта старого деда Григория Ватутина, так и не сумевшего, несмотря на все усилия, обеспечить себе, сыновьям и внукам зажиточную жизнь, — земля на берегу Полатовки перешла в руки крестьян.

Кулаки и лавочники надеялись по-прежнему верховодить на селе, пытались урвать себе лучшую землю и под разными предлогами трижды заставляли перемерять участки, и трижды ходил Николай Ватутин, как самый грамотный и уже уважаемый обществом, с мерной саженью по полям, и каждый раз правда

оказывалась на стороне бедноты и середняков, — на их стороне была советская власть, ее закон о земле.

Но вскоре с Украины двинулись полчища германского кайзера и украинские гайдамаки. Они бесчинствовали в селах, забирали скот, восстанавливали старые порядки. А когда армия немецких оккупантов и банды украинских националистов были изгнаны, в край ворвались войска Деникина. Белогвардейцы — наемники американско-английских империалистов — вернули помещикам земли вместе с крестьянскими посевами, забрали у крестьян последних лошадей, в селах опять стали хозяйничать помещик и кулак.

Почти все мужское население села Чепухино поднялось против немецких захватчиков, гайдамаков и деникинцев. Отряды формировались постановлением сходов, решением народа.

Весной 1920 года восемнадцатилетний Ватутин вступил в ряды Красной Армии.

Ватутин покидал родной дом, но коренная связь его с семьей, с селом, с народом никогда не порывалась.

Через десять лет он приедет сюда в решающий момент борьбы за организацию колхозов и поможет односельчанам одолеть кулаков. Еще через 13 лет он приедет в родное село уже генералом армии, командующим Воронежским фронтом.

А сейчас перед ним открывался путь воинской службы, и путь этот был крутой и трудный.

Полтавская военная школа

В апреле 1920 года Ватутин был зачислен красноармейцем в 3-й запасный полк.

Ему отвели, как и всем тогда, место в казарме на голых нарах, выдали одежду, ботинки с обмотками и лапти для хозяйственных работ.

Оказалось, что юный красноармеец очень трудолюбив, дисциплинирован, немногословен, но любил петь песни в строю, сдержан, но хорошо дружит с бойцами.

А главное, Ватутин оказался смелым в бою. Переведенный в том же году из полка в 113-й запасный батальон, находившийся в Луганске, Ватутин впервые участвовал в боях с бандами близ Старобельска и Луганска. Красноармейцы оценили смелость Ватутина и сильно развитое в нем чувство товарищества и выбрали его секретарем батальонной РКИ, организации, которая следила тогда за питанием бойцов, расходом средств и т. д. В наши дни молодым советским бойцам может быть непонятно, зачем нужна была такая организация. Но в то время, когда не хватало хлеба и обмундирования, помощь красноармейцев командованию в организации быта имела большое значение.

Ватутин всей душой рвался к новой жизни, и если раньше ему казалось, что путь к ней лежит через учение, то теперь, увидев жизнь, которую открыла народу революция, он понял, что надо прежде всего эту жизнь отстоять.

И как только весной 1920 года вспыхнула война с панской Польшей, юный красноармеец подал рапорт об отправке на фронт. Ему отказали, но он подал второй рапорт. Последовал второй отказ. Ватутин написал

третий рапорт. Тогда его вызвал комиссар батальона и объяснил, что у Советской республики достаточно красноармейцев, уже обученных, более опытных, чем новобранцы 1920 года, что впереди у Ватутина еще много боев и походов и поэтому его посылают учиться на командные курсы в Полтаву.

Так с первых шагов молодого бойца комиссар — представитель Коммунистической партии, смотревший далеко вперед, заботившийся о судьбах государства, о судьбах молодого поколения воинов, помог будущему полководцу определить свой путь.

* * *

Долго тянулся воинский эшелон, задерживался у сожженных станций, едва полз по разбитой войной дороге...

Вместе с Ватутиным ехали на курсы его друзья из батальона. Некоторых он сам уговорил учиться и всю дорогу готовил их к экзаменам, помогал вспомнить то небольшое, что солдаты учили когда-то в сельских школах и что было позабыто в годы тяжелой жизни и войны.

В этом проявилась еще одна черта, отличавшая Ватутина: он не только сам жадно впитывал знания, но своим порывом увлекал других и всегда был готов помочь товарищам.

В теплушке вагона он все дни вел занятия по русскому языку и арифметике. Ученикам не хватило бумаги, которой их снабдил комиссар, была использована вся оберточная бумага, и однажды на станции Красный Лиман, где долго стоял эшелон, Ватутин стал объяснять товарищу четыре действия арифметики, пользуясь вместо классной доски стенкой вагона. Исписав один вагон, друзья перешли к другому,

не подозревая, что за их «действиями» следит железнодорожный работник и не может понять, что «подсчитывают» они на станции, заполненной эшелонами и бронепоездами.

Учитель и ученик были задержаны. На беду, старший команды, у которого были все документы, куда-то ушел. Пока его разыскивали, Ватутин не терял времени и продолжал урок.

И вот Ватутин в Полтаве.

Он шел с вокзала в центр города красивыми тенистыми улицами... Среди большого парка, против памятника Полтавской победы, возвышались каменные здания бывшего кадетского корпуса, в которых находились 29-е пехотные курсы, преобразованные впоследствии в 14-ю Полтавскую пехотную школу.

В просторном вестибюле, куда вошел Ватутин, высилась статуя Петра I. На одной стене висела гигантская схема, изображавшая ход битвы русских со шведами, другую занимали схемы, показывавшие участие курсантов в боях на фронтах гражданской войны.

Курсанты не только изучали теорию военного дела. Очень часто они прерывали учебу и во главе с преподавателями участвовали в боях, а после поредевшим, но еще более сплоченным строем возвращались в школу заканчивать курс обучения.

Последний поход совершили курсанты из-под Мелитополя к Полтаве. Шли более тысячи километров, часто вступая в бои против кулацких банд, шли в изношенном обмундировании, в лаптях или обмотав ноги мешковиной, но бодрые, гордые совершаемыми подвигами. Не было тогда на пути окладов с продуктами, не было больших обозов, кормило курсантов население. Бывало и так, что в разоренных селах голодали и сами крестьяне, и тогда курсанты делили с ними последние сухари.

Это шли люди, испытанные в огне битв, преданные революции, кристально честные, бескорыстные, люди осознанной цели и огромной воли.

В боях воспринимали курсанты и то новое, что вносила гражданская война в тактику. После первой мировой войны, с ее позиционной формой борьбы, бои гражданской войны приобрели маневренный характер. Иногда дивизии, полки, даже роты действовали самостоятельно. При крайнем ожесточении боев это воспитывало у курсантов чувство большой ответственности, способность не теряться при столкновении, с любым врагом.

Боевые традиции, тактика советских войск сочетались с тем лучшим, что имелось в тактике, боевых традициях, выучке русской армии. Русская пехота всегда славилась отвагой, стойкостью, выносливостью. Русский солдат отлично стрелял. Никакая пехота в мире не могла сравниться с русской пехотой в штыковом бою. Русский кавалерист всегда был отличным всадником, лихим и бесстрашным, умеющим в совершенстве владеть холодным оружием.

Русские артиллеристы стяжали себе славу метким огнем, и не было им равных в стрельбе прямой наводкой, где требуется бесстрашие, «лихость», быстрота и умение. Русский солдат являлся носителем славных воинских традиций: «Сам погибай, а товарища выручай», «Чувствуй локоть товарища», «Не отставай в бою». Эти девизы были для него правилом в бою.

Русский солдат — отличный строевик — определил значение строя замечательными словами: «Строй — святое место».

Все лучшее, что было в старой русской армии, принесли ее солдаты и унтер-офицеры в Советскую Армию, став ее командирами. Носители революционного духа и дисциплины, они пришли в

Советскую Армию со строевым и боевым опытом, накопленным в боях первой мировой войны.

Красным офицерам помогали лучшие офицеры русской армии, понявшие, что правда на стороне революции и что для ее победы надо отдать все свои силы и знания Советской Армии.

Одним из таких офицеров был начальник Полтавской школы Иван Петрович Сальников. Всегда подтянутый, вежливый и требовательный, он являлся примером для всех курсантов.

Сальников был новатором, постоянно искавшим наилучшие методы обучения курсанта. В первом же приказе Сальникова о вступлении в должность начальника школы говорилось: «Объявляю ниже сего описание приема прицеливания, приказываю принять его в школе к руководству. Этот способ допускает в течение часа проверить правильность наводки 30-40 курсантов. Отлично усваивается вся система стрельбы. Ни один человек не останется без ежедневной проверки. Все бойцы будут обучены в 3-4 раза быстрее».

В школе всякий вопрос обучения расчленялся на составные элементы, начинали учить с простейшего, переходили к сложному и комплексно завершали обучение.

Сальников ввел новшество и в тактическую подготовку. Каждый курсант старшего курса выполнял на тактических учениях роль курсанта-корреспондента. Он получал разрешение свободно передвигаться по полю и наблюдать за ходом учения там, где найдет это для себя наиболее целесообразным. После учения курсант должен был представить подробный отчет и дать оценку всему, что видел. Это развивало инициативу будущего командира, выявляло его способности к самостоятельным суждениям и знание тактики.

Все новое, полезное, что появилось в тактике за время первой мировой и гражданской войн, обсуждалось в школе, проверялось и затем применялось.

Еще в 1919 году Реввоенсовет XI армии издал учебник тактики Сальникова для командных курсов. Вскоре вышла в свет «Методика обучения курсанта в 14-й пехотной школе». Для обмена опытом полтавцы выезжали в Краснодарское и Владикавказское училища, начальники других школ приезжали на сборы в Полтаву. В это новаторское движение, в эти поиски нового, лучшего были вовлечены не только преподаватели, но и курсанты.

Именно там, в школе, стал задумываться молодой Ватутин над глубоким смыслом того или иного уставного положения, над тем, как учат его, как он будет учить других. В школе привыкал Ватутин трезво анализировать свои действия.

Товарищи Ватутина по школе рассказывают, что он был вначале незаметен, потому что отличался всегда необыкновенной скромностью.

И все же Ватутина заметили и оценили и друзья и командиры. Ватутин был на редкость трудолюбив, любознателен, исключительно дисциплинирован. Он увлекался тактикой, любил огневое дело и выделялся своей строевой подготовкой.

Через много лет, осенью 1941 года, можно было видеть, как по утрам, в лесу, у блиндажей штаба Северо-Западного фронта делает зарядку начальник штаба фронта генерал-лейтенант Ватутин. А начало этому было положено там, в Полтавской школе, где в парке бегал по утрам Ватутин, где он полюбил спорт, где на вечерах школьной самодеятельности подвижной, смелый курсант венчал на сцене спортивную пирамиду.

Ватутин любил лагерный период обучения, занятия в поле, приближенные к боевой действительности, и

особенно маневры, когда Полтавская школа «сражалась» с Чугуевской или с Харьковской школой червонных старшин. Он быстро втягивался в марши и в тяжелых походах всегда ободрял товарищей и помогал им

Курсанты отрабатывали приемы наступления в сфере дальнего и ближнего артиллерийского огня, в сфере пулеметно-ружейного огня, на дистанции 1 800–1 200 шагов, затем 1 000–600 шагов и, наконец, в сфере прямого выстрела. Ватутин готовился к тому, чтобы поднять бойцов в наступление «на прямой выстрел» врага.

Он учился наблюдать, изучать, оценивать всякую местность как поле боя. Взгляд его переносился в секторе наблюдения слева направо и справа налево, проходя по каждой складке, как проходит косарь каждую пядь луговины. Он смотрел вблизи, потом дальше, в глубину — перед ним были вначале отдельное дерево, куст, сарай, крест на развилке дорог, небольшая высотка, потом его внимание приковывали деревня, роща, и он оценивал все это так, точно ему надо было идти в наблюдаемом секторе в атаку.

Ватутин не думал тогда о том, что через пятнадцать-двадцать лет, уже в Генеральном штабе, его взгляд будет обращаться на стратегической карте от одной границы нашего великого государства до другой.

После отлично законченного курса первого года обучения Ватутин был назначен командиром отделения курсантов, командовал им год, а затем стал помощником командира взвода, — будущий полководец делал первые шаги на пути командования войсками.

Именно тогда, когда курсант становится лицом, к лицу с шеренгой людей, которые ему впервые подчинены, перед ним открывается путь офицера. Именно тогда, когда десятки глаз внимательно,

испытующе смотрят на курсанта-командира и ждут приказа, думая, каков будет этот приказ, как будет подана команда, сдает курсант важнейший экзамен на право командования.

В этот момент волнение еще теснит грудь молодого командира, голос иногда срывается, кажется самому себе каким-то чужим, сдавленным, взгляд еще не успевает следить за строем.

Несмотря на то, что курсант вышел из строя и, стоя впереди или сбоку, приказывает, он еще чувствует себя в шеренге. Он подает команду и по привычке сам же принимает к исполнению — вытягивается по команде «смирно», шагает вслед за шеренгой. Он делает усилия, чтобы не повернуться вместе с шеренгой налево, направо, кругом. Курсант еще не только не уверен в себе, он еще не преодолел в себе солдата — исполнителя команд — и не почувствовал себя командиром. Он еще не обрел способности повелевать, не выработал в себе двойной способности: подчиняться и подчинять. У него пока одно восприятие команды — исполнительное.

Но у Ватутина быстро появился в голосе тот необходимый металл, почувствовалась та властность команды, которые необходимы, чтобы внушить безоговорочное повиновение приказу.

Курсант отделения Ватутина, ныне генерал-майор Скуба, вспоминает, что товарищи называли Ватутина психологом. В этом выражалось их уважение к его разуму, к тому, что его приказания были всегда глубоко осмысленны. Друзья называли Ватутина психологом и потому, что он хорошо понимал их и каждому умел не только приказать, но и помочь.

Среди курсантов отделения были такие, которым учеба давалась вначале трудно. Ватутин занимался с ними отдельно после напряженного дня полевых учений. Для этого накануне спрашивалось разрешение

старшины, заготавливались фитильки из ваты и конопляное масло, и при таком «светильнике» (электричество выключали рано) до глубокой ночи сидели за книгами Ватутин и его ученики.

* * *

Курсанты гордились своей школой, шедшей впереди других военных учебных заведений округа, одной из лучших в республике, с энтузиазмом учились, готовясь к самостоятельной работе.

Часто в школу приезжал Михаил Васильевич Фрунзе, и радость курсантов становилась безграничной, когда они видели на своем учебном плацу, на стрельбище, на полевых учениях легендарного полководца, командовавшего тогда войсками Украины и Крыма.

Обычно Фрунзе часами оставался с курсантами, следя за одиночной подготовкой и вникая в мельчайшие детали обучения.

Курсанты горячо любили Фрунзе, заботливого и строгого, скромного и обаятельного. Они знали его, испытанного коммуниста, ученика Ленина и соратника Сталина, одного из самых чистых, самых честных, самых бесстрашных революционеров нашего времени, сражавшегося в 1905 году на баррикадах Москвы, сидевшего в тюрьмах, дважды приговоренного к смертной казни, месяцами ожидавшего расстрела и в то же время продолжавшего изучать марксизм, иностранные языки и военное дело, сражавшегося в октябрьских боях 1917 года в Москве и ставшего выдающимся полководцем.

Фрунзе требовал обучать и воспитывать курсантов так, чтобы стремление проявить инициативу вошло в плоть и кровь будущего командира. Тактика Красной Армии, говорил он, была и будет пропитана

активностью в духе смелых и энергично проводимых наступательных операций.

Фрунзе придавал исключительное значение дисциплине, воспитывал у командиров и красноармейцев чувство ответственности за порученное дело, за судьбу Родины. Сознание каждого красноармейца, говорил он, должно быть пронизано мыслью, что наша страна находится в положении осажденной крепости.

Полководец-коммунист указывал, что надо воспитывать воинов на заинтересованности в победе революции, на идее международной солидарности трудящихся.

Михаил Васильевич Фрунзе считал необходимым сочетание боевой и политической подготовки, ибо, говорил он, воспитывать красноармейца — это значит одновременно бить и на политическую и на военнотехническую сторону. Он напоминал, что политическая работа была и всегда будет основой нашего военного строительства. Партия играла и будет играть руководящую роль во всей нашей военной политике, подчеркивал Фрунзе. Вне такой работы партии мы не мыслим себе укрепления военной мощи нашей страны, укрепления мощи, внутренней спайки, сплоченности и дисциплинированности нашей Красной Армии.

Он стремился воспитать у красноармейца преданность Коммунистической партии, преданность делу революции и на это обращал особое внимание коммунистов Полтавской школы.

Если методика военного обучения, боевые традиции школы сыграли в становлении Ватутина большую роль, то первейшее значение для всей его дальнейшей жизни и деятельности имели воспитание и политическое образование, полученные им в школе.

Там была сильная партийная организация, насчитывавшая более трехсот коммунистов, и активно

работала комсомольская организация. Школа славилась своими агитаторами, выросшими в схватках с меньшевиками, эсерами и другими врагами советской власти.

Газет тогда было мало, радио еще не вошло в быт, поэтому в ежедневном приказе по школе ввели специальный раздел, в котором напоминались важнейшие даты истории нашей Родины и разъяснялись события, происходившие в стране и за рубежом.

В приказах сообщалось о съезде Советов и напоминалось, что в этот день в 1919 году открылся VIII съезд Коммунистической партии, что в этот день умер первый председатель ВЦИК товарищ Свердлов, имеющий большие заслуги перед революцией.

Сообщалось, что «Карелия совершенно очищена от бандитских шайек и советские войска вышли на границу на всем ее протяжении». Разъяснялось новое положение Советского правительства об оплате труда подростков.

В приказах напоминалось о дне, когда империалисты убили Карла Либкнехта и Розу Люксембург, и писалось о том, что 22 марта 1919 года в Венгрии была объявлена советская власть, свергнутая потом венгерской буржуазией и агентами Антанты.

Разъяснялось, каким крупным историческим событием явился захват власти в 1871 году парижскими рабочими и создание Парижской Коммуны, и говорилось, что никогда еще за пятьдесят лет, минувших с тех пор, слово «коммунист» не было так популярно среди самых широких слоев пролетариата, как ныне, после победы Октябрьской революции в России.

Каждый вечер стояли в строю будущие командиры и под старинными сводами школы звучали приказы, полные пафоса революционной борьбы. И в сознании курсантов задачи этой борьбы сливались воедино с

задачами боевой учебы, которые ставились в тех же приказах.

Политическая учеба курсантов дополнялась общеобразовательной подготовкой. Не было нужных пособий по литературе, но в школе составили хрестоматию из произведений русских классиков, организовали литературный кружок, школьный журнал проводил конкурс на стихи, премируя лучшего поэта книгой с надписью «Красному курсанту за пролетарское творчество» и двумя фунтами сахару.

Учиться было трудно. Для большого здания не хватало дров. Курсанты заготавливали топливо далеко за городом, но отдавали его прежде всего для заводских кочегарок и паровозных топков.

Наиболее убедительно учила, закаляла Ватутина классовая борьба, которая кипела в селах Полтавщины. Там озверело орудовали кулаки, еще действовали крупные махновские банды.

В 1921 году начался голод в Поволжье и в некоторых районах Украины. В этих главных тогда житницах страны засуха поставила население на край гибели.

Перед строем курсантов на вечерней поверке читали воззвание Центральной Комиссии помощи голодающим ко всем рабочим и крестьянам, ко всем честным гражданам РСФСР.

«Великое стихийное бедствие — голод охватил житницу России Поволжье и поставил перед угрозой смерти более 22 000 000 населения, — говорилось в возвании. — Советская власть делает все возможное для оказания помощи голодающим. Она обсеменила озимый клин, отпустила ссуду для ярового, дала 12 миллионов пудов зерна для питания голодающего населения. Но необходима всеобщая помощь. Рабочие, служащие, красноармейцы должны установить ежемесячные отчисления в фонд помощи голодающим.

Смерть косит немилосердно, трудящиеся, честные граждане должны сделать все, чтобы отвести руку смерти от голодающих».

По предложению политического управления Приволжского военного округа воинские части брали голодающих детей на содержание, каждые десять бойцов взялись прокормить одного взрослого голодающего. Один из курсантов школы написал родным письмо, которое прочли перед строем:

«Дорогие мои! Много приходится мне читать об ужасах голода на Поволжье и в некоторых губерниях Украины. Как же спасти голодающих? А вот как: пусть каждый оторвет от себя кусок хлеба и передаст его голодному. Дорогие мои! Я, солдат Красной Армии, три дня сижу без хлеба не потому, что мне его не дают, а потому, что трехдневный паек я отдаю голодающим. Спешите на помощь и вы. Прошу вас об этом. Я, солдат Красной Армии, красный курсант, своей службой, своей кровью отблагодарю вас за это. Пишите мне, как вы помогаете голодающим...»

Стоя в строю, Ватутин усилием воли сдерживал рыдания. То, о чем говорилось в письме, касалось и его семьи. Голод поразил село Чепухино. Недостаток хлеба стал губительно оказываться зимой 1921 года еще и потому, что, истощенное первой мировой войной, ограбленное, разоренное иноземными захватчиками и белогвардейцами в годы гражданской войны, село обнищало, лишилось скота, люди ослабели физически, упали духом. На народном бедствии стали наживаться кулаки и спекулянты, вконец разорявшие крестьян. Люди ели прелую солому с крыш, разводили и пили горячий мел и умирали в мучениях.

Целыми днями жалобно звонили колокола сельской церквушки; люди носили на старый, унылый погост гробы.

Брат Николая Федоровича Афанасий стал обдирать древесную кору, упал с дерева на землю и тяжело повредил себе грудь. Умер от голода самый младший брат, двенадцати летний Егор. Схоронил его Федор Григорьевич, а через несколько дней слег сам, пожаловался на озноб и тихо скончался. Вслед за ним свалился и дед Григорий. Старик умирал, положив под голову мешок с пшеницей — ссуду, выданную государством на посев, и умер, не коснувшись зерна, в котором видел спасение всей семьи.

Николай Федорович отсылал родным свой паек, расходовал на продукты все деньги; старший брат Павел демобилизовался и приехал домой — семье стало немного легче.

Ватутин вспоминал отца, прошедшего всю гражданскую войну, всегда тихого, работающего, вспоминал деда, брата и думал, где взять хлеба, чтобы спасти мать, сестер и братьев.

Брат Павел писал, что «урожай в 1922 году обещает быть хорошим, но семья не надеется дожить до нового хлеба, мечтает о том, как дожить до теплых дней, до травы...» Писал, что хлеб есть у кулаков, но они его не продают даже за большие деньги.

На Полтавщине банды убивали советских работников, жгли их на кострах, грозились напасть на Полтаву, звонили по телефону в школу и угрожали поджогом, расправой, убивали часовых. Однажды, окружив «а марше группу курсантов, махновцы изрубили их, уложили тела в мешки и заставили крестьян отвезти трупы к зданию школы.

Курсанты учились, не выпуская из рук оружия. Стреляя на полигоне по деревянным мишеням, они были всегда в готовности перенести огонь на бандитов, искавших случая для нападения. Когда рота курсантов проводила тактические занятия, другие роты прикрывали ее фланги и тыл. Курсанты заготавливали

дрова в Диканьском лесу и отражали налеты банд, не раз поднимались по тревоге из лагерей на защиту Полтавы, к которой подходил Махно.

Борьбу, с бандитизмом на Украине возглавил Михаил Васильевич Фрунзе.

Он писал, что борьбу с Махно надо вести со всей решительностью и беспощадностью, ставя задачей полное истребление банд и уничтожение очагов бандитизма.

Фрунзе подчеркивал, что очищение Украины от бандитизма, обеспечение устойчивого советского режима является вопросом жизни и смерти для Советской Украины, вопросом исключительной важности для всей Советской федерации.

Фрунзе принимал личное участие в боях. У станции Решетилровка полководец был ранен, но продолжал руководить боевыми действиями.

В те месяцы Ватутин не расставался с оружием. Даже в Полтаве на отдыхе он ложился спать с гранатами и патронами у изголовья, с винтовкой, подготовленной к бою. Участвуя в боях в районе Перещепино, Михайловка Полтавской губернии, в Константиноградском, Кобылякском, Зеньковском уездах, Ватутин прямо перед собой видел врага. И в боях окончательно определился путь молодого курсанта.

В 1921 году Ватутина приняли в Коммунистическую партию.

В том же году 29-е пехотные курсы были реорганизованы в 14-ю Полтавскую пехотную школу. Курсантам предложили на выбор: либо демобилизоваться, либо остаться в школе. Ватутин добровольно и навсегда остался в Советской Армии. Остался потому, что полюбил ее, и потому, что служить Родине, служить революции в рядах армии стало для Ватутина смыслом жизни.

Ватутин окончил школу отлично.

Перед выпуском Сальников вызвал к себе курсантов и долго беседовал с каждым из них. Его интересовало все: как вновь назначенный командир взвода, явившись представляться, постучит в дверь командира полка, как поступит, если у того в это время будут другие командиры, что и как бывший курсант будет читать, а главное, как будет учить и воспитывать бойцов.

На показательных строевых учениях, в которых участвовала вся школа, каждый курсант-выпускник командовал ротой или батальоном, вступая в командование сразу — из строя — по указаниям, которые давал начальник школы.

Курсанты-выпускники передавали свои винтовки и пулеметы курсантам младшего курса в торжественной обстановке, на стрельбище. Дав оценку бою винтовки или пулемета, курсант тут же, перед младшим товарищем, перед всей школой, выполнял упражнение по стрельбе.

Партийная ячейка школы посвятила выпуску очередной номер своего журнала «Красный курсант».

Сохранившиеся страницы, напечатанные много лет назад, донесли до сегодняшнего дня атмосферу той поры и свидетельствуют о победе идей Коммунистической партии, которая с таким предвидением воспитывала нашу армию.

На обложке журнала нарисован воин эпохи гражданской войны, попирающий корону. Страницы обрамляет надпись: «Пожар мировой революции охватывает весь мир. Борьба за освобождение человечества разгорается. В центре ее стоят героическая Красная Армия и ее красные командиры».

В том же номере были опубликованы ответы выпускников на вопросы анкеты, проведенной журналом: «Как вы предполагаете строить свою жизнь?»

Мысли курсантов наиболее ярко выразил выпускник, написавший слова, полные глубочайшего смысла: «Офицер Красной Армии — прежде всего революционер».

1 октября 1922 года все курсанты школы, имея на правом фланге 80 выпускников, построились близ своего лагеря на историческом поле Полтавской битвы, и это придало неповторимую значительность моменту.

Безмолвное поле напоминало будущим генералам о немеркнувшей воинской славе, которую свято хранит, проносясь сквозь века, благодарная память народа. Широкие горизонты открывались с холмов Полтавского поля, с которых уходили в воинский путь советские краскомы. Далеко уносились в тот час мысли Ватутина.

Вдруг, как едва уловимый шелест ветра, пронеслось по рядам имя Фрунзе. Он шел перед строем под пение труб и удары литавр, поднялся на трибуну и сам стал читать приказ о производстве курсантов и назначении их на командные должности.

Ватутин ждал, когда будет произнесена его фамилия, и вздрогнул, услышав: «Ватутин Николай Федорович назначается командиром взвода в 67-й стрелковый полк 23-й стрелковой дивизии».

«Командир взвода!» — мелькнула радостная мысль, и уже спокойней слушалось потом, куда получают назначения друзья и товарищи.

С правого фланга по одному молодые командиры подходили к Фрунзе. Очередь дошла, наконец, и до Ватутина, стоявшего, как всегда, на левом фланге. Ватутин близко-близко подошел к Фрунзе. От неторопливых Движений Фрунзе веяло такой силой, какую дотоле Ватутин ни в ком никогда не чувствовал.

Ватутин опустился на одно колено, прикоснулся губами к знамени. А когда он поднялся, Фрунзе пожал ему руку, пожелал успехов, и на какое-то мгновение взгляд полководца встретился со взглядом молодого краскома. Не помня себя от счастья, но по выработавшейся уже привычке чеканя шаг, Ватутин занял свое место в строю.

Выпускники прошли церемониальным маршем мимо трибуны и направились в казармы, где в огромном зале их ждал чай с пирогом, которым угощали шефы. Краскомы в последний раз сели вместе, и едва утих шум, как снова появился Фрунзе. Он шел, улыбаясь, как всегда близкий и обаятельный, и молодые командиры, не сдерживаемые теперь законами строя, бросились к нему, сильными руками подняли на плечи и понесли к почетному месту за столом.

Перед Фрунзе стояла солдатская кружка и, как особый деликатес, пирог с начинкой из капусты. Каждый был безмерно счастлив, что сидит за столом вместе с прославленным полководцем.

Фрунзе встал. Его серые лучистые глаза любовно оглядели лица краскомов.

Полководец стал говорить молодым советским командирам о Коммунистической партии, которая задолго до революции в труднейших условиях подполья формировала боевые дружины рабочих, вела их на штурм царизма, создала Красную гвардию и Красную Армию.

Фрунзе говорил молодым командирам, что становым, хребтом армии, основой ее военной мощи является командный и политический состав. Особенно он подчеркнул, что командный и политический состав армии «не каста, а ветвь советского организма», призывал помнить, что враг готовится к нападению и что надо быть на страже и нам. Он требовал беречь

революцию, напоминал, что нет выше счастья, чем сражаться за Советскую республику, за коммунизм.

Замечательный коммунист, полководец словно поднял Ватутина высоко над землей, показал, куда идут ее народы и государства, и указал цели, к которым он, Ватутин, должен стремиться.

Могучее «ура» прогремело в огромных залах, прокатилось под старинными сводами здания.

А потом раздались торжественные и суровые звуки Интернационала, с которым коммунисты шли на каторгу, на смерть, в бой с интервентами и белогвардейцами. Звуки гимна, зовущего к победе пролетариата во всем мире, вырывались на простор и увлекали за собой к высокой цели мысли молодых командиров.

Черта советского человека

Перед отправкой в дивизию Ватутин получил отпуск и приехал в Чепухино. Молодого «командира с радостью встретили родные, с почетом — односельчане, с нескрываемым восхищением — девушки.

Но Ватутина тянуло в соседнее село Вороновку, где он давно знал совсем юную Таню Иванову, ставшую теперь хорошенькой, веселой девушкой. За кусок хлеба и ничтожную плату она работала у кулаков на Кубани. Заработанные деньги ушли на дорогу, и осенью 1922 года Таня ни с чем вернулась в Вороновку, в свою покосившуюся хату.

Однажды вечером подруга передала Тане, что Коля Ватутин из Чепухино приглашает выйти погулять. Таня отказалась: у нее были туфли на веревочной подошве, которые она сделала сама — из пеньки свила веревки, скроила полотно, и туфли вышли на славу, но идти в них гулять казалось невозможным.

Таня уже знала, что Николай хочет на ней жениться, но против их брака возражают его родственники. Они говорят, что Таня не только бедна, но и неграмотна. «Безотцовская она, их с матерью отец бросил, нет у них семейной крепости», — внушали Николаю.

В своей неграмотности Таня не была виновата. С девяти лет пошла девочка работать к помещику, потом к кулакам и с тех пор не видала ни школы, ни светлого дня.

В этот жизненно острый момент сказался характер Ватутина — советского офицера, коммуниста, проявился его взгляд на жизнь, его отношение к человеку, его вера в то, что человек при желании может достичь всего, особенно если ему помочь. Ватутин разглядел в неграмотной батрачке натуру честную,

человека, которого тяжелая жизнь не только не искалечила, а сделала стойким, бодрым, уверенным в себе.

И Ватутин ответил родным: «Была бы Таня человеком хорошим, а грамоте я ее сам выучу». Они поженились и уехали в Чугуев. Поселились молодожены в деревне Малиновке, близ Чугуева, в маленькой крестьянской хате.

Рано вставал молодой командир взвода, чтобы поспеть к палаткам своих бойцов до того, как горнист сыграет побудку. И задолго до солнца поднималась его жена, чтобы приготовить мужу горячий завтрак.

Много раз ночью по сигналу тревоги вскакивала вместе с мужем Татьяна Романовна, подавала ему оружие, снаряжение, чемодан с необходимым запасом белья и каждый раз была готова к тому, что это не учебная тревога, а боевая. В дни летней учебы она приносила Ватутину горячий обед в поле на стрельбище. Пообедав, Ватутин снова шел на занятия, а Таня спешила домой готовить уроки.

Поздним вечером кончались занятия с бойцами. Ватутин возвращался в чисто прибранную комнатку, и теперь ученицей становилась его жена.

Начали полушутя-полусерьезно с того, что Николай Федорович вырезал из картона буквы алфавита, развесил их на стенах избы, над печью, и Таня, не отрываясь от домашних дел, учила азбуку. Вскоре уже по серьезному перешли к чтению, письму и арифметике.

После Чугуева молодые Ватутины жили в Чернигове, Ростове, Новосибирске в в небольших городках. Каждый раз при переездах они продавали все неудобные для перевозки вещи и на новом месте обзаводились хозяйством вновь. Но ни разу не было в семье споров из-за вещей, из-за неудобств.

Не жалели Ватутины, что оставляют в Ростове обжитую квартиру, не жалела Татьяна Романовна, что в Чернигове оставила добрым людям любовно выхоженный огород.

Ватутины видели в переездах не только трудности, но и новизну, — в каждом гарнизоне находили они хороших людей, каждый район был по-своему интересен.

В 1929 году Николай Федорович уезжал в длительную командировку в то время, когда Татьяна Романовна ждала первого ребенка. Когда Николай Федорович вернулся, дочь уже улыбалась отцу, и он, счастливый, с благодарностью взглянул на жену.

Учеба Татьяны Романовны между тем продолжалась. Забегая вперед, приведем отрывок из одного письма Ватутина жене.

В это время Ватутин учился на курсах в Москве, а семья, жила на Кавказе. Татьяна Романовна жаловалась мужу, что педагог, преподававший ей арифметику, прекратил занятия, что она озабочена тратой средств на учителей, потому что жизнь на две семьи вызвала новые расходы, что болезнь детей отрывает ее от рабфака на дому.

Вот что ей ответил Ватутин:

«Здравствуй, милая Танечка!

Сейчас получил от тебя письмо. Спешу ответить.

Прежде всего о твоём несчастье, что у тебя нет учительницы. Постараюсь достать учебники. Теперь относительно процентов. Я не помню всего на память, ты посмотри все, что мы получили по заочному обучению. Там, кажется, правила есть. Я же тебе сообщаю следующее:

Процент — это одна сотая часть всякого числа. Например: у тебя 100 рублей. Одна сотая часть от 100 рублей будет 1 рубль. Так этот один рубль и есть 1% от 100 рублей.

Теперь три правила:

1) Требуется найти, какой процент составляет какое-либо число по отношению к целому числу.

Например: я получаю жалование 400 рублей, из них 40 рублей я уплатил за паек. Нужно узнать, сколько процентов составят эти 40 рублей по отношению к 400 руб. (к моему жалованию).

Лучше всего рассуждать так: 400 руб. = 100%. Узнаем, чему равен 1%. Для этого $400 : 100 = 4$ рубля. Значит, 1% = 4 руб.

Теперь узнаем, скольким процентам равны 40 руб. Для этого нужно узнать, сколько раз 4 руб. содержатся в 40 руб., то есть надо $40 \text{ руб.} : 4 \text{ руб.} = 10$. Значит, 40 руб. составляют 10 % по отношению к 400 руб.

Если ты уже прошла пропорции, то этот пример можно решить еще скорее. Для этого рассуждаем так...»

И далее страницу за страницей исписывает Ватутин. Письмо это является замечательным документом, характеризующим советского человека, его отношение к жене-другу, его верность данному слову.

Служба комвзвода

В октябре 1922 года Ватутин прибыл в 23-ю стрелковую дивизию Украинского военного округа и вступил в исполнение обязанностей командира взвода одной из рот 67-го Купянского стрелкового полка.

В сознании Ватутина всегда жило требование устава — «командир взвода лично ведет свой взвод в бой».

Он отдавал себе отчет, какой глубокий смысл имеет это уставное положение, что должен делать командир взвода, чтобы выполнить это требование устава, — требование государства, как подготовить взвод к решающему моменту, когда мерой всех вещей и явлений станет жизнь или смерть, твоя победа или победа врага. Возможность выдержать этот экзамен боем молодой командир видел в том, чтобы сейчас, не жалея сил, посвятить себя взводу.

В это время в полк начали прибывать новобранцы. Они стояли с котомками за плечами или с деревянными сундуками у ног, набитыми сухарями, бельем...

Новобранцы держались каждый за свой сундук и мешок и за своего земляка, да так упорно, что при разбивке на роты и ранжировку хватались за руки, чтобы не оторваться друг от друга, и так группами старались стать в шеренгу.

Ватутин, строивший новобранцев, не противился этому, зная, что первое время, находясь вместе, земляки будут меньше скучать по дому. Это были новобранцы тех лет, когда в Красной Армии еще проводился «День неграмотного красноармейца» — как день мобилизации всех сил на борьбу с тяжким наследием прошлого, когда Фрунзе требовал на совещании командного и комиссарского состава

Украины прежде всего «полной и наискорейшей ликвидации неграмотности».

С первого же шага вверенных ему бойцов, следя за строем, командуя, Ватутин внимательно наблюдал за тем, кто как воспринимает свое новое положение, кто чем интересуется, как вслушивается в слова командира...

Прежде всего он повел новобранцев в баню.

В предбаннике они оставили штатскую одежду, там же под машинкой облетели их волосы. Новобранцы входили в отделение мойки неуверенно, ступали неловко.

Командир взвода знал по себе, что пройдут месяцы и под влиянием армейского питания, режима, строевой подготовки худые поправятся, у всех распрямятся спины, развернутся плечи, выше поднимется голова — бойцы станут ловкими, тренированными, статными, и все они будут немного похожи друг на друга своими уверенными движениями и солдатской бодростью.

По указанию Ватутина отделенные командиры стали учить новобранцев, как надо быстро и умело мыться, помогая друг другу. Учили наматывать портянки, чтобы не было потертости ног при ходьбе и на марше, и этому учились по-разному те, кто уже носил сапоги и кто ходил в лаптях.

Ватутин следил за подгонкой сапог по ноге, за выдачей брюк, за тем, чтобы была свободной и не обвисающей гимнастерка, чтобы шлем не закрывал глаза... Это были заботы о больших мелочах солдатского быта, без которых нет хорошего взвода, полка, армии. И Ватутин, уже познавший суть воинской службы, знал, что через месяц сам командир полка, а потом и командир дивизии проверят, как одевается по тревоге молодой боец, как он готовится к боям; при осмотрах прикажут новобранцу разуться и проверят,

как намотаны портянки, как подготовлен солдат к маршу.

А пока, вымывшись, новобранцы получили новенькое красноармейское обмундирование и стали вдруг не похожими на прежних, не узнавали друг друга и самих себя, окликали земляков по имени и строились очень долго, суетливо, но старательно.

Первое время Ватутин учил новобранцев всему. Не только умению мыться в бане, но и умению правильно есть, так, чтобы одни не спешили, не обжигались борщом, а другие не медлили, чтобы хлеб, которого — вначале новобранцам как будто не хватает, весь не съедали, не дождавшись второго блюда, чтобы потом, когда хлеб, безусловно, будет оставаться, не разбрасывали его. Командир взвода учил бойцов складывать гимнастерки и брюки так, чтобы быстро одеться по тревоге. Приучал бойцов спать на правом боку, а когда они засыпали, проходил вдоль изголовья воинов и, точно отец, вслушивался в их дыхание, зная, что при плохом дыхании бойцу будет трудно на марше и он не сможет метко стрелять.

Ватутин присматривался к тем, кто плохо спал, кто еще тосковал по дому, зная, что таким не пойдет учеба на ум, что к ним надо особенно бережно относиться, тем более в первое время, когда по ошибкам командира новобранец может превратно судить о всей военной службе.

И командир взвода следил, чтобы отделенные командиры ни в коем случае не подозревали в нерадивом отношении к службе еще не привыкшего к ней солдата, а подходили бы к нему с ободряющим словом.

Сам Ватутин хорошо запомнил приказ Фрунзе о том, чтобы конкретная программа воспитания и обучения на ближайший период сводилась к превращению каждого красноармейца в сознательного гражданина, к

достижению максимальной военной квалификации, к закреплению духовной связи командного состава с красноармейцами.

Так, с первых же дней находя путь к сердцу бойца, молодой командир завоевывал взвод. Но это не исключало строгой и неуклонной его требовательности. С первого же часа на утреннем осмотре бойцы убедились, что от Ватутина не ускользнула ни одна небрежность в одежде красноармейца, ни одно нарушение строя.

Сам отличный строевик, всегда подтянутый, аккуратный, он готовился к строевым занятиям так, чтобы красноармейцам захотелось стать похожими на него. Все строевые занятия проводил лично, учил ходьбе каждого бойца. Люди переучивались ходить, добивались, чтобы шаг был широким, свободным, четким, суворовским, каким рота, полк, армия проходят легко и быстро сотни километров.

Командир взвода укреплял в своих бойцах веру в оружие Красной Армии. Показывая ружейные приемы, разбирая и собирая оружие, стреляя, он доказывал, что русская винтовка, как и пулемет, безотказна в любую погоду. В то же время неусыпна была бдительность командира, приучавшего бойцов беречь оружие как зеницу ока.

Каждого воина в отдельности Ватутин обучал меткому огню. С теми, у кого было плохо поставлено дыхание, он устраивал соревнования в нырянии, в плавании под водой. Это тренировало дыхание, укрепляло легкие. Командир закалял бойцов на маршах, на учениях, водил их по бездорожью, старался не пользоваться мостами, переправлялся через реки вброд.

На таких учениях Ватутин был особенно внимателен к бойцам. Он заботливо готовил их к маршу в жару и следил, чтобы никто не обморозился зимой. Бойцы

платили ему любовью, уважением и старались не подвести своего командира при выполнении трудных задач.

Строевая подготовка, тактика, стрелковое дело чередовались с караульной службой.

Ее использовал Ватутин, чтобы воспитать у красноармейцев боевые качества, внушал, что безупречное знание устава позволяет уверенно действовать на посту, рассказывал о подвигах русских часовых, не покинувших поста в минуты смертельной опасности, о подвигах погибших при защите постов советских часовых Алешина, Чернышева, именами которых названы красноармейские казармы в Москве.

Цели и задачи работы указал молодому командиру Фрунзе, писавший, что мы не можем обольщать себя надеждой, что каждый красноармеец при такой трудной обстановке, как сейчас, превратится в командира взвода, но стремиться к этому мы, безусловно, должны.

Мы имеем возможность, говорил Фрунзе, строить единство армии не на палочной дисциплине, а путем максимального развития умственных способностей красноармейцев.

Ватутин сам чувствовал, как трудно учить совершенно неграмотного человека, или, как тогда говорили, «остромалограмотного», то есть умеющего лишь написать свою фамилию.

На глазах командира взвода люди, которым он отдавал все свои силы, овладевали азбукой и радовались этому. Им помогали в учебе природная сообразительность и способность к науке.

Взрослые, уже женатые, не умевшие написать письма, не решавшиеся доверить кому бы то ни было те тайные слова, которые хочется сказать жене, любимой, теперь были счастливы и первые письма несли показать ему — командиру взвода.

Терпеливо, настойчиво работал с бойцами Ватутин, сам проводил с ними политзанятия, и от него получали бойцы ответы на свои вопросы.

Так жил командир жизнью своего взвода, нес красноармейцам идеи Коммунистической партии и сам рос на работе, которая обогащала его опытом жизни, умудряла, учила понимать душу человека

Обучая и воспитывая красноармейцев, Ватутин готовил не только защитников социализма, но и его строителей.

Однажды Ватутин прочитал повесть писателя Куприна «Поединок», и перед ним раскрылась картина жизни офицера царской армии.

Ватутин командовал взводом в обычном армейском полку, в Чугуеве — давней стоянке полков русской армии. Но какая была пропасть между положением Ватутина и жизнью офицеров царской армии, которую описал Куприн! Там вражда между офицерами и солдатами. Там солдатам, способным к военному делу, были чужды классовые цели армии. Офицерам надоедало из года в год учить солдат одному и тому же, водить свои взводы и роты в атаки на одну и ту же высоту. Они заполняли тоскливые будни попойками и картежной игрой.

Единственной возможностью для небогатого, неродовитого офицера вырваться из этой беспросветности являлось поступление в академию генштаба, а если эта возможность исчезала, оставалось лишь вечное прозябание.

А советский командир вдохновенно трудился и творил. Он принял под свою команду людей, обучал их и воспитывал.

Ватутин чувствовал себя на почетнейшей должности в государстве: ему были даны высшие права — вести советских людей в бой. И в подготовке к

этому состояла государственная задача Ватутина, великий смысл будней советского командира.

Ватутин не испытывал неудовлетворенности, подобной той, которая одолевала героев книги Куприна. У офицеров царской армии не было перспективы, а у командира взвода Ватутина перспектива не имела границ. Вся система подготовки командного состава Советской Армии построена так, что командиры систематически учатся. И в январе 1924 года, через год с лишним после того, как Ватутин прибыл на службу в полк, он был снова направлен на учебу в Киевскую высшую объединенную военную школу командного состава.

В Киевской высшей объединенной военной школе

Киевская объединенная военная школа имела годичный срок обучения и предназначалась для совершенствования командиров, получивших, подобно Ватутину, среднее военное образование, а также для командиров, имевших опыт гражданской войны, который требовалось систематизировать.

Рано утром Николай Федорович уходил в школу, возвращался поздно вечером, работал по ночам, по воскресным дням.

Вначале жилось нелегко: это было время нэпа. Татьяна Романовна решила было заниматься без учителя, но Николай Федорович категорически заявил, что откажется от обедов, если это случится. Помирились на том, что Татьяна Романовна будет учиться при клубе.

Не повезло с квартирой. Хозяин — скарредный нэпман, экономя электричество, выключал свет, когда Ватутину надо было готовиться к занятиям; воспользовавшись тем, что доверчивые молодые люди, уплатив за квартиру, не взяли расписки, хозяин вторично потребовал квартплату.

Ватутин счел ниже своего достоинства вступать с нэпманом в денежную тяжбу и, заняв деньги в кассе взаимопомощи, уплатил снова.

Эти бытовые неурядицы не выводили из равновесия жизнерадостных Ватутиных.

Живя в Киеве, Николай Федорович полюбил замечательный парк над Днепром. Здесь всегда было тихо. С крутого высокого берега открывался чудесный вид на Днепр, на пологое Заднепровье. Здесь, постелив

на траве шинель, слушатель готовился к очередным занятиям.

Учебный курс школы дополнялся внешкольной работой.

Шли диспуты о том, какой будет новая мировая война, какой будет тактика Советской Армии. Обсуждали, какая ей потребуется техника. И здесь возникал разрыв между полетом мыслей молодых командиров и техническими возможностями, которыми располагала тогда Советская Армия.

В школе читали об угрозах английских, американских, французских, немецких милитаристов.

Американский генерал Митчелл еще в 1922 году грозил, что авиация Соединенных Штатов Америки может в десять минут уничтожить морской флот любого государства; печать Америки шумела об изготовлении «сверхбомбы» в сто пудов, взрыв которой оставляет воронку восьми метров глубиной и тридцати метров диаметром. Германские империалисты при помощи империалистов США, Англии, Франции под видом рейхсвера восстанавливали немецкую армию и ее генеральный штаб. И все грозили миру и прежде всего Советскому Союзу страшным, всеуничтожающим химическим оружием.

А Советская Армия получила от своей промышленности в 1920 году всего лишь пять танков и имела небольшое количество трофейных танков, советские летчики летали на трофейных «летающих гробах». Хилая военная промышленность, которая осталась от царской России, никак не могла конкурировать с промышленностью капиталистических стран. В школе впервые появился один детекторный радиоприемник, казавшийся чудом по сравнению со старыми искровыми телеграфными станциями, и вокруг этой «радиоточки» подолгу засиживались слушатели.

В трудных и крайне неравных условиях начиналось величайшее историческое соревнование между Советской Армией, призванной защищать советскую землю, и армиями ее противников, готовившихся к войне против СССР.

Но были великие факторы, вселявшие надежды и уверенность в сердца воинов Советской Армии.

Советский народ, руководимый Коммунистической партией, поднялся на борьбу с вековой отсталостью страны, на борьбу за превращение СССР в могучую социалистическую державу.

Слушатели помнили ленинские слова о том, что придет время, когда Россия нэповская будет Россией социалистической, верили, что придет время и Советская Армия будет оснащена лучшей в мире боевой техникой.

Тогда, в первые годы после гражданской войны, с особенной остротой встал вопрос о том, какие виды боевой техники нужно развивать. «Теоретики войны» на Западе бредили тем, что они решат исход войны либо одной химией, либо одной авиацией, либо малой механизированной армией.

Решая вопросы строительства Советской Армии, наша Коммунистическая партия исходила из объективных экономических законов, определяющих развитие Вооруженных Сил и характер будущей войны. И решение проблемы строительства Вооруженных Сил на основе марксистско-ленинской науки о войне обусловило впоследствии успешное развитие в Советской Армии пехоты, артиллерии, бронетанковых сил, авиации, кавалерии — всех родов войск, обеспечило их гармоническое взаимодействие, их дальнейшие победы.

...Ватутину запомнился год напряженной учебы, и навсегда сохранила память скорбный день смерти Ленина.

В тот день днепровские ветры гнали над Киевом низкие зимние облака и седая холодная мгла опустилась на улицы города.

Медленно двигалась траурная процессия трудящихся Киева. Ватутин шел в строю под склоненными, повитыми крепом знаменами. А над городом, над ледяным безмолвием Днепра плыли звуки похоронного марша и любимой песни Ильича «Замучен тяжелой неволей».

Навсегда остались в памяти Ватутина слова Сталина: «Ленин не раз говорил нам, что передышка, отвоёванная нами у капиталистических государств, может оказаться кратковременной. Ленин не раз указывал нам, что укрепление Красной Армии и улучшение её состояния является одной из важнейших задач нашей партии. События, связанные с ультиматумом Керзона и с кризисом в Германии, лишний раз подтвердили, что Ленин был, как и всегда, прав. Поклянемся же, товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную Армию, наш Красный Флот!^[2]».

Вместе со всем народом Советская Армия повторила великую клятву и под водительством партии пошла вперед. В ее строю шагал и Николай Ватутин.

Летом школа переехала в Дарницкие лагеря на левый берег Днепра. На полевых занятиях Ватутин был одним из самых пытливых и настойчивых. Он учился вести бой в приднепровских вековых лесах и в густых прибрежных зарослях кустарника. Здесь производил он топографические съемки, ходил по азимуту. Изучая скрытые подступы к Днепру, по-пластунски ползал низинами, определял глубину и режим течения великой реки, находил быстрины и отмели, ставил дымовые завесы, участвовал в наводке понтонных мостов, учился форсировать Днепр. Через девятнадцать лет Ватутин,

став генералом армии, приведет к берегам Днепра могучие армии, артиллерийские, танковые, авиационные соединения и сотни тысяч воинов 1-го Украинского фронта.

А пока, успешно окончив в сокращенные сроки Киевскую высшую объединенную военную школу, Николай Ватутин вернулся' для прохождения дальнейшей службы в тот же Купянский стрелковый полк.

Командир роты

Ватутин был назначен помощником командира роты полковой школы. В полковые школы всегда направлялись лучшие строевые командиры, овладевшие методикой обучения, способные политически воспитывать младшего командира.

Здесь Ватутин был избран секретарем партийной ячейки школы и членом партийного бюро полка.

Характерно, что он всегда сочетал свою командную работу с работой партийной. И сейчас он мобилизовывал коммунистов на помощь командиру и комиссару полка. Надо было разъяснять красноармейцам политику партии, бороться за дисциплину, воспитывать у бойцов чувство бдительности, беречь как зеницу ока свою часть от проникновения в ее ряды классового врага — троцкистов, шпионов, кулаков.

Жизнь во всем ее многообразии, во всей ее сложности «остроте» вторгалась в деятельность Ватутина, раздвигала ее, приносила будущему полководцу опыт, умение понимать людей, обостряла его политическое чутье, воспитывала его самого.

Требовательный к себе и примерный в службе, Николай Федорович имел неоспоримый авторитет среди Товарищей.

Вскоре командование назначило Ватутина командиром роты.

Этот период надо считать одним из важнейших в жизни Ватутина.

При оценке строевого командира любого звания, при его аттестовании, при назначении на любую должность всегда учитывают, был ли он командиром

роты, справедливо считая, что тому, кто не командовал ротой, труднее командовать полком, дивизией, армией.

И это вполне закономерно, ибо рота является важнейшим низовым звеном армии. В роте решается успех боевой подготовки солдата. Рота — центр политической работы.

Теперь у командира роты Ватутина было в три-четыре раза больше бойцов и руководил он ими уже не только лично, но и через командиров взводов, организуя и направляя их работу.

Качества организатора для командира роты являются одними из главнейших.

Ватутин отвечал за всех в роте и за все, что было связано с ротой. На нем лежала теперь ответственность за то, как подготовлены командиры взводов, как обеспечена учеба роты методически. Он отвечал за оружие роты, за амуницию, за двуколки и лошадей.

Становясь во главе роты, командир впервые выступал в роли хозяйственника. Невелико хозяйство роты, помещается оно все обычно в маленькой каптерке, ведает им старшина, но оно ответственно.

Ватутин отвечал и за то, как прибрана казарма, как заправлены койки, что находится в тумбочке бойца.

Но главной обязанностью командира роты оставалась подготовка роты к бою.

Командуя взводом, Ватутин мог воздействовать на него в бою личным примером, тем более, что взвод чаще всего маневрирует целиком, но рота уже рассредоточена на большем участке, где не всегда слышен голос ее командира, не все могут видеть его. Пулемет, миномет, орудие рассредоточили боевые порядки роты, солдат осуществляет «локтевую» связь, не только касаясь локтем соседа, но и взаимодействуя огнем. И Ватутин управлял ротой через командиров взводов, будучи связан с ними, с соседними ротами, с командиром батальона, с приданной батареей. В бою

роты проявлялось взаимодействие разных родов оружия: пехоты, артиллерии, минометов; кроме стрелков, действовали пулеметчики, связисты, подносчики патронов, санитары, саперы.

Ватутин уже мог сочетать огонь и движение, удар в лоб с маневром во фланг. В действиях роты раскрывалась основа современной тактики — общевойсковой бой.

Известно, что командир роты в ряде случаев лично командует солдатами. Это сближает его с бойцами и требует, чтобы приказы командира роты были предельно конкретны.

Перед Ватутиным на учениях была определенная местность, он вел «бой» с определенным противником, действовал, сообразуясь с конкретными условиями погоды, времени года. Приказа командира роты ждали солдаты, находившиеся тут же, перед ним, видевшие эту же местность и «противника», которого им надо было атаковать. Тут не могло быть «общих» указаний и приказов вообще, не могли иметь место неточные оценки, ибо за это в настоящем бою люди платят жизнью. Надо было не только уяснить общую идею боевой задачи, но и продумать, как выполнить приказ. И, что также важно, командуя ротой, Ватутин учился понимать действия батальона и полка. Он стоял, как выражаются артиллеристы, «в створе» (на одной линии) между солдатом и командиром полка, а с такой «точки стояния» мыслящий командир может увидеть немало.

Много лет спустя, организуя общевойсковой бой соединений, Ватутин вспоминал, что именно там, в роте, он впервые понял элементы общевойскового боя, постиг непреложность требования конкретности приказа. Командиры, не прошедшие школу службы в низовых подразделениях, прибыв на поле боя, обращаются скорее к карте, к полевой книжке, чем к

солдату, к местности, к оценке противника, которого они видят перед собой.

Ватутин замечал, что старые генералы очень гордятся своим солдатским опытом и знанием службы в роте, и часто говорил военной молодежи, что самым сильным желанием командира, начинающего воинскую службу, должно быть желание командовать ротой.

За шесть лет (с 1920 по 1926 год), в течение которых Ватутин был солдатом, командиром отделения, взвода, роты и учился в Полтавской и Киевской школах, он овладел тем опытом солдатской службы, знанием службы низовых подразделений армии, которые помогли ему впоследствии командовать фронтом.

Испытав на себе солдатскую службу во всей ее суровой простоте и сложной сути, Ватутин узнал, на что способен солдат, что можно от него требовать и как надо ему приказывать.

Благодаря глубокому проникновению в процесс армейской жизни и пониманию души солдата опытному генералу, командующему фронтом, дано проницательное видение явлений боя.

Отдавая приказ по телефону или подписав его на бумаге, генерал всегда знает, как может быть выполнен приказ в самом низовом звене войск, видит, как приказ пройдет от штаба фронта до роты, до солдата, который должен его выполнить, и знает, сколько на это потребуется времени.

Если генерал всего этого не видит и просчитается во времени, он лишит свои войска возможности выполнить приказ, хотя он будет хорошо написан и правилен.

В основе расчетов подлинного полководца всегда огромные массы войск и отдельный солдат, олицетворяющий эти массы.

Гениальный Кутузов, превзошедший в 1805 году Наполеона в искусстве маневрирования, а в 1812 году

победивший его, создавал планы огромного стратегического размаха, и в основе их не только были действия армий, но стоял и солдат.

Замечательный пример этому — поход Кутузова в 1805 году. Французская армия сосредоточилась тогда в Булонском лагере на берегу Ламанша, откуда Наполеон собирался начать вторжение в Англию. В это же время Россия вступила в союз с Англией и Австрией. Армия Кутузова двинулась из России в далекий поход, чтобы в глубине Австрии соединиться с войсками союзников. Узнав об этом, Наполеон покинул лагерь в Булони и также повел свои войска в Австрию.

Успех начала кампании зависел от быстроты марша. Французская армия шла по отличным шоссейным дорогам, и путь ее был короче пути русской армии, двигавшейся по глухим, размытым осенними дождями дорогам окраинных областей Польши и Австрии.

Кутузов занимался в это время стратегией войны, вопросами европейской дипломатии, но решение этих вопросов повисло бы в воздухе, если бы великий полководец не интересовался одновременно кухням в и подводами и сам не организовал марш своей армии.

Впереди войсковых колонн до сближения с противником следовала не кавалерия, как обычно, а обозы и кухни. Кутузов требовал, чтобы солдат, располагаясь на ночлег, сразу поел горячей пищи и, не теряя ни минуты, лег отдыхать. Были собраны отовсюду подводы, на них везли солдатские ранцы и ехали по очереди солдаты. Русская армия совершила в 1805 году блистательный марш.

За годы с 1920 по 1926 Ватутин обрел понимание солдата и ощущение подлинной природы службы в строю.

Через шестнадцать лет огромный Юго-Западный фронт, которым будет командовать Ватутин, протянется на сотни километров. Уже не одну сотню

солдат на участке в один километр должен будет поднять Ватутин, а сотни тысяч солдат на фронте в сотни километров пойдут по его приказу в кровопролитное сражение под Сталинградом.

И тогда опыт командира роты поможет командующему фронтом.

Поясним примером, как это произойдет. Среди массы важнейших вопросов, которые придется решать Ватутину, встанет перед ним наряду с другими и задача выбрать исходный рубеж для атаки. Поднявшись с этого рубежа, солдаты должны будут добежать до переднего края врага и схватиться с противником врукопашную. Враг не захочет допустить сосредоточения наших войск, а они должны подойти как можно ближе к объектам атаки.

Где же будет этот рубеж? Сколько сотен метров, за какое время пробежит пехотинец под пулями, снарядами, минами, чтобы добраться до первой вражеской траншеи? Какая тут местность? Чем она поможет бойцу? Какие пойдут в атаку солдаты, какие командиры рот их поведут? Сколько придется сделать перебежек? Как обеспечить солдата всеми средствами артиллерии, авиации, танков, чтобы он ворвался в расположение противника и безостановочно пошел дальше?

Просчитайся командующий в чем-то — пехота ляжет перед передним краем врага и не сможет подняться под убийственным огнем. Разрывы снарядов искалечат солдат, а враг, неуязвимый, злорадный, будет все бить и бить. Страшные слова «атака захлебнулась» пронесутся по войскам, и телеграфный аппарат сухо отстучит донесение в Ставку: «Оборону противника прорвать не удалось». А оттуда генерала потребуют к ответу перед партией, перед народом, который доверил ему своих сыновей и дело победы.

Решая трудный вопрос, командующий фронтом увидит через призму знаний, полученных в академиях, все за и против и в то же время захочет поговорить с солдатами, с командирами рот, которые пойдут головными, и при этом вспомнит себя в роли командира роты, в роли солдата и тогда правильно представит себе атаку. Он четко увидит возможное и примет верное решение.

Рота Ватутина заняла первое место в полку, а в аттестации его за этот период было записано: «Сила воли развита в высшей степени. Энергичный. Авторитетный. Служит примером для комсостава полка. Здоров. Вынослив. В обстановке разбирается хорошо. Оценивает правильно. Твердо знает свое дело. К себе и подчиненным требователен. Хороший стрелок. Методист стрелкового дела. Любит военную службу».

Так настойчивость, проявившаяся в характере Ватутина еще в детстве, с годами глубоко осмысленная, стала «силой воли, развитой в высшей степени».

Так стремление к знаниям, всегда отличавшее Ватутина, с годами стало осознанной политической задачей и превратилось в любовь к военной службе.

Годы напряженного строевого труда явились фундаментом роста советского полководца.

В военной академии имени М. В. Фрунзе

После шести лет армейской службы Ватутин получил право поступить в военную академию и стал усердно готовиться к экзаменам. Он снял комнатку в Чугуеве и, позабыв все на свете, отдался занятиям.

С волнением переступил Ватутин порог небольшого здания академии на Кропоткинской улице в Москве.

Поколения командиров Советской Армии разных возрастов и положений помнят и любят это тихое здание, где они учились, откуда вышли на большую военную дорогу.

Экзамены были строгие, по широкой программе — от проверки знаний уставов и умения отлично пользоваться оружием до испытаний по политическим дисциплинам, литературе, военной истории с древних времен до наших дней, по тактике.

Надолго запомнилась большая аудитория с десятками экзаменующихся у столов. Полное безмолвие, нарушаемое лишь шелестом карт, шуршанием бумаг и изредка тревожным покашливанием.

Уверенный в своих знаниях, Ватутин сдавал экзамен за экзаменом и после каждого сразу же отправлял две открытки: в полк и жене. Потом уходил в тенистый парк на Девичьем поле. Здесь можно было спокойно подумать, вновь пережить только что выдержанный экзамен. Аллеями, пустынными улицами Ватутин выходил к Москве-реке, любовался видом лесистых Ленинских гор, и мысли его обращались к следующему экзамену. До глубокой ночи можно было видеть на скамейке, под фонарем, командира с книгой в руках.

Экзамены длились около месяца. Наконец Ватутин с волнением подошел к доске объявлений и прочел в списке принятых в академию свою фамилию. Через час он получил документ на имя командира 23-й стрелковой дивизии об откомандировании слушателя Ватутина Н. Ф. в распоряжение начальника академии.

Ватутин съездил в дивизию, получил очередной отпуск, отдохнул в селе Чепухино и приехал с Татьяной Романовной в Москву.

Все их вещи уместились на узенькой пролетке извозчика. Поселились они в общежитии, в маленькой комнатке на шестом этаже дома в Ваганьковом переулке, против Библиотеки имени Ленина. Там прошли годы напряженной учебы в академии.

Ватутин вставал в семь часов утра и, позавтракав, уходил в академию. Возвращался к вечеру, здесь же в столовой общежития обедал и после короткого отдыха опять работал до двух-трех часов ночи.

В академии все располагало к учебе. Николай Федорович полюбил тишину, царившую в этом небольшом, уютном старинном особняке.

Сквозь двойные окна и тяжелые портьеры с улицы доносился приглушенный гул. По утрам, перед началом занятий или в перерыве между ними, со двора слышался треск, точно горели в костре сухие сучья — это слушатели вели в тире стрельбу из наганов.

Ватутин засиживался в академии после занятий до глубокой ночи, ему не хотелось уходить от высоких шкафов, где так много еще не прочитанных книг, где, казалось, непрерывно совершается беззвучное и незримое передвижение войсковых масс.

Он вступил в члены Военно-научного общества, разрабатывал теоретические темы, углублял свои знания

Попав из Чугуева в Москву, в новый для него большой мир, Ватутин оказался точно в огромном саду,

где масса чудесных плодов и не сразу можно решить, с какого дерева срывать прежде всего.

Ватутины пересмотрели спектакли почти всех театров, побывали в большинстве музеев. Позже они ездили на экскурсии в Ленинград; академия посылала их на курорты в разные края страны, и жизнь все полнее, ярче разворачивалась перед ними.

С первого же занятия, когда Ватутин вошел в аудиторию, он «вступил в командование воинской частью». Он получил топографическую карту, приказ вышестоящего штаба, определяющий задачу его части, и несколько телеграмм, в которых дополнительно, но весьма неопределенно сообщалось о противнике, которого надо было разведать. Ватутин имел сведения о состоянии дорог и положении тылов, а также метеосводку и прогноз погоды. Такие же материалы получили и другие слушатели. Они составили штаб войсковой части, и начались... »боевые действия», не прекращавшиеся в течение всего академического курса. «Противником» были преподаватели, опытные, знающие, требовательные.

Все вперед и выше вела Ватутина академия, расширяя его кругозор, приучая к большим масштабам.

Прививая слушателям чувство большого масштаба, академия не отрывала их от земли, а требовала, чтобы они всегда видели, что творится не только на огромном пространстве, но и на каждом его отрезке, и отдавали себе отчет в том, что делает не только соединение, но и каждый батальон. В академии сомкнулись практический опыт командира роты с военной теорией.

Много лет спустя, когда Ватутин уже командовал фронтом и командармы, собравшись к нему на военный совет, ждали его решения, от которого зависел успех операции, когда надо было произнести ответственные, все определяющие слова «Я решил», он с

благодарностью вспоминал Военную академию имени М. В. Фрунзе.

Он вспоминал ее и в часы, когда решение еще вынашивалось. Командующий фронтом искал верное решение с величайшим напряжением мозга, сердца и нервов, ночи напролет проводя над картой.

Некогда в военной литературе говорилось о раздвоенности души и мысли военачальника, который хочет победы и не решается рисковать.

Советскому командиру Ватутину была несвойственна нерешительность. Не колеблясь, он вел войска навстречу врагу, потому что этого требовал долг перед государством, потому что он сам всегда делил с солдатами опасность боя и потому что каждое решение его было им выношено, пережито и выверено.

И если Ватутин уверенно принимал смелые решения и спокойно отдавал приказания, то это происходило потому, что он был глубоко знающим командиром.

К этому подготовила Ватутина Военная академия имени М. В. Фрунзе. Точно так же как в Полтавской школе, впервые став перед шеренгой, он учился произносить «Слушай мою команду!», так теперь перед слушателями, перед преподавателем он учился произносить это главное для командира, руководящего войсками: «Я решил!»

«Слушай мою команду!» и «Я решил!» — вполне сродни и одно продолжает другое. Академия учила Ватутина не только принимать правильное решение, но и отдавать приказ так, чтобы он был разумно и быстро осуществлен.

Ватутин очень любил штабную службу и самую технику ее. Ему нравилось производить расчеты движения своих войск и войск противника. Ему было волнующе близко чувство ответственности, которое появляется, когда карандаш скользит по карте и

ощущаешь, как, повинаясь начерченной стреле, идут в бой полки и дивизии...

Знания, получаемые в академии, Ватутин закреплял на летних стажировках, командуя подразделениями, работая в штабах.

Каждый год после маневров в академию приезжал с докладом нарком обороны Климент Ефремович Ворошилов, ставил перед слушателями новые задачи. Доклад наркома очень часто переходил в задушевную беседу старшего товарища, объясняющего, к чему надо стремиться молодому поколению командиров, как овладевать военными знаниями и общей культурой, как жить и работать.

* * *

Кроме марксизма-ленинизма и тактики — основных дисциплин, которые влекли Ватутина к себе, его с каждым годом все больше интересовала военная история.

Она дополняла курс тактики, расширяла кругозор. Если на занятиях по тактике Ватутин изучал действия полков, дивизий, то на занятиях по военной истории он охватывал действия армий. Перед слушателем проходили великие полководцы разных эпох, раскрывались законы не только тактики, но и стратегии. Волновал размах действий и дерзновение гениального Суворова, поднявшегося на вершины Альп, захватывали кампании гениального Кутузова.

В те годы, однако, в академии меньше занимались полководческим искусством русской армии и больше — походами Наполеона. Ватутин видел в решениях последнего интересные тактические и стратегические идеи, но понимал также и бессилие выдающегося

французского полководца, ставшего на путь захватнических войн.

Из сражений глубокой древности слушатели изучали битву при Каннах, где сотысячная армия римлян, отлично обученная и вооруженная, была охвачена с флангов, окружена и полностью уничтожена армией Ганнибала.

Из тихой академической аудитории Ватутин переносился на далекий берег Адриатики в год 216-й до нашей эры, и перед мысленным взором слушателя вставала картина знаменитой битвы, изучением которой занимались в течение двух тысячелетий военные историки и теоретики. Многие полководцы прошлого пытались повторить «Канны», но никому этого сделать не удалось. Ватутин тогда не мог себе представить, что через тринадцать лет он возглавит под Сталинградом ударную группировку советских войск, будет участвовать в окружении и уничтожении сильнейшей группировки сил фашистской Германии — битве, которая затмит «Канны».

Слушатели овладевали марксистским методом изучения истории, учились оценивать события, исходя прежде всего из тех экономических условий, которые определяли уровень боевой техники, организацию и тактику войск.

Изучая историю первой мировой войны, слушатели критиковали действия сторон, развенчивали «прославленных» Фоша, Людендорфа и других генералов Франции, Германии, Англии, Америки, не сумевших решить вопросов современной операции.

Но ни одна из войн в мировой истории так не обогатила знания Ватутина, как их обогатил опыт гражданской войны.

Сравнивая гражданскую войну в России с другими войнами, Ватутин видел, что ни одна армия не побеждала в таких крайне трудных, стратегически

невыгодных условиях, в каких победила Советская Армия.

Объяснение этому Ватутин находил прежде всего в революционной силе народа, поднявшегося под руководством Коммунистической партии на борьбу за Советскую власть.

Военные авторитеты Запада предрекли Республике Советов неминуемую гибель, а она победила армии белогвардейцев и четырнадцати иностранных государств.

Каждое сражение гражданской войны учило дерзанию, маневренности, укрепляло веру в силы советских войск, в их боевые возможности, открытые революцией.

Уже первые схватки только что рожденной Советской Армии с армией империалистической Германии показали, что советские полки могут бить полчища кайзера.

Победы над Колчаком учили быстрому сосредоточению ударных группировок и решительному наступлению, которыми прославились дивизия Чапаева и другие дивизии, руководимые М. В. Фрунзе.

В боях за Царицын уже было применено массирование артиллерии, там стала создаваться наша конница.

На опыте сражений Южного фронта слушатели академии учились оперативно-стратегическому искусству.

План разгрома Деникина, предложенный И. В. Сталиным и утвержденный Центральным Комитетом Коммунистической партии, показывал, как велико значение правильного выбора района боевых действий войск и направления главного удара.

Наступление советских войск на Южном фронте в кризисный момент борьбы, когда армия белогвардейцев была уже близка к своей стратегической цели —

Москве, сражение под Орлом, где были разбиты отборные белогвардейские полки, применение масс советской конницы и разгром белогвардейской кавалерии под Воронежем, рассечение деникинского фронта на всю глубину, тактика фланговых ударов — все это примеры советского военного искусства, зародившегося и окрепшего в битвах гражданской войны, которому учились теперь Ватутин и его товарищи по академии.

Опыт войны с панской Польшей, действия Первой Конной армии по глубоким тылам врага, рейды на Житомир, Бердичев, освобождение Киева, удар на Львов являли собой новые примеры оперативно-стратегического маневра.

Здесь нужно искать истоки того смелого и широкого маневрирования, которое осуществляли советские танковые соединения, направляемые Ватутиным, в битвах Великой Отечественной войны.

Дух дерзновения жил в академических аудиториях. Носителями его были прежде всего преподаватели и слушатели — участники гражданской войны. Достаточно сказать, что в те годы в Академии имени М. В. Фрунзе учились маршал Семен Михайлович Буденный и многие сподвижники Фрунзе, Ворошилова, Буденного, Щорса, Котовского.

Ватутин учился в академии, когда И. В. Сталин, выступая в день десятой годовщины Красной Армии, определил три ее особенности: как армии освобожденных рабочих и крестьян, армии Октябрьской революции, армии диктатуры пролетариата; как армии братства между нациями нашей страны, армии освобождения угнетенных наций нашей страны, армии защиты свободы и независимости нашей страны; как армии, которая «воспитывается с первого же дня своего рождения в духе интернационализма, в духе уважения к народам других стран, в духе любви и уважения к

рабочим всех стран, в духе сохранения и утверждения мира между странами»^[3].

Идеи марксизма-ленинизма, боевые традиции и опыт гражданской войны определяли взгляды будущего полководца — представителя советской военной школы.

Военная учеба шла неразрывно с партийной работой, которая также учила, воспитывала и закаляла Ватутина.

В те годы партия вела беспощадную борьбу с заклятыми врагами народа — троцкистами и правыми оппортунистами. Эти агенты империалистических государств попытались было проникнуть в академию и оказать влияние на слушателей, но были разоблачены и разгромлены.

Ватутин активно участвовал в борьбе с врагами народа.

XIV и XV партийные съезды и пленумы ЦК, проходившие в те годы, вооружали своими решениями молодого командира.

В 1929 году, борясь с правыми оппортунистами, Ватутин сознавал, что, добиваясь замедления темпов индустриализации, правые лишают народ, армию, его самого возможности обороняться против сильного, вооруженного до зубов врага.

Как военнообразованный человек, Ватутин знал возможности армий империалистических государств, видел, что с каждым годом растет опасность нападения на СССР, что борьба с империалистами будет опасной и трудной.

В своей речи на XVI съезде партии товарищ Ворошилов, касаясь того, как бешено вооружаются империалисты, чтобы сорвать социалистическое строительство в нашей стране, говорил:

«Вы в праве спросить ЦК: что же делается для того, чтобы наше пролетарское государство могло в полной боевой готовности встретить врага в тот момент, когда мы вынуждены будем защищаться, когда мы, невзирая на все меры предотвращения войны, будем вынуждены защищать наше социалистическое отечество?»^[4]. И отвечал: «...основную базу обороны нашего государства мы видим в форсированном развитии нашего хозяйства, в увеличении выпуска металлов, в развертывании химического производства, в строительстве автомобилей, тракторов, в форсировании общего машиностроения. Я должен сказать, что генеральная линия нашей партии, проводимая ЦК со всей жесткостью, со всей большевистской напористостью, была в то же время и линией на укрепление, на усиление обороны нашего государства...

Но, разумеется, одного этого было бы недостаточно, если бы ЦК нашей партии не уделял также особого внимания специальным вопросам строительства вооруженных сил...

...Достаточно много вопросов военного строительства, из них огромное большинство принципиальных, прошло через Политбюро»^[5].

Уже командуя фронтом в грандиозных битвах с армиями фашизма, получая от страны большое количество боевой техники, при помощи которой и были сокрушены эти армии, Ватутин еще глубже почувствовал все историческое значение борьбы партий с правыми оппортунистами.

Ватутин был последовательным и непримиримым в борьбе за генеральную линию партии во всем и всегда.

Вскоре после окончания академии, находясь уже в войсках, он узнал, что колхоз, только что созданный в его родном селе, разваливают кулаки. Агенты врага воспользовавшись неопытностью первых колхозников

разлагали дисциплину, распускали провокационные слухи, травили скот. Лошади дохли от менингита, крестьяне покидали колхоз, уводили скот, забирали телеги и сбрую.

Через несколько дней, ночью, Ватутин приехал в родное село и наутро выступил с докладом перед колхозниками. Кулаки пытались сорвать собрание, трижды добивались обсуждения вопроса, нужен ли колхоз вообще, и трижды выступал Ватутин, разоблачая кулаков и подкулачников. Собрание длилось весь день. К вечеру в колхозе осталось 30 семей, остальные заявили о выходе из колхоза. После этого открылось новое собрание колхозников, на котором опять выступил Ватутин. Он напомнил односельчанам о полной добровольности вступления в колхоз и говорил о великих перспективах колхозного движения.

Тут же выбрали правление артели, обсудили план сева.

В ту ночь Ватутин так и не попал домой. Крестьяне, ушедшие с собрания, ждали его на улице, чтобы посоветоваться с ним еще раз. И вновь стихийно возникло собрание, длившееся до самого утра. На этом собрании Ватутин окончательно вырвал из-под влияния кулаков колебавшихся крестьян, и они вернулись в колхоз. Ныне этот колхоз носит имя Ватутина.

...В 1929 году коммунисты избрали Ватутина членом партийного бюро третьего курса академии.

В своей статье «Из опыта партийной работы третьего основного курса», напечатанной в журнале «Рупор», Ватутин писал:

«Главнейшей задачей нашей партработы являлась постоянная и бдительная забота об укреплении идеологической устойчивости наших рядов на основе генеральной линии партии.

Мы своевременно организовали борьбу с правым уклоном и примиренчеством, являющимися основной

опасностью для партии на данном этапе. Разгром контрреволюционного троцкизма сменился работой по ликвидации троцкистского болота и выкорчевыванию остатков троцкизма. Можно сказать, что к настоящему времени это болото почти осушено. Так же успешно выкорчевываются гнилые остатки троцкизма.

Сплочение под лозунгом выполнения пятилетки всех творческих сил рабочего класса и трудящихся крестьян, наступление на капиталистические элементы широким фронтом — вот идеологическая установка нашей партии на новом этапе социалистического строительства.

Под этими лозунгами строилась наша партийная работа. Работа среди беспартийных, несмотря на достижения текущего года, являлась одним из слабых участков. В будущем надо покончить с недооценкой этой работы и положить конец рассуждениям (хотя бы единичным) о том, что-де база наших беспартийных узка, что они являются людьми с оформившимися взглядами, а отсюда — нечего нам особенно заниматься этим вопросом.

Надо отметить, что целый ряд больших достижений возможен был лишь при условии правильного партруководства в академическом масштабе.

Только при этом условии мы могли в основной массе воспитать партийца-большевика, активного и непримиримого борца за ленинскую линию нашей партии, воспитать новую когорту активных строителей Красной Армии в духе решений нашей партии, решений пленума РВСР и на основе единства всего начсостава.

Уходя из академии, мы желаем, чтобы опыт нашей работы был учтен, чтобы академия организовала прочную связь со своими питомцами, а о себе мы говорим: «Мы готовы к работе в РККА».

Ватутин имел право написать эти слова. Советской Армии требовался командир-единоначальник,

командир — политический руководитель, и Ватутин был таким командиром.

В его характеристике за 1929 год записано: «В партийной, политической жизни активен. По своей подготовке и свойствам характера может быть единоначальником».

* * *

Советская Армия ждала новых военных академиков. В те годы в армию уже вливался поток новой боевой техники, производились новые формирования, резко возросла роль штабов, и лучших выпускников академии направляли на штабную работу.

Перед выпуском из академии 1 мая 1929 года Ватутин в последний раз стоял в строю на параде у Исторического музея, против Никольских ворот Кремля.

Отзвучали куранты, промчался перед застывшими войсками принимавший парад Климент Ефремович Ворошилов.

Во главе колонны Академии имени Фрунзе шел, как всегда, выпускной курс. Пройдя мимо Мавзолея, выпускники получили разрешение остаться на Красной площади посмотреть парад и демонстрацию.

Еще трофейные танки, отбитые в боях у белогвардейцев, ползли перед трибунами, над площадью пролетело совсем немного самолетов, а первомайские лозунги ЦК партии, горевшие на знаменах заводов, уже говорили о значительных победах социалистической индустрии.

Партия поставила тогда перед народом задачу догнать и перегнать капиталистические страны в технико-экономическом отношении, и советские люди трудились, чтобы выполнить указания партии, укрепить свое государство.

Непоколебимой верой в силы народа, руководимого партией, было переполнено сердце Ватутина. С этой верой он вернулся на службу в войска.

Носитель штабной культуры

Ватутин был назначен в штаб 7-й стрелковой дивизии, стоявшей в Чернигове. Отдел, в который он попал, был в штабе основным.

Ватутин помогал войскам в организации боевой подготовки, но главным образом участвовал в обучении полковых штабов и штаба дивизии, проводил показательные игры, старался передать штабным командирам те знания, которые он приобрел в академии. Авторитет Военной академии имени Фрунзе в войсках был всегда высок, и к голосу Ватутина прислушивались внимательно.

Ватунин начал свою службу со скромной должности помощника начальника отдела. Ему приходилось наряду с разработкой теоретических вопросов вождения дивизии организовывать работу внутри штаба.

Ночью, порой в дождь и непогоду, на осенних маневрах где-нибудь в глухом лесу должен был Ватутин быстро расположить штаб, поднятый вместе с дивизией по тревоге, передать полкам приказ, создать безотказное управление ими. Можно себе представить, что могло произойти, если бы помощник начальника отдела не обеспечил весь штаб картами, если бы не было машинистки, не хватало фонарей, плохо работали телефоны... Так наряду с военными доктринами Ватутин занимался и фонарями «летучая мышь», что было вполне закономерно и не мешало командованию увидеть в Ватутине отличного штабного командира, способного самостоятельно работать в оперативном отношении.

Вскоре его перевели в штаб Северо-Кавказского военного округа. И здесь, выполняя ответственные

задания, он сам производил все расчеты, вел карты, и такая работа не только не тяготила его, но, наоборот, приносила радость. Его оперативные карты всегда были яркими, четкими — образцом графики. Эта любовь к работе над картой осталась у Ватутина навсегда: уже командуя фронтом, он никогда не довольствовался тем, что обстановку наносил на карту штабной офицер. Ватутин сам графически выражал свои решения.

В штабе округа сосредоточивался опыт многих соединений, и Ватутин мог теперь сверху оценить свою прежнюю работу в дивизии. Инспектируя войска, изучая действия пехоты, конницы, артиллерии, он всюду искал новое, полезное, обобщал лучший опыт, распространял его в войсках.

По штабу округа вскоре был отдан приказ: «Помощнику начальника отдела штаба товарищу Ватутину за добросовестное и вдумчивое инспектирование войск и за ряд ценных предложений объявляется благодарность». А несколько позже было отмечено, что «проведенные под руководством Ватутина опытные учения дали богатый материал по организации управления войсками».

После полуторагодичного пребывания в штабе округа Ватутин был направлен на ответственную самостоятельную работу — начальником штаба горно-стрелковой дивизии.

Для него эта работа явилась новым большим этапом совершенствования. На Украине он осваивал действия войск в бескрайних степях. Назначенный в штаб Сибирского военного округа, он учился водить войска в снегах, по тайге. Руководя штабом горно-стрелковой дивизии на Северном Кавказе, учился и учил войска действовать на раскаленной солнцем местности, организовывал горный поход отрядов дивизии на вершину Казбека. В горах то бушевала метель, то появлялось солнце, начиналась оттепель, возникали

снеговые обвалы, грозившие смести горных стрелков в пропасть. Где не могли идти кони, люди на себе поднимали орудия, преодолевали неприступные кручи, и в зоне вечных снегов, где серебрится снеговая вершина Казбека, оставляли записки о том, как советские воины покоряют природу.

Ватутин работал начальником штаба дивизии более пяти лет, и этот период стал одним из важнейших в его военной биографии.

Дивизия имеет не только учебные функции, — она боевое соединение и обязана всегда находиться в полной боевой готовности. Боеспособной должна быть вся дивизия, каждый ее полк, взаимодействие полков организует штаб.

Подготовлено должно быть каждое орудие к выстрелу, каждая двуколка к маршу, и штаб обязан проверить боеготовность и обеспечить правильное тактическое применение каждого подразделения. В службе штаба нет мелочей.

В то же время дивизия уже является основной категорией расчетов стратегии: количеством и качеством дивизий в первой и второй мировых войнах определялись силы армий, возможности государств, и руководство дивизией — это уже категория вождения войсковых масс.

Штаб дивизии и прежде всего начальник штаба должны находиться на уровне военной теории своего времени, обязаны ясно понимать природу боя, операции, уметь практически осуществить идеи передовой военной теории.

Ватутин как военачальник формировался в то исключительно важное для Советской Армии десятилетие (1930–1940 годы), когда над Советской страной сгущалась угроза войны, над кварталами Шанхая уже клубился дым боев, японская военщина ворвалась в Маньчжурию и тянулась к границам СССР,

Гитлер захватил власть, в Испании началась интервенция... Международная атмосфера становилась все более накаленной и грозной.

В такой международной обстановке Советская Армия должна была стать еще более сильной. Строились гиганты социалистической индустрии, крепла наша военная промышленность, и войска стали получать наилучшее современное вооружение. Вскоре по Красной площади, открывая парад новых танков, пронесся со знаменем быстроходный танк. Его едва успели приветствовать на трибунах, едва успели рассмотреть пораженные атташе иностранных армий, совсем недавно видевшие здесь медленно ползущие трофейные танки. И не успел механик-водитель скосить глаза, чтобы увидеть трибуну Мавзолея, как перед танком оказалась решетка на берегу Москвы-реки и надо было мгновенно развернуться налево, на Москворецкий мост.

И только прошел строй быстроходных танков, как над площадью появились новые мощные быстроходные самолеты.

В это же лето на маневрах впервые в истории военного искусства стали высаживаться с самолетов крупные десанты парашютистов.

В те годы создавались новые военные школы командного состава всех родов войск, и коммунисты, комсомольцы, лучшая молодежь добровольно пришли в эти школы.

Тогда же были созданы новые военные академии по подготовке старшего и высшего командного состава Вооруженных Сил.

Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство направляли развитие производительных сил страны и создание современного вооружения, определяли организационные формы соединений и подготовку командиров, способных

водить эти соединения, указывали пути и методы их тактического и оперативного применения — пути еще неведомые в истории военного дела.

Этот гигантский размах развития Вооруженных Сил, это единство их развития, всесторонняя их подготовка на базе растущих возможностей социалистического государства обеспечили успехи Советской Армии в годы мирной учебы и ее победы в годы войны.

Советская Армия, готовясь к защите своего Отечества, прокладывала новые пути в военном искусстве. Нужны были командиры, способные освоить то новое, что давали военной науке победы социалистической индустрии, и передать войскам то, чего требовала развивающаяся советская военная наука.

И вот Ватутин снова, в академии на курсах усовершенствования. Теперь перед ним стоит задача — научиться по-новому руководить войсками, ибо с изменением боевой техники менялся характер боя и операции.

Первая мировая война не решила проблемы прорыва обороны и не решила проблемы наступления.

Наступления, предпринятые англо-французскими, американскими, германскими армиями, приводили лишь к вдавливанию фронта, но не к прорыву, и в могилах под Верденом, у Камбрэ, на Сомме остались миллионы солдат, заплативших жизнью за бездарность генералов.

Только Советская Армия в гражданской войне показала образцы преодоления обороны и маневренных действий. Но если в гражданской войне плотность боевых порядков и огневых средств была относительно невелика, то в сороковых годах с появлением в армиях масс артиллерии, автоматического оружия, танков, авиации, мин снова встали вопросы прорыва обороны, глубокого удара, маневренных действий.

Эти проблемы решала вновь Советская Армия.

Самые дерзновенные решения слушателей теперь имели своей материальной базой возможности растущего Советского государства.

Ватутин склонялся над картой, отсчитывал циркулем расстояния, отчеркивал по линейке цветным карандашом границы движения дивизий и чувствовал, что он может по-новому планировать наступление войск, что ему даны небывалые доселе силы и средства, что не на километры, а на десятки и сотни километров можно отныне вести счет, что мощные, быстро подвижные войска и авиация решают задачи, какие перед войсками Ватутин никогда еще не ставил раньше.

Опираясь на возможности могучего государства, на силы его армии, творческая мысль молодого командира этой армии поднималась высоко и смело, формировался характер командира решительный, воля дерзновенная.

Несмотря на очень короткий срок переподготовки, Ватутин многому научился на курсах. Этому способствовало в значительной мере то, что академией руководил замечательный педагог, человек глубокой эрудиции, маршал Б. М. Шапошников и вели занятия лучшие преподаватели академии. Да и состав самих слушателей был очень сильный.

Рядом с учебным столом Ватутина стояли столы комбрига, впоследствии маршала, Толбухина и полковника, ставшего генералом армии, Антонова, в соседнем отделении учился командир дивизии, ныне маршал, Конев и другие слушатели, ставшие выдающимися полководцами.

Ватутин, как всегда сдержанный, скромный, внешне ничем не выделялся, но Шапошников и преподаватели заметили его, дали отличную оценку его успехам, и самым характерным в этой оценке было: «по всем вопросам имеет свое самостоятельное суждение».

Окончив курсы, Ватутин вернулся в свою дивизию и еще три года служил в войсках.

В 1936 году командование снова послало его на учебу, на этот раз в Академию Генерального Штаба (ныне Высшую военную академию имени К. Е. Ворошилова).

Ватутин, любивший учиться, на этот раз не хотел уходить с практической работы из войсках. Но командование судило иначе.

Дело в том, что и тех больших знаний, которые Ватутин имел, было уже недостаточно к 1936 году. К этому времени в Советской Армии появились совершенно новые соединения и еще более повысились требования к искусству вождения войск. Это было военное искусство расцвета машинного периода войны, который предъявлял к командирам и штабам новые требования.

Генерал должен был организовать с наибольшей производительностью труд и борьбу гигантских масс людей, применить сложную и разнообразную технику, проявив при этом большую эрудицию.

Как никогда раньше, возросла необходимость точного расчета и особенно планирования усилий войск в динамике сражений. Советским Вооруженным Силам был необходим генштабист, способный разбираться в сложнейшей обстановке современной операции и самостоятельно принимать ответственные решения.

Нужен был командир, способный творить, разрабатывать новые формы ведения операций в борьбе против очень сильного, оснащенного современной боевой техникой врага.

Необходимо было специально готовить военачальников, которые могли бы руководить крупнейшими войсковыми массами, двигать вперед военное искусство, военачальников, которым по плечу

стратегия и оперативное искусство современных больших войн.

Центральный Комитет Коммунистической партии, обсудив вопросы управления войсками Советской Армии, принял решение создать Высшую военную академию, в которую направили молодых, талантливых, трудолюбивых, отлично зарекомендовавших себя командиров, ранее окончивших одну из академий.

Ватутин и здесь скромный, очень трудолюбивый слушатель. Этими же чертами отличалось подавляющее большинство его товарищей. Они учились под грохот боев в Испании — прелюдии второй мировой войны — и понимали, что сроки, оставшиеся до грандиозных, решающих столкновений, стремительно сокращаются. Потому так конкретны были вопросы, интересовавшие слушателей, потому так страстны были они в учебе.

Это были люди большого опыта и военной культуры, смелой мысли, полные сил и дерзаний, понявшие то новое, что дала Советской Армии победа первых советских пятилеток, способные вести Вооруженные Силы вперед.

Академия сформировала, систематизировала то новое, что появилось в военной науке, там определилось единство идей и взглядов, единство мышления нашего генералитета.

Ватутину не пришлось окончить академию^[6]. Успешно перейдя на второй курс, он получил отпуск и уехал на курорт. Это был последний год, когда Ватутин пользовался отпуском. С курорта его вызвали срочной телеграммой.

Он назначался заместителем начальника штаба Киевского военного округа.

На высших штабных должностях

Ватутин вступил в должность заместителя начальника штаба округа в 1937 году, когда партия разоблачила и громила врагов народа — шпионов, диверсантов, агентов иностранных разведок.

Близко столкнувшись с фактами вредительства, Ватутин непосредственно ощутил всю опасность того, что важнейшие государственные и военные тайны могли стать известны империалистам, готовившим нападение на СССР.

Ватутин, активно участвовавший в борьбе с врагами народа, энергично взялся за ликвидацию последствий вредительства, за укрепление войск, на боеспособность которых покушались враги народа.

В штабах округа был создан режим предельно напряженной работы. Ватутин требовал быстроты, точности исполнения, и войска сразу почувствовали, что пришел начальник, предъявляющий большие требования.

Вот как характеризует Ватутина один из документов того времени:

«Товарищ Ватутин Н. Ф. идеологически устойчивый, морально выдержанный, бдителен, беззаветно предан делу партии Ленина — Сталина и социалистической Родине. Умеет хранить военную тайну. Активно боролся с врагами народа и провел большую работу по ликвидации последствий вредительства. В партийно-политической работе принимает самое активное участие. Связан с массой, чутко относится к нуждам и запросам командного состава и красноармейцев. Правильно нацеливает и мобилизует парторганизацию

и командный состав на выполнение поставленных задач».

Эта оценка может служить характеристикой всей жизни Ватутина. Простой перечень лет, когда Ватутин избирался в партийные органы, подтверждает его органическую, постоянную активность в рядах партии. В 1924–1926 годах его избирали секретарем партийной ячейки полковой школы и членом партийного бюро полка. В 1929 году в академии он был членом бюро партийной организации третьего курса. В 1929–1930 годах Ватутин — член партбюро штаба дивизии. В 1930–1931 годах — член партийного бюро штаба Северо-Кавказского военного округа. В 1932–1933 и 1935–1936 годах снова член партбюро штаба дивизии. Одновременно в 1932–1933 годах Ватутина избирают членом дивизионной партийной комиссии и членом обкома партии. В 1938–1939 годах он член партбюро штаба Киевского военного округа. На XV конференции Коммунистической партии Украины Ватутин был избран членом Центральной Ревизионной Комиссии ЦК КП(б)У.

Всюду, куда партия посылала Ватутина, он умело сочетал командную работу с партийной.

В конце 1938 года Ватутин был назначен начальником штаба Киевского военного округа.

Киевский военный округ, как пограничный, был одним из важнейших для обороны страны. Войска округа должны были отличаться особенно высокой боевой готовностью.

Ватутин сразу же показал себя сторонником решительных, глубоких и внезапных ударов. Штабы войск знали, что если Ватутин будет проводить учение, то надо ждать всяких новшеств, что он потребует оригинальных решений, будет учить так, чтобы максимально приблизить войска к боевым условиям.

Ватутин всегда сам готовил учения, вникал во все детали подготовки и жизни войск, любил поднимать

штабы по тревоге, выводил их в поле, проверял по ночам не только руководство войсками, но и работу рядовых штабных командиров.

В своем штабе Ватутин не терпел и тени бюрократизма. Любой вопрос, с которым к нему обращались штабы войск, получал быстрое, четкое решение. Сам он работал долго, усидчиво, всегда сохранял спокойствие, корректность, не торопил подчиненных, не одергивал. Если им было что-либо неясно, Ватутин терпеливо объяснял, учил, показывал, и к нему шли на доклад как к начальнику, педагогу, коммунисту.

Ватутин всегда готов был помочь подчиненному в трудную минуту. Он забывал лишь о себе, о своем отдыхе.

В личном деле начальника штаба округа за те годы неизменно записывалось: «Очередным отпуском не пользовался».

Время тогда для Киевского военного округа было особенно напряженным.

Фашистская Германия оккупировала Чехословакию, и войска округа должны были быть готовы к боевым действиям. Фашистская Германия напала на Польшу, войска округа стремительно двинулись на запад, чтобы освободить Западную Украину, и с честью выполнили историческую задачу, поставленную партией и правительством.

В аттестации Ватутина тех лет записано: «Всесторонне развит, с большим кругозором, прекрасно работал по руководству отделами штаба, проявил большую оперативность и способность руководить войсковыми соединениями.

...В период освобождения единокровных братьев-украинцев Западной Украины из-под ига польских панов, капиталистов как начальник штаба округа

показал способность, выносливость и умение руководить крупной операцией».

* * *

В Советской Армии нет предела росту командира. Беззаветная преданность Родине, честное отношение к службе, дарование не остаются незамеченными. Потому молодой еще генерал Ватутин через десять лет после окончания Академии имени М. В. Фрунзе был назначен заместителем начальника Генерального Штаба Советской Армии.

Призвание Ватутина к оперативной работе, к штабной службе было обнаружено еще в академии. Его оперативные способности заметили в 1930 году, хотя он занимал тогда скромную должность в штабе дивизии и, казалось, затерялся в массе командиров. Но именно в то время отметили, что Ватутин «может самостоятельно работать в оперативном отношении». А через два года Высшая аттестационная комиссия при Реввоенсовете занесла в протокол: «Считать целесообразным использовать Ватутина Н. Ф. в Генеральном Штабе РККА».

Так, почти за десять лет до того, как Ватутин переступил порог большого кабинета в Генштабе, его, скромного командира в одном из округов, заметили среди тысяч и предрекали ему путь.

Бережно, целенаправленно вело его командование, вели партийные организации с поста на пост, от больших масштабов снова к меньшим, но ответственным, от практической работы в войсках в академию.

Неустанное совершенствование и движение вперед было для Ватутина прежде всего его партийным

долгом. Таков путь, по которому идут к высшим командным постам советские генералы.

Однако мог ли Ватутин стать полководцем при одном лишь своем усердии?

Можно представить себе требования, предъявленные к Ватутину. Он пришел работать в Генеральный Штаб армии Советского государства — государства, занимающего одну шестую часть суши, омываемого морями, океанами и имеющего сухопутную границу в десятки тысяч километров.

Интересы СССР, находящегося в капиталистическом окружении, соприкасались и сталкивались с интересами всех важнейших государств земного шара. Возможные противники СССР находились на западе, на востоке, севере и юге — все это были разные театры военных действий, но всюду кипела лютая ненависть врагов к социалистическому государству.

Надо было постичь законы движения миллионных войсковых масс на гигантских пространствах, законы их вооруженной борьбы.

В Генеральном Штабе Ватутин оперировал не одной дивизией, а многими, думал не о дивизионном тыле и двуколках для дивизии, а о железнодорожном транспорте Советского государства, не об одной-двух дорогах для марша дивизии, а о коммуникациях всей страны. Глубокое знание дивизии, понимание потребностей войск необходимо генштабисту, но этого мало. Раньше Ватутин знал отдельные клетки армейского механизма, а теперь перед ним был сам гигантский, сложный механизм, взаимодействующий с еще более грандиозным, сложнейшим механизмом всей страны, зависимый от ее возможностей.

Нужны были военное дарование, способность постичь огромные масштабы, умение сочетать знания деталей с обобщениями, то есть качества стратега и крупного организатора.

Здесь уже недостаточно одной оперативно-тактической подготовки — нужно также знание экономики, мало одних штабных навыков — требуется эрудиция ученого.

Служба Ватутина в штабе Киевского округа и в Генеральном Штабе совпала с такими событиями, как вторжение гитлеровской армии в Польшу и война фашистской Германии с Францией.

Весь мир был полон шума и треска фашистской пропаганды, создававшей легенду о непобедимости гитлеровской армии, под ударами которой в течение нескольких дней рухнула оборона тогдашней Польши и в несколько недель — Франции.

Фашистские и профашистские военные обозреватели объясняли это, между прочим, победой доктрины Гудериана, входившего тогда в моду со своей претенциозной и авантюристической книгой «Внимание, танки!». Основное положение этой книги — массировать удары танковых дивизий и авиации с последующим стремительным движением танков, моторизованной пехоты к стратегическим объектам обороны; основной тезис книги — «вперед и наплевать на все, что происходит на флангах и в тылу». Гудериан считал, что, действуя именно так, можно добиться победы.

Фашистские борзописцы объясняли стратегический успех гитлеровской армии во Франции заслугами заместителя начальника генерального штаба германской армии Манштейна. Манштейн предложил Гитлеру план танкового прорыва через Арденны на фланге французской армии, на ее тылы и наступления к Дюнкерку, на побережье Ла-Манша.

Когда этот план удался и французская армия была подсечена под основание, а британская армия прижата к Ла-Маншу, Черчилль назвал этот охватывающий удар

через Арденны «ударом серпом». Манштейну поручили составить план вторжения в Англию.

В кампании во Франции Манштейн командовал корпусом. Он первым вышел к Сене и форсировал ее. В голове его корпуса мчалась 7-я танковая дивизия генерала Роммеля, сыгравшая, как говорила реклама, видную роль в прорыве к Ла-Маншу и прорвавшая фронт на Сомме. Эта дивизия получила тогда таинственно-грозную кличку — «Дивизия призраков».

Вскоре судьба войны столкнет Ватутина с Манштейном на полях сражений под Псковом и Сталинградом, на Курской дуге и в Левобережной Украине, на Днепре и в Правобережной Украине. На главных стратегических направлениях борьбы будут действовать молодой советский генерал, заместитель начальника Генерального Штаба Советской Армии, и заместитель начальника генштаба германской армии, старый прусский генерал, начавший службу в генштабе за 22 года до того, как ее начал Ватутин.

Это впоследствии зафиксируют историки, но Ватутина не интересовали такие сопоставления.

Внимательно следили советские генералы за событиями в Польше и Франции, и им становились понятными подлинные причины успехов гитлеровской армии.

Они видели, что настоящего удара танковых масс даже и не было. Немецкие танковые дивизии наступали в Польше и Франции, почти не развертываясь из колонн. Расчет был не столько на уничтожение противника, сколько на подавление его воли. Криком «Внимание, танки!», паникой гитлеровцам удалось парализовать оборону слабых противников.

Польская армия со своими многочисленными кавалерийскими дивизиями и одной танковой дивизией была беспомощна. Она атаковала кавалерийскими массами в конном строю с саблями наголо, как во

времена Мюрата, и стала легкой добычей танков. У французов было достаточно танков, не уступавших немецким, но к началу войны большинство из них стояло на заводах еще без башен, а те, что пошли в бой, останавливались из-за порчи гусениц. Предательство парализовало усилия французских танкистов, обеспечив «победу» доктрины Гудериана. Гитлеровское командование получило от своей шпионской агентуры в Бельгии и Франции сведения о том, что при наступлении немцев через Бельгию вся французская армия двинется на север. Только поэтому фашистам и удалось осуществить «удар серпом». Предатели Франции обнажили фланг и тыл своей армии, так что от Манштейна не потребовалось никаких стратегических талантов.

«Странная война» — так назвала мировая печать период войны, когда противники сидели у линии Мажино не стреляя. Но то была еще не странная война, — тогда войны просто не было. Война могла показаться странной после 10 мая 1940 года, когда армия Гитлера перешла в наступление и когда Франция была продана врагу своим правительством.

Настоящая война началась 22 июня 1941 года. Настоящие битвы разгорелись под Смоленском и Ленинградом, под Москвой, Сталинградом, Курском — битвы, в которых немецко-фашистские армии за один день наступления (как это было, например, под Курском) истратили больше снарядов, чем при захвате всей Польши, а за три дня битвы больше, чем за всю войну с Францией, и все же были отброшены в исходное положение.

Однако, готовясь к войне против СССР, гитлеровцы собирали и развертывали неизмеримо большие силы, чем они собирали для войны с Польшей, Францией и Англией. Вся Европа переходила под власть Гитлера, ему на помощь спешили империалисты всех стран.

Конечно, реклама преувеличивала силы фашистской армии, но не подлежит сомнению, что двухлетние военные походы гитлеровской армии по странам Европы дали ей возможность втянуть в походную жизнь солдат, испытать оружие, отработать формы ведения операций, натренировать штабы, сделать армию кадровой. Чувство огромнейшей ответственности перед партией, перед народом требовало от советского генералитета напряженной работы. Ранним утром приезжал Ватутин в штаб, и только глубокой ночью по улицам уже спящей Москвы машина увозила его домой.

Служба в Генеральном Штабе Советской Армии стала решающим этапом жизни Ватутина. Здесь он оказался в сфере высшей государственной деятельности, где непосредственно постигал требования правительства и Центрального Комитета партии, учился их исполнению, — и это определило всю дальнейшую судьбу молодого генерала.

В феврале 1941 года Ватутин был награжден орденом Ленина.

На фронт

В ночь на 30 июня 1941 года Николай Федорович позвонил жене, что уезжает на фронт, и попросил уложить чемодан.

Вещи были уже собраны, когда раздались на лестнице хорошо знакомые Татьяне Романовне шаги. Не дожидаясь звонка, чтобы не задерживать Николая Федоровича и не потревожить спящих детей, Татьяна Романовна быстро открыла дверь.

За последнюю неделю Ватутин ни разу не был дома, и сейчас по его сухо горящим глазам Татьяна Романовна поняла, что он не спал много ночей.

Но голос Николая Федоровича был, как всегда, бодрый, движения энергичные, уверенные.

За все эти дни и ночи, во время коротких разговоров по телефону, Татьяна Романовна ни разу не спросила мужа, как идут его дела, и сейчас не спросила, куда и надолго ли он уезжает. Таков уж был стиль их отношений — Татьяна Романовна никогда не вмешивалась в дела мужа и само собой установилось, что Ватутин о служебных делах мало говорил и вопросов ему не задавали.

Николай Федорович отказался от ужина, предупредив, что внизу его ожидают.

Ему хотелось задержаться, посмотреть подольше на спящих детей, но он на цыпочках подошел к кроваткам, тихонько коснулся горячей щеки дочери и потного лобика сына, взглянул на них так, как никогда не смотрел раньше: стараясь навсегда запечатлеть в памяти родные лица, отошел и обнял жену.

Они прощались, сдерживая волнение. У двери, уже открыв ее, Ватутин приостановился и сказал: «Не волнуйся, Таня, мы еще увидимся, береги себя и детей».

Татьяна Романовна тихо закрыла дверь и вернулась в детскую комнату. Она никогда не провожала мужа к поезду или к самолету. Так всегда казалось, что Николай Федорович уехал на службу и сегодня же вернется домой. Но на этот раз все было до боли ясно. И хотя плакала она тихо, Леночка проснулась и тоже заплакала, — жаль было маму, жаль, что не попрощалась с папой, которого очень любила. Проснулся Витя, но как мужчина, о чем ему часто напоминал папа, не стал плакать, только вначале не мог произнести ни слова от той же жалости и от досады на самого себя за то, что проспал папин отъезд.

...Как только машина, промчавшись по затемненным улицам Москвы, выехала на Ленинградское шоссе, Ватутин приказал шоферу идти с предельной скоростью, а сам, впервые почувствовав право отдохнуть, откинулся на сиденье и сразу же погрузился в глубокий сон.

Час за часом бешено мчалась машина, спал Ватутин, с каждым часом приближавшийся к фронту, но долго еще не спала его семья в тихой квартире на одной из самых тихих улиц Москвы.

Вся жизнь проходила в эти часы в памяти Татьяны Романовны. Леночка чутьем дочери, душой чуткой девочки угадала, что маме дороги воспоминания, и ей захотелось говорить о папе.

Все воспоминания Лена начинала словами: «А помнишь, мама, когда папа...», и рассказывала о том, что было «давным-давно»: три или четыре года тому назад, когда ее, совсем маленькую, папа брал в театр на спектакли для взрослых. Брал потому, что Лена очень просила, он не мог отказать, да и сам не хотел расставаться со своей дочкой.

Все считали, что папа очень строгий, даже суровый, но она, Леночка, знала, что папа ей никогда не откажет и не только потому, что она его любимица, а потому,

что папа не может отказать ребенку, не может пройти мимо чужого горя и сам волнуется, когда дети плачут.

«...А помнишь, до этого в Киеве, — продолжала вспоминать девочка, — мы шли с папой по Крещатику в воскресенье, на улице было много-много людей, а в витрине пассажа я увидела куклу с меня ростом».

Леночка просила папу купить куклу, он отказывался, говоря, что Лена уже большая, ей нужны книжки, а не куклы, потом сдался с условием, что она сама понесет куклу домой. Оказалось, что нести куклу было ужасно тяжело, и Ватутину пришлось одной рукой держать руку дочери, а в другой нести громадную куклу в ярко-красном платье, с белыми волосами. Офицеры и солдаты при встрече с начальником штаба округа отдавали ему честь, понимающе улыбались, а генерал-лейтенант впервые в жизни смущался при встрече с подчиненными.

Ватутин действительно ни в чем не мог отказать дочке, и она связывала с отцом все свои детские дела.

В парке, в том самом любимом Ватутиным парке, где летом было так много пышных, красивых роз, зимой устроили детский каток.

Лена быстро научилась кататься на «снегурочках», а папа все не мог выбрать времени, чтобы посмотреть, как она катается. Все дни — и в будни и в праздники — он был в штабе или уезжал в войска, а возвращался домой поздно ночью. И тогда Лена решила не ложиться спать до приезда папы, чтобы все-таки показать ему, как она катается. Она начала ему звонить с девяти часов вечера, звонила до одиннадцати, потом звонила Татьяна Романовна, а Ватутин не отказывался приехать, он только отпрашивался на час, на полчаса, потом еще на полчаса... В первом часу ночи генерал-лейтенант вышел с дочерью в парк. Уже погасли все фонари, но светила луна, белел снег, и Лена, радостная возбужденная, оглядываясь на папу, скользила по

затихшей аллее. В ту чудесную зимнюю ночь Ватутин вспомнил свои деревянные, но отличные, им самим сделанные коньки, вспомнил детство, о котором его часто спрашивали дети и которое было так удивительно не похоже на их детство.

Дочка становилась старше, ее дружба с отцом крепла, появлялись новые дела и заботы. Лене не всегда удавались задачи, а мама заставляла решать. Украдкой от мамы Лена пробиралась к телефону, шептала в трубку условия задачи; к счастью, папа все сразу понимал, даже угадывал сказанное шепотом и, если в эти минуты не решал свои задачи в Генеральном Штабе, быстро решал задачи Лены. Но чаще всего он просил подождать до ночи. Лена соглашалась. Она знала, что в таком случае ей надо оставить на папином письменном столе рядом с его толстыми книгами по военной истории и стратегии свой тощенький задачник, и тогда папа, вернувшись даже глубокой ночью, очень усталый, все же улыбнется, взглянув на отчеркнутые задачи, и решит их на специальном листке, оставленном Леной. Зато в другой раз, когда у папы найдется время, он надолго усадит Лену рядом с собой, будет спрашивать ее по арифметике и станет так ясно и просто объяснять, что окажется — очень легко можно все понять.

Воспоминания, которым не было конца, начинались словами: «А помнишь, мама...», и кончались фразой: «Ты, Витя, этого не помнишь, ты был совершенно маленький...» Это напоминание очень задевало мальчика, тем более что и ему тоже было что вспомнить. Папа любил охоту и хотя не брал Витю с собой, зато разрешал ему не только поддержать двустволку, но даже чистить ее. Тогда же папа вырезывал себе и Вите шпаги, они фехтовали, и когда Витя побеждал, папа давал ему поиграть свою настоящую саблю.

Еще лучше помнил Витя, как папа приехал к нему в Евпаторию в детский санаторий и пробыл там с ним три дня. Тогда они гуляли, играли в шахматы, читали. Папа смотрел, как Витя и его товарищи вырезают картинки из календаря «1812 год», и рассказывал им о Кутузове, Суворове и Багратионе. У Вити сохранились книги, которые тогда привез ему папа, и тетради с нарисованными им скачущими всадниками.

Как раз в те дни были маневры Черноморского флота, и Витя видел с берега, как шли вдаль корабли, как мчались, вздымая буруны, торпедные катера, а над ними проносилась морская авиация. Папа все объяснял, — он мог все объяснить, про все рассказать. А когда Витя приехал в Москву, они ходили с ним в Музей Красной Армии, и опять папа очень интересно рассказывал о боях гражданской войны.

Еще помнил сын генерала, как он был с отцом в Мавзолее Ленина; отец поднял его тогда на руки и пронес так, чтобы мальчик хорошо видел спящего Ильича и навсегда запечатлел в своей детской памяти его образ.

Мерно тикали в квартире Ватутиных часы, и под их ход в детскую спальню вернулся сон, ласково одолел детей. Они незаметно уснули.

Спал по-прежнему генерал в машине, но по-прежнему не шел сон к Татьяне Романовне.

Она думала о том, как счастливо жила их семья, как внимателен всегда был к ней Николай Федорович.

И никогда, вспоминала Татьяна Романовна, не искал Ватутин случая отдохнуть, никогда он не жаловался на усталость, всегда старался поменьше думать о своем здоровье. Дважды он чуть не поплатился за это жизнью.

В Ростове, заболев брюшным тифом, он трое суток продолжал работать, пока его не увезли в больницу. В Москве, несмотря на два тяжелых приступа

аппендицита, Ватутин все откладывал операцию, ссылаясь на занятость. Однажды утром появились симптомы третьего приступа, и все же Николай Федорович, пообещав жене заехать в госпиталь, поехал в Генеральный Штаб. Татьяна Романовна позвонила в госпиталь. Старый хирург генерал Мандрыка, узнав о грозящей Ватутину опасности, сам помчался в Генеральный Штаб. Только что приехавший Ватутин потребовал у адъютанта очередные дела, а генерал Мандрыка запретил выдавать дела и попросил, чтобы заместитель начальника Генерального Штаба явился в его распоряжение, на хирургический стол. На помощь профессору пришел секретарь партийной организации, и Ватутину пришлось подчиниться.

Оперируя, хирург изумлялся тому, как мог Ватутин работать с приступами такой боли.

Всю жизнь самозабвенно работал Ватутин и в таком труде видел счастье.

И теперь Татьяна Романовна знала, что Николай Федорович, рвавшийся с первого часа войны на фронт, не будет щадить себя.

Без сна встретила жена генерала ранний свет июньского утра.

А Николай Федорович в это время был уже далеко, за городом Валдаем.

Машина Ватутина и следовавшие за ней машины генералов, ехавших на фронт, с рассветом еще более ускорили свой ход.

Только в городах и селах шоферам приходилось сбавлять скорость. Улицы всюду были полны народа. Тысячи людей собирались, строились, шли на призывные пункты. На всем пути от Москвы до древнего Новгорода, на всем необъятном пространстве народ поднимался на борьбу с немецко-фашистскими полчищами.

В трудные дни начала войны

30 июня Ватутин с группой генералов приехал на Северо-Западный фронт и сразу оказался в огненном пекле войны.

Навстречу ему, по шоссе и обочинам, отходили разрозненные подразделения, группы солдат, а попеременно с обозами и подводами — жители.

У мостов создавались пробки, сквозь которые с трудом пробивалась машина Ватутина.

Люди несли с собой слухи об огромных колоннах вражеских танков, о поражениях наших войск.

Над шоссе низко кружились самолеты со свастикой. Города Псков и Новгород подверглись массированным ударам вражеской авиации. Лес южнее Пскова, где Ватутин нашел штаб фронта, горел.

Обстановка на фронте была действительно грозная. Еще в Москве Ватутин уяснил себе общий план _ действий противника и все ответственное предназначение Северо-Западного фронта, на который он был послан Ставкой.

В ночь отъезда его из Москвы Советское Информбюро подводило итоги восьми дней боев. Уже стало известно, что против — Советской Армии на всех фронтах действуют 170 дивизий врага, уже выявились его крупнейшие группировки танков и авиации, определились главные направления ударов, огромный масштаб и крайнее ожесточение сражений.

1 июля Информбюро подтвердило, что «на двинском направлении противник выдвигал свежие подвижные части».

В последующие дни сводки Информбюро также начинались сообщения об ожесточенных боях на

двинском, затем на островском направлениях, о продолжающемся вводе в бой новых сил противника.

Все еще действовал «план Барбаросса» — гитлеровский план войны против СССР.

Этот план предусматривал «уничтожение СССР в молниеносном походе при помощи решительных ударов и глубоких танковых клиньев». План состоял прежде всего в уничтожении русских войск, расположенных в Западной России, и лишении Советской Армии возможности отойти в глубь страны. На северо-западном направлении «план Барбаросса» предусматривал поражение русских войск в Прибалтике, оттеснение их к морю и полное уничтожение, стремительный прорыв к Ленинграду, захват его, захват Кронштадта и Балтийского флота.

В начале войны Гитлер обещал своим гаулейтерам быть через шесть недель в Ленинграде, а через восемь недель в Москве.

3 июля начальник штаба германской армии Гальдер заявил представителям печати: «Не будет преувеличением, если я скажу, что поход против России выигран в 14 дней».

Северо-Западный фронт должен был вместе с Ленинградским остановить армии противника, стремившиеся отрезать Ленинград от Москвы, не дать противнику обойти Ленинград с востока, северо-востока и этим сорвать важнейшие планы Гитлера.

Противник, имея превосходство в танках и авиации, продвигался с (каждым днем все глубже и глубже; нашими войсками была оставлена Рига, танковые дивизии врага угрожали прорывом на Псков и Новгород.

В этих условиях Ватутин обязан был определить подлинное положение на фронте и причины неудач, найти способы остановить армии противника, доложить свои выводы Ставке Верховного Главнокомандования Советской Армии.

Первый и основной вывод, который сделал Ватутин, быстро ознакомившись с обстановкой, заключался в том, что штаб Северо-Западного фронта теряет управление войсками и что это представляет самую грозную опасность.

История войн знает много примеров, когда войска терпят поражение, но командование, сохраняя управление, выводит их на новые рубежи, перегруппировывает, и войска могут вновь противостоять наступающему врагу. Но, потеряв управление, потеряв связь с войсками, командование обрекает их на поражение. Противник может уничтожить любую часть, в то время как соседняя, боеспособная, не зная об этом, не окажет ей помощи, хотя будет иметь к этому возможность.

Потеря управления — катастрофа для войск и самое тяжелое преступление командующего и его штаба.

Еще в академии у Ватутина сложилось убеждение, что штаб фронта должен спокойно работать в любой обстановке; в точно указанное время должны поступать донесения из штабов армий, в определенное время штаб отдает войскам приказы командующего и точно доносит в Ставку о всех событиях.

Это было верное представление, и ровный ритм управления вскоре установился в штабах, несмотря на тяжелую обстановку на фронтах.

В самые ответственные дни великих сражений под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге и на других направлениях человек, попавший в штаб фронта со стороны, не мог бы сказать, что в это время на фронте происходят решающие события. Ни тени спешки, ни, тем более, нервозности не было в отделах штаба, разве что все более усталыми становились глаза бессменных тружеников войны — штабных командиров.

Но не такое положение было в штабе Северо-западного фронта в первые дни войны.

Связь часто рвалась, а с некоторыми соединениями фронта прекратилась совсем. Донесения от войск приходили большей частью с опозданием или вовсе не поступали.

Где противник, каковы его силы, действия, намерения — оставалось неясным, и потому появление его новых дивизий, их атаки являлись неожиданными и казались еще более опасными, чем это было на самом деле.

В то же время масса самых сложных, часто противоречивых, трудно анализируемых вопросов требовала от Ватутина безотлагательных решений.

Сквозь эти события и потоки противоречивых сведений шел генерал к верным оценкам и выводам, держал экзамен на право управлять войсками в труднейших сражениях начального периода войны.

Это была проверка огнем всех знаний, всего его опыта, ибо в ближайшие же часы после принятия им решения противник мог использовать ошибки штаба, если они допускались, и за них люди, подчиненные Ватутину, должны были поплатиться жизнью, а страна расплачивалась сожженными селами, сданными врагу городами.

Здесь в эти критические дни в полную силу проявилась способность генерала к верным, смелым решениям, его готовность принять за свои решения всю меру ответственности.

Он докладывал Ставке о потере управления войсками, о силе ударов противника, о мерах, необходимых, чтобы укрепить фронт, и в его докладе чувствовалось глубокое убеждение, что врага можно остановить, что его можно бить.

За мрачными картинами отхода наших войск и успехов противника Ватутин смог разглядеть, что положение не так страшно, как это кажется людям, потерявшим главное — веру в свою победу.

Советские войска, испытавшие небывалой силы удар вторжения, несмотря на успехи противника, готовы были к борьбе и на ряде участков успешно сражались.

Сохраняя управление, отходило с боями соединение генерал-майора Собенникова. Части полковника Голубева на второй день войны перешли у Таурогена в контратаку, нанесли поражение дивизии противника и гнали его 18 километров, устилая путь преследования вражескими трупами.

Противотанковая бригада полковника Полянского остановила танки противника южнее Шауляй, и все попытки противника ворваться в город с юга были парализованы советскими артиллеристами.

Поступали отрывочные сведения об успешных боях частей армии генерала Берзарина; войска генерала

Морозова сражались против семи пехотных и одной моторизованной дивизии врага.

Героически действовали танкисты Героя Советского Союза генерала Лелюшенко. Он сам всегда появлялся на опасных направлениях, водил своих танкистов в атаки.

В 1947 году, когда в городе Полтаве состоялся суд над военными преступниками, бывший командир танковой дивизии СС «Мертвая голова» Гельмут Беккер показал на суде: *«В первый же час войны мы двинулись из Восточной Пруссии в Прибалтику, рассчитывая безостановочно идти к Ленинграду. Достигнув Двинска, дивизия вынуждена была остановиться. В этот день мы вели тяжелый бой, и поле боя осталось за нами, но мы заплатили очень дорогой ценой за победу. За всю войну во Франции дивизия не имела таких потерь. Я хотел узнать, как русские строят оборону, и со своими офицерами обошел поле боя. Мы увидели высокое искусство инженерных сооружений и особенно маскировки: подходя к самым огненным позициям,*

трудно было их заметить. В окопах у пулеметов и на огневых позициях батарей лежали стрелки и артиллеристы, не покинувшие солдатского поста и раздавленные нашими танками. Силу огня русской артиллерии мы узнали сразу. К этому прибавились действия танков КВ и Т-34, против которых были бессильны немецкие танки Т-III и Т-IV. Здесь я впервые увидел, что русские закапывают танки в землю, и тогда их можно подбить только с ближней дистанции с большими для себя потерями».

После Великой Отечественной войны, когда открылись архивы германского генерального штаба, стало еще видней, что в те тяжелые для Советской Армии дни она не только проявила чудеса героизма, но нанесла врагу невосполнимые потери.

И все же героические, но разрозненные усилия наших войск не могли остановить противника.

Успех решало прежде всего правильное, твердое управление войсками.

С величайшим напряжением ждал Ватутин у телеграфа заключения Ставки на его доклад. Казалось, что минуты текут невероятно медленно... Наконец с аппарата Бодо поползла лента со знаками шифровки.

Командующим фронтом назначался генерал Собенников, начальником штаба фронта — генерал-лейтенант Ватутин. Впредь до прибытия Собенникова Ватутину приказывалось управлять войсками фронта.

Назначение молодого генерала начальником штаба фронта было проявлением к нему большого доверия — Ставка была согласна с его выводами и оценкой положения. Теперь он должен был в сражениях доказать свою правоту, оправдать доверие Ставки.

Докладывая Ставке, Ватутин ясно представлял себе, что и как нужно сделать, чтобы укрепить положение на фронте.

И в этот час снова завывали над лесом сирены, снова налетели бомбардировщики, снова — грохот разрывов. Перед Ватутиным в пыли и дыму вздыбились деревья, разметались палатки. Оказались разбитыми радиостанции. Лежали убитые штабные офицеры, которые должны были передать войскам приказы штаба — мысли и волю Ватутина.

В этот момент штаб увидел своего начальника. Он спокойно стоял во время бомбежки у палатки, потом поднял сброшенную, просеченную осколком свою генеральскую фуражку и стал отдавать распоряжения.

Прежде всего он потребовал навести порядок, в самом штабе. Все отделы, не осуществляющие непосредственного управления войсками, все лишние машины, обременяющие грузы было приказано отправить подальше, в тыл фронта.

Остающийся собственно штаб также переводился на новое место.

Но, несмотря на предстоящий переезд, Ватутин приказал здесь, в лесу, быстро построить блиндажи, отрыть щели, укрыть машины, — всем было дано понять, что где бы и на какой бы срок ни остановился штаб — людям надо создавать наиболее возможные условия работы и безопасности, и что в шалашах из веток, в палатках, поставленных на скорую руку, с телефонами, подвешенными на сучках деревьев, штаб фронта больше не будет работать ни часу.

Ватутин объяснил, что штаб в любых условиях должен являть собой образец организованности и порядка.

Расположить штаб фронта на новом месте было в тех условиях не простой задачей.

Он должен был находиться в таком удалении от войск, чтобы ему не угрожали прорывы танковых дивизий противника, чтобы колебания линии фронта не заставляли его переезжать с места на место:

незыблемость положения штаба — одно из важнейших условий стойкости войск. И в то же время штаб должен был быть расположен близко к войскам, — так легче управлять.

При неустойчивой обороне близость линии фронта, несомненно, опасна, но Ватутин шел на это, потому что верил в скорое укрепление обороны, в то, что безопасность штаба будет гарантирована стойкостью войск.

Все силы, все средства обратил Ватутин на установление надежной связи с войсками. Он верил, что и войсковые штабы ищут связи со штабом фронта и что скоро эта связь должна надежно сомкнуться. Все радиостанции штаба фронта устанавливали связь с рациями армейских штабов, и когда она нарушалась под ударами вражеской авиации, неутомимые радисты снова ее восстанавливали.

На одном из новых командных пунктов авиация врага снесла всю деревню, где расположился узел связи, но через полчаса уже работала связь запасного командного пункта, своевременно подготовленного по приказанию Ватутина.

Офицеры оперативной связи штаба фронта пробивались к нашим частям, устанавливали живую связь, ориентировали войска в обстановке, доносили Ватутину о положении войск.

Герои-летчики, несмотря на превосходство в воздухе истребителей противника, бесстрашно летали днем и ночью на «У-2», садились среди боевых порядков наших войск, передавали распоряжения штаба и под огнем вражеских минометов взлетали с донесениями штабу фронта.

Туда же, к войскам, были направлены и генералы, прибывшие с Ватутиным из Москвы для укрепления штабов.

Это были опытные, высокообразованные, смелые командиры. Некоторые из них работали до войны преподавателями в военных академиях, а здесь встречали своих учеников, и на полях сражений держали экзамен учителя и ученики. Некоторые из генералов тут же становились во главе войск, принимали на себя руководство штабами. Ватутину нужно было, чтобы такие именно люди, не поддающиеся тяжелым впечатлениям отхода наших войск, трезво оценивали и докладывали ему обстановку.

С не меньшим вниманием относился Ватутин к разведке. Для него всегда было делом первостепенной важности знать противника. И Ватутин не жалел сил и средств, чтобы раскрыть его планы, определить, где он наносит главный удар, а где только демонстрирует, узнать, где находится его резерв. Разведчики почувствовали, как глубоко интересуется их работой начальник штаба, и это воодушевило их.

Организуя оборону фронта, Ватутин отводил важнейшую роль артиллерии. Это был период, когда противник превосходил наши войска в авиации и танках, и артиллерия была силой, способной, несмотря на эти преимущества противника, остановить его танковые дивизии.

Одновременно максимальное внимание уделялось формированию резервов из войск, выходявших в тыл после боев, из тех бойцов, которых, подъезжая к фронту, Ватутин видел отходившими на восток. Ватутин организовал сбор этих солдат, кормил их, вооружал, сводил в боеспособные части. Он был рад каждому вновь сформированному батальону, каждой пополненной, окрепшей дивизии.

А трудности для генерала все не уменьшались.

Он должен был одновременно решать, где и какими частями контратаковать и где какие части выводить из-

под удара; где снова отвоевывать оставленные рубежи и где в тылу своих войск строить запасные рубежи на случай отхода; какие склады сжигать, чтобы они не достались врагу, и какие эвакуировать; какие взрывать мосты, чтобы противник не развивал преследования, и какие мосты строить, чтобы обеспечить маневр своих войск, готовящих контратаки; как обеспечить эвакуацию населения, колхозного имущества, скота и в то же время как освободить от этих потоков дороги, чтобы не закупорить их, не застопорить подходящие к фронту резервы Ставки.

Ватутин обязан был всегда знать до деталей положение на фронте и регулярно доносить об этом в Ставку, и главной задачей для него по-прежнему оставалось обеспечить твердое управление войсками, их непрерывное взаимодействие.

Успехи отдельных соединений не меняли общей картины: фронт — большой, сложный и единый организм, побеждающий, если все части боеспособны, если все части точно выполняют приказы, а для этого нужна система управления, которую Ватутин создавал.

Кому, как не Ватутину, было знать, что в современной войне, как никогда раньше, командир не может управлять без штаба. Немыслимо одному человеку, какими бы способностями и усердием он ни обладал, узнавать одновременно все, что происходит на гигантском фронте, где днем и ночью, сутки за сутками, ежечасно меняется обстановка. Не может один генерал отдать одновременно приказы всем соединениям фронта, следить за их выполнением, снабжать войска и уже в ходе одного сражения готовить новую операцию.

Это под силу мощному штабу — коллективу образованных, опытных, специально подготовленных генералов и офицеров, которые готовят решения командира, передают их войскам, контролируют исполнение и организуют взаимодействие войск.

Потому с первого же дня Ватутин поднял значение штаба фронта, определил его важнейшую роль в совершающихся событиях, придал его работе большой размах и конкретность.

Штабные командиры увидели образец того, каким должен быть штаб фронта, поняли требования Ватутина, а это немедленно передалось штабам войск.

Сам Ватутин быстро, уверенно, без шума включился в работу так, точно давно изучал обстановку, давно знал этот штаб. При этом Ватутин не заменял старых работников новыми, не винил подчиненных в неудачах, а нашел в самом штабе людей, которые хорошо знали войска, нашел тех, кто не терялся при неудачах, а трезво и верно оценивал обстановку. Такие люди, как всегда, были в штабе.

Для Ватутина не существовало «второстепенных» служб в штабе. У него не было пренебрежения к частным вопросам, не было равнодушия к докладам командиров штаба, равнодушия, при котором докладывающий не чувствует, не знает, что ищет, чего хочет начальник.

Ватутин видел, что работники штаба устали за десять суток напряженной работы без сна и без отдыха. Они устали, но были готовы продолжать борьбу, веря в победу. Каждый увидел, что его мнение дорого начальнику штаба, что усилия его не пропадают даром, а обеспечивают дело победы, и это вдохновляло людей. Этих людей возглавили опытейшие штабные командиры Сухомлин, Деревянко, Киносян. Они объединили усилия, сплотили штабной коллектив.

Ватутина отличала исключительная правдивость. Он требовал в докладах правды, не допуская в донесениях ни малейшей неточности, и сам докладывал в Ставку правду и только правду, какой бы горькой она порой ни была.

Штабные командиры учились у Ватутина не только организации штабной службы и управлению войсками, — они воспринимали его исключительную веру в сады Советской Армии, веру в победу над врагом.

Офицеры штаба или представители армейских штабов, докладывая начальнику штаба фронта обстановку, нередко сообщали о тяжелых, критических условиях, в которых оказывались наши войска, но никакие донесения, как бы тревожны они ни были, не устрашали Ватутина, не колебали устоев, на которых покоилась его вера. Он видел, что положение действительно грозное, но при этом в нем все сильнее поднималась готовность к сопротивлению неудачам, убеждение, что это временные успехи врага, что мы сильнее его, что его можно бить. Чем коварнее были действия противника, тем более тонко применял Ватутин военную хитрость; чем сильнее и опаснее были удары противника, тем больше изыскивал Ватутин возможностей для контрударов.

Его уверенность и спокойствие передавались подчиненным, которые уходили от своего начальника с верой в успех, с ясной целью и конкретными указаниями, какими путями идти к победе.

Ватутин приучил свою мысль спокойно работать в бою, умел не суетиться, не поддаваться панике.

Иногда на фронте создавалось положение, когда казалось, что нужно молниеносно решать, что делать. Непонятно было, как мог в этой нестерпимо опасной обстановке даже не измениться голос человека. Но за этим спокойствием скрывалась сдержанная, собранная в кулак воля.

И это спокойствие генерала спасало тысячи жизней.

Ватутин не принимал поспешных, непродуманных, не рассчитанных решений, которые, сохранив для высшего штаба десятки минут, могли заставить десятки

тысяч солдат тратить драгоценные в бою часы и дни на лишние передвижения.

Ватутин спокойно склонялся над картой, но когда из-под его пера выходил приказ, все видели, что он точно рассчитан и полон динамической силы, требует от войск стремительных действий, предельных усилий в бою. Внешне неторопливая мысль рождала план молниеносных ударов.

Штабные командиры вскоре узнали, что к Ватутину нельзя идти с проектом приказа, предусматривающего только пассивную оборону. Ватутин ее не признавал. Несмотря на превосходство сил противника, несмотря на временные неудачи, Ватутин принимал смелые решения, вел активную оборону.

Каждый подписанный им приказ неизменно и прежде всего формулировал задачу, как вести контратаки, как организовать новую группировку сил для контрудара по врагу. Не заслоняться от врага в критические минуты, а бить его — было главным в решениях Ватутина. И задачи обороны ставились исключительно в предвидении новых контратак советских войск.

В этом было не только выражение характера Ватутина, его личных черт, которые скажутся еще не раз, — в этом было проявление того духа активной борьбы, которым жил весь народ, рвавшийся в бой против захватчиков.

И когда иным командирам казалось, что наступать немислимо, что контратаковать невозможно, Ватутин требовал именно контратаки, предпринимал частные наступления, и эта как будто «невозможная тактика» срывала планы германской армии.

В те критические дни борьбы Ватутин сутками держался на ногах, лишь иногда под утро ложился на час-другой, укрывшись по-солдатски шинелью, поставив

рядом телефон, но чаще всего, тут же поднявшись, опять шел к карте или звонил в армейские штабы.

— Когда он спит? — спрашивали работавшие с Ватутиным офицеры штаба, которых он поражал неустанным бодрствованием.

Неизменно являя собою пример выносливости, Ватутин показывал подчиненным образцы мужества и выдержки.

При переезде на новый командный пункт самолеты противника, преследуя штабную колонну, обрушили на шоссе серию бомб, одна из которых взорвала камни и землю перед машиной Ватутина; когда к начальнику штаба бросились штабные командиры, он спокойно вышел из машины им навстречу и, узнав, что потерь в колонне нет, так же спокойно отдал распоряжение по колонне двигаться дальше.

Во время массированного налета на Новгород около дома, где некоторое время располагался штаб фронта, взорвалась тяжелая бомба. Когда помощники Ватутина вбежали в его кабинет, они увидели, что взрывной волной вырвало оконные рамы и осколки изрешетили стены. Один из осколков лежал на столе начальника штаба, а он, удерживая руками карту, спокойно смотрел в зияющий провал окна, точно там, за окном, бушевала не гроза бомбежки, а летняя гроза перед дождем.

Последним, забрав с собой все оперативные документы, выходил Ватутин из хаты, подожженной вражеской бомбой при налете на Демьянск, и, продолжая на ходу давать указания штабному командиру, шел к щели при налете авиации на командный пункт у села Пролетарское.

Таким бесстрашным был Ватутин в штабе, таким был он и в боевых порядках полков, куда выезжал, когда этого требовала обстановка.

В опасный момент, когда наша пехота отходила с рубежа реки Волховец, Ватутин появился среди

отступавших солдат и, сумев остановить их, повел против врага и снова занял оставленный рубеж.

Здесь, в боевых порядках войск, Ватутин встретил командира танкового соединения Черняховского. Вместе они укрепляли оборону, вместе организовывали контратаки, и тогда, в первых боях войны, зародилась их большая дружба, окрепшая впоследствии в сражениях на Украине.

* * *

Сила Ватутина как начальника штаба фронта была и в том, что он, генерал, коммунист, с первых же дней своей деятельности опирался на партийную организацию, был всегда близок к политическому руководству фронта

То, что вошло в плоть и кровь за все годы военной службы, — стремление сочетать командную и партийную деятельность, — благотворно сказывалось сейчас на руководстве работой штаба.

Сразу же по вступлении в должность начальника штаба, на исходе первой ночи работы, несмотря на напряженную обстановку на фронте и крайнюю занятость, а вернее, потому именно, что так было, Ватутин попросил собрать коммунистов штаба и рассказал о задачах каждого коммуниста в той трудной и опасной обстановке. Коротко было то ночное собрание, но оно многое определило. Коммунисты штаба, искавшие, как и коммунисты в любой части армии, возможностей, не щадя сил и жизни, помогать делу победы, получили ясные, конкретные задачи и решению их отдали все свои силы.

Ватутин, всегда глубоко продумывавший свои решения, уверенный в них, все же просил члена Военного Совета фронта генерала Богаткина, с которым сблизился в боях, проверять через политработников, как реализуются в войсках указания штаба фронта.

Это была самопроверка генерала в период его быстрого становления как руководителя войсковых масс. В этом сказывалась партийность генерала Ватутина, знающего цену своему мнению, силу своих решений, но ищущего возможности проверять их глазами коммунистов. В этом сказывалось убеждение Ватутина, что решения командования, поддержанные коммунистами, обретают новую, десятикратную силу.

В тот период проявилась еще одна черта Ватутина: умение не только повелевать, но и подчиняться, проявляя при этом исключительный такт и понимание роли начальника штаба фронта.

Вскоре после вступления Ватутина в эту должность прибыл и командующий фронтом генерал-майор Собенников.

П. П. Собенников обладал гораздо большим, чем Ватутин, командно-строевым стажем и опытом, он сражался в этих; же местах еще в первую мировую войну; здесь, недалеко от Риги, еще сохранилась землянка вахмистра конногвардейской саперной бригады Собенникова; на ответственных командных должностях участвовал он в гражданской войне. Но Ватутин занимал очень высокое служебное положение — заместителя начальника Генерального Штаба Советской Армии. Он проводил занятия с генералами, и Собенников многому у Ватутина мог поучиться, к тому же

Ватутин как генерал-лейтенант был старше в звании генерал-майора Собенникова. Два генерала-коммуниста, каждый на своем посту, стремились наилучшим образом осуществить решения Ставки и потому понимали друг друга с полуслова.

Командующий предоставил Ватутину широкую инициативу, сознавая, что чем инициативнее штаб, чем больше самостоятельности у его начальника, тем быстрее и лучше выполняются решения командующего.

Ватутин подготавливал командующему все данные для решений, продумывал все варианты их, учитывал все возможные случайности, обосновывал свои предложения расчетами. Доклад Ватутина был всегда краток, предложения убедительны, но делались они с большим тактом: Ватутин никогда не считал их своими, не выпячивал своей роли, признавая, что все решает Военный Совет фронта. Но, получив принципиальное решение командующего, он осуществлял приказы с исключительной инициативностью и ответственностью, не беспокоя командующего частностями.

* * *

В самые напряженные периоды борьбы на Северо-западном фронте туда приезжали товарищи Ворошилов и Жданов.

Они заслушивали доклады Ватутина о положении на фронте, требовали усилить оборону, строить ее более глубоко, установить железную дисциплину на фронте и в тыловом районе, обеспечить твердое управление войсками, усилить взаимодействие Северо-западного фронта с Ленинградским.

Ворошилов и Жданов укрепили уверенность в том, что Ленинград устоит и гитлеровцам его никогда не видать; предупредили, что чем больше будет усиливаться сопротивление Ленинградского фронта, тем настойчивее будут гитлеровцы прорываться в обход Ленинграда через Северо-западный фронт, который также отвечает за Ленинград, за коммуникации, связывающие его с Москвой.

Из штаба фронта товарищи Ворошилов и Жданов выезжали в войска, к переднему краю. Истребители противника господствовали в воздухе, преследовали на шоссе каждую машину, и члены Военного Совета фронта делали все возможное, чтобы убедить товарищей Ворошилова и Жданова не ехать на передний край; представители Центрального Комитета партии и правительства отвергли все предостережения, считая необходимым побывать среди солдат.

Молниеносно разнеслась по фронту весть о приезде товарищей Ворошилова и Жданова и о том, что они от имени партии и правительства обещали солдатам, что обстановка скоро изменится и враг будет остановлен и разбит.

Солдаты чрезвычайно обрадовались приезду товарищей Ворошилова и Жданова, но также просили их поберечь себя, покинуть окопы. Солдаты тянулись к ним, вслушивались в каждое слово и при этом загораживали их собой со стороны окопов врага.

Ватутин вместе с генералом Богаткиным получили личное задание товарищей Ворошилова и Жданова помочь местным партийным организациям в создании партизанских отрядов. Они вооружали эти отряды, направляли туда опытных командиров, устанавливали с ними связь. Вскоре, когда от этих отрядов стали поступать к Ватутину данные о противнике, когда штабные самолеты стали вылетать к партизанам, как на свои аэродромы, и когда удары партизан стали совпадать с ударами на фронте, начальник штаба фронта увидел, какую неоценимую помощь оказывают партизаны войскам и какие огромные силы таятся в народе.

Эти силы народа проявлялись в партизанском движении и в том, что десятки тысяч колхозников поднялись на строительство оборонительных рубежей, намеченных Ватутиным на переднем крае фронта и в его глубине. Из Ленинграда спешили эшелоны рабочих, служащих, домашних хозяйек, учащихся на строительство этих рубежей. Прибывали дивизии народного ополчения. Поступало вооружение с ленинградских заводов.

Ощущение, что за тобой стоит весь народ, руководимый партией, вселяло в генерала Ватутина новые силы.

* * *

Обстановка на фронте постепенно прояснялась, силы наши спланивались, первые решения были найдены, и все же напряжение борьбы не ослабевало. Силы врага были очень велики.

Две крупные полевые армии противника, многочисленные танковые дивизии, составившие группу армий «Север», поддерживаемую отборным авиакорпусом Рихтгофена, прорывались через Прибалтику.

Генерал Манштейн, громко именовавшийся «лучшим представителем германского генерального штаба» и «лучшим стратегом восточного фронта», двигаясь со ОБОИМ танковым корпусом впереди всей группы «Север», мечтал первым ворваться в Ленинград.

Наступление противника грозило рассечь Северо-западный фронт. Чтобы остановить врага, нужно было перейти от контратак, которые временно задерживали противника, к сильным контрударам. Надо было не только остановить, а и отбросить гитлеровские войска.

Планируя такой контрудар против вгоняемого Манштейном танкового клина, Ватутин организовал во взаимодействии с Ленинградским фронтом на флангах противника группировки пехоты. В помощь Северо-западному фронту были переданы с Ленинградского фронта стрелковые дивизии.

И когда упоенный успехами Манштейн вырвался далеко вперед, советские войска решительно атаковали его фланги.

На помощь Манштейну поспешила немецкая пехота, сам он повернул часть танков в сторону своих флангов, завязались сильные бои, в ходе которых стрелковые дивизии прорвались на тылы войск Манштейна. Его 8-я

танковая, 3-я моторизованная дивизии и части дивизии СС «Мертвая голова» были разбиты.

Манштейн вынужден был искать способ отступить назад.

Дивизии Манштейна были отброшены назад на 40 километров и более месяца не появлялись на фронте. Наши войска захватили первые крупные трофеи, на поле боя остались сотни танков, подбитых нашей артиллерией, сожженных бежавшими гитлеровцами.

В штаб Северо-западного фронта доставили первых пленных эсесовцев. Они стояли перед Ватутиным в трусах, — так они и ехали на танках, спеша в Ленинград, пренебрегая обороной русских, — ошеломленные, не понимая, как случилось, что они оказались у русских в плену.

Тогда же в документах разбитых немецких штабов были обнаружены совершенно секретные директивы гитлеровского генерального штаба о ведении химической войны. Ватутин немедленно отправил эти документы в Москву, они были опубликованы нашей печатью.

Разгром корпуса Манштейна дал нашим войскам не только трофеи, но и выигрыш во времени, что в тот период было исключительно важно.

Впоследствии противнику удалось, подтянув резервы, овладеть Новгородом и Псковом, но решающего стратегического успеха на Северо-западном фронте он уже не достиг. За это время окрепло взаимодействие войск фронта, подошли резервы Ставки, и наша оборона стала стабильной.

Чем дальше от нас то время, чем больше мы проникаем в глубь событий, тем яснее вырисовывается значение боев в опасные дни начала войны.

Да, потери наши были тяжелыми, успехи врага казались очень крупными, но в то кризисное время свершились явления, определившие дальнейший ход

войны. В те дни рухнул «план Барбаросса». Одна из важнейших задач этого плана — прижать к Балтийскому морю и уничтожить советские войска, захватить Ленинград, Кронштадт, Балтийский флот и развернуть наступление на Москву также и с севера — оказалась невыполненной. Гитлеровской армии» не удалось совершить в Прибалтике прорыва и охватывающего маневра. Оборона советских войск устояла, они заняли прочно новые оборонительные рубежи, которые удерживали до перехода в контрнаступление в 1943–1944 годах.

Но рушилась не только стратегия гитлеровского командования. Одновременно раскрылась вся порочность и несостоятельность танковой доктрины Гудериана.

Гитлеровцы, исповедуя доктрину Гудериана, рвались вперед, не оглядываясь на тылы и фланги, и старались нанести удар по глубине всей обороны, но им не удалось прорвать ее и не удалось наступать, «наплевав на все, что происходит в собственном тылу и на своих флангах», ибо их тыл и фланги также оказались под ударами советских войск и партизан.

С каждым днем гитлеровские армии теряли темп и время, — совершались важнейшие события: менялся характер борьбы — она приобретала форму, присущую природе современной войны, когда побеждает только тот, кто наступает стремительно, но обеспечив свои тылы и фланги, трезво рассчитав свои силы и четко осуществляя взаимодействие всех родов войск.

Принцип удара танковых соединений по всей оперативной глубине обороны открыт, теория и практика глубокого наступления разработаны Советской Армией, а германский генеральный штаб авантюризировал тактику и оперативное искусство танковых войск, подчинив их своей сумасшедшей стратегии «блицкриг», и поплатился за это

поражением. Не учтя силу современной обороны, гитлеровцы тем самым пренебрегли крупными массами пехоты, необходимыми для прорыва обороны и закрепления успехов танковых соединений, а главное — отказались от крупных масс артиллерии, без которых затруднен прорыв обороны. Одной из причин поражения германских войск явилось то, что гитлеровцы пытались заменить артиллерию минометами, а этого оказалось мало для сокрушения обороны. Та же пушка, которую имела германская армия, была сложна для массового производства. Стремясь как можно скорее выиграть войну, гитлеровцы возложили все надежды — на танки и авиацию, пренебрегли другими родами войск и потерпели крах.

Рассчитывая на скорое окончание войны, на сокрушение обороны массой танков, гитлеровцы в то же время не смогли создать танки более сильные, чем советские, и вскоре Гудериан, терпя поражение, взмолился о присылке из Берлина комиссии для того, чтобы на поле боя, сопоставив немецкие танки с танками «Т-34», потребовать от немецкой промышленности такой же танк, как «Т-34». Гудериан писал, что его офицеры морально потрясены контрударами советских танкистов.

В злобном бессилии он признавался в письме: «Я лежу ночи без сна... Я истязаю свой мозг и не знаю, что могу сделать...»

И это был крах доктрин не только Гудериана, но и его единомышленников: Фуллера и Лиддел Гарта в Англии и других.

И как ни трудны были неравные условия начального периода войны, но уже в приграничных битвах торжествовала советская теория строительства и вождения Вооруженных Сил.

* * *

Успехи активной обороны в начальный период войны были достигнуты благодаря единственно правильной теории строительства Вооруженных Сил и верному практическому их применению. Восторжествовала идея активной обороны, под знаком которой действовали советские войска в начальный период войны.

Гитлеровцы рассчитывали на то, что после прорыва на главном направлении и проникновения танков в глубину русские, деморализованные этим прорывом, прекратят сопротивление или будут отходить, перегруппировываться, терять время...

Войска Советской Армии не только не были деморализованы, не только не прекращали борьбы, но всюду, где только было возможно, наносили контрудары, бросались в контратаки против количественно превосходящего противника. Но именно эти контратаки и контрудары заставляли германскую армию останавливаться, оттягивать силы из главной группировки на фланги, прикрывать тылы, ослаблять ударные группировки, замедлять темп, приостанавливаться.

Операции не получили того качества, которого хотело добиться командование гитлеровской армии, а, наоборот, благодаря действиям Советской Армии борьба приняла характер, который соответствовал стремлениям советского народа, поднявшегося на священную борьбу против фашистских захватчиков, стремлениям бить врага во что бы то ни стало.

Ватутин понимал, что на первых порах успех гитлеровской армии был объясним. Фашисты имели возможность не только создать превосходство в

численности своих войск, но и избрать направления наступления и образовать на них решающий перевес сил.

Но прошло два месяца, в течение которых Гитлер и германский генштаб надеялись овладеть Ленинградом и Москвой, а армии противника все еще стояли у Смоленска и Новгорода.

Ватутин видел, как рушится план противника на Северо-западном фронте, знал, что гитлеровцы не достигли успеха на Ленинградском фронте, где группа «-Север» получила приказ перейти к обороне. Ему было известно, что фашистское командование перебрасывало свои танковые группировки то на север, к Ленинграду, то на восток, к Смоленску, то на юг, к Киеву, потому что всюду войска Советской Армии наносили тяжелые контрудары зарвавшемуся врагу.

Ватутин видел, как идет стратегическая переключка советских фронтов, руководимых единой волей Верховного Главнокомандования, как противник, хоть и достигший временных оперативно-тактических успехов, проигрывал стратегически настолько, что к исходу июля уже рухнула стратегия «блицкриг», рухнул весь «план Барбаросса».

После войны многие приверженцы Гитлера, его генералы будут сетовать на то, что «фюрер» якобы не шел прямо на Москву, а, повторяя ошибку Карла XII, повернул свои отборные войска на Украину и потому проиграл войну. Другие будут объяснять поражение тем, что гитлеровская армия бросила слишком крупные силы на Ленинград. Горестратеги не желают до сих пор понять, что в войне против России, против СССР дело не в выборе стратегического направления. Карл XII пошел направо, на юг, и проиграл войну, Наполеон I шел прямо на восток, к Москве, то есть так, как хотели бы идти «стратеги», подправляющие задним числом план Гитлера, и потерял корону и империю. Гитлер пытался

идти налево, к Ленинграду и к Москве, кидался и направо, на юг, к Киеву, испытал дороги и Карла XII и Наполеона, а итог был все тот же. Для всех завоевателей, идущих в Россию, у ее пограничных столбов, на великом распутье стратегических дорог, в каком бы направлении — направо, налево, прямо — завоеватели ни пошли, судьба одна: позор поражения, гибель войск.

* * *

Ватутина никогда не покидала уверенность в окончательной победе над врагом.

В одном из писем жене, которое Николай Федорович смог послать в разгар боев, но только через месяц после приезда на фронт, он писал:

«Милая Танечка!

Шлю сердечный горячий привет и крепко целую тебя и Ленусю. Горячий привет и Витюше.

Не удивляйтесь, пожалуйста, и не обижайтесь, что пишу редко. На фронте работы очень много. Все мысли заняты тем, как бы лучше организовать дело и побольше уничтожить врага, не упустить ни одного случая, чтобы нанести ему поражение. Часто нам это удается... Мы на фронте твердо настроены бить врага до конца. Вы в тылу также на падайте духом.

Русский народ никогда не будет побежден.

Теперь кратко о себе. Пока здоров. Очень часто вспоминаю вас, дорогие мои!

Ленусечку прошу получше заниматься. Не забывайте меня. Я без вас скучаю.

Пишите, как здоровье. Горячо целую, любящий твой Коля, твой папа.

До свиданья».

В этом письме Ватутин не только любящий муж и отец, но и полководец, непоколебимо верящий в победу. Он пишет: «все мысли заняты, как бы... не упустить ни одного случая, чтобы нанести ему (врагу) поражение». И этого добивался Ватутин не только на Северо-западном фронте, но и на всех фронтах, где он действовал.

Ватутин искал возможности нанести поражение врагу не только на своем фронте, — он всегда

стремился помочь соседним фронтам. Эта черта характерна для нашего советского генералитета, воспитанного в стремлении действовать всегда не только в интересах своих войск, но и во имя общих интересов.

Глубокой осенью 1941 года, когда гитлеровская армия, наступавшая на Москву, захватила город Калинин, нависла над правым флангом Западного фронта и стала угрожать флангу и тылу Северо-западного фронта, Ватутину было поручено сформировать группу войск и остановить противника.

В труднейших условиях распутицы и начавшейся вскоре зимы, с небольшими, наспех собранными силами, Ватутин сковывал части противника, стремясь оттянуть их с московского направления и помочь этим Западному фронту.

На Воронежском фронте

Летом 1942 года сложилась тяжелая обстановка на Воронежском фронте. Ватутин был направлен туда с приказом Ставки вступить в командование фронтом и остановить противника.

Немедленно по получении приказа Ватутин собрал группу назначенных к нему в штаб офицеров, вылетел на фронт и с прифронтового аэродрома выехал прямо в войска. Снова стоял генерал перед трудными испытаниями. Войска противника уже ворвались в Воронеж. Наши части вели тяжелые бои. Ватутин опять должен был быстро оценить обстановку, доложить Ставке свои решения. Он идет из дивизии в дивизию и вместе с их командирами оценивает на местности противостоящего противника, вскрывает возможности наших войск, подсчитывает свои силы, вплоть до численности рот, количество снарядов в батареях.

Изучив положение дел на месте, он принимает решение организовать усилия войск и начать активные действия.

Ватутин объединяет усилия фронтовых и армейских средств, снова показывая себя мастером быстрой организации ударных группировок.

Войска ощутили действенную помощь командующего, увидели в нем боевого, глубоко знающего генерала, от которого ничто не ускользнет.

Здесь вновь, как и на Северо-западном фронте, сказалось умение Ватутина найти нужных делу людей.

Под Воронежем Ватутин снова встретился с Черняховским.

Черняховский командовал корпусом, и Ватутин решил назначить его вместо только что освобожденного командарма.

Представитель командующего фронтом пришел к Черняховскому в землянку, когда тот лежал, укутавшись в кавказскую бурку, схваченный жестоким приступом малярии, и, несмотря на лихорадку, ровным, твердым голосом отдавал по телефону распоряжения войскам.

Предложение Ватутина озаботило Черняховского. Он сначала решительно отказался: «Рано мне. Есть генералы более достойные командовать армией, передайте командующему фронтом, что я прошу оставить меня в корпусе».

Тогда Ватутин сам приехал к Черняховскому, убедил его принять командование армией, по правительственному телефону получил на это санкцию Ставки и сразу же выехал с Черняховским в войска.

Мощные контрудары, которые нанесли резервы Верховного Главнокомандования по врагу, намеревавшемуся обойти Москву на воронежском направлении, совпали с активными действиями войск, управляемых Ватутиным. Противник был остановлен в Воронеже.

К этому времени определилось, что решающие силы гитлеровской армии нацелены на Сталинград.

Воронежский фронт стал приобретать вспомогательное значение, и казалось, что его войска получают все возможности и основания перейти к обороне.

Но генерал Ватутин всегда рассматривал действия своего фронта в интересах общей стратегии, И теперь он всеми силами стремился выполнить требования этой стратегии: непрерывными контратаками сковать силы противника.

Действия войск Ватутина не приводили к внешне эффектным успехам, даже в войсках фронта тогда не все понимали, почему Ватутин с такой настойчивостью

организует атаки безыменных высот, безвестных деревень.

Но в Ставке Верховного Главнокомандования высоко оценили действия Ватутина. Непрерывными контратаками он не только не допустил переброску гитлеровских войск с Воронежского фронта к Сталинграду, но и притянул на себя части противника, направлявшиеся мимо Воронежского фронта к Волге.

Этой же активной борьбой, частыми контратаками и контрударами Ватутин не только не ослаблял, как могло показаться, свои войска, но готовил их «общему контрнаступлению, не давал им «застаиваться» в обороне и терять свою способность к активным, решительным боям. Ватутин пользовался каждым случаем, чтобы развить частный успех. Так, однажды, когда батальон, которому была поставлена задача наступать на плацдарме за Доном с ограниченной целью, выполнил эту задачу и продолжал наступление, Ватутин немедленно развил местный успех батальона, двинув в этом же направлении целую дивизию.

Не раз бывало так, что дивизии противника, снятые с Воронежского фронта, в результате контратак войск Воронежского фронта спешно возвращались обратно, чтобы остановить продвижение советских частей. Не раз выяснялось, что дивизии противника, шедшие в железнодорожных эшелонах южнее Воронежа на Сталинградский фронт, спешно выгружались и мчались к Воронежу, чтобы восстановить положение на участке обороны, сотрясавшейся под ударами войск Ватутина.

Благодаря своим активным действиям войска Воронежского фронта закалились, окрепли в боях и, сумев привлечь на себя еще 14 дивизий противника, лишили их возможности участвовать в битве на Волге в те критические дни лета 1942 года, когда решалась судьба Сталинграда.

Подготовка к наступлению на Сталинград

22 октября 1942 года Ватутин с адъютантом приехал на глухую железнодорожную станцию Филонорскую.

А 19 ноября Юго-Западный фронт, командующим которого был назначен Ватутин, уже перешел в историческое контрнаступление.

Следовательно, на подготовку фронта к великому контрнаступлению командующий имел менее месяца

Громадная ответственность лежала на Ватутине. Ему поручалось образовать на левом крыле своего фронта сильнейшую ударную группировку и, сомкнувшись с ударной группировкой Сталинградского фронта, окружить вражеские войска, штурмовавшие Сталинград.

Как известно, крупнейшая группировка гитлеровской армии находилась между Сталинградом и Ворошиловградом, и более 20 дивизий армии Паулюса, оснащенных мощной военной техникой, штурмовали Сталинград.

Гитлер уже хвалился в рейхстаге, что падение Сталинграда — дело нескольких дней. Он намеревался после взятия волжской твердыни двинуть свои войска на северо-восток, отрезать Москву от Волги, Урала, Кавказа. До Волги противнику оставались уже не километры, а сотни метров, в некоторых местах он уже прорывался к берегу.

Опасность, нависшая над нашей Родиной, возросла.

Весь мир замер, ожидая, чем кончится битва, исход которой решал судьбу войны, судьбу человечества.

Ватутин видел все трудности, которые ему и его войскам надо было преодолеть, чтобы осуществить план наступления под Сталинградом

Он видел силу обороны противника. Хотя ее фланги прикрывались наименее стойкими частями, но оборона была построена на большую глубину, укреплена массой инженерных сооружений, насыщена мощными огневыми средствами.

Чтобы окружить противника у Сталинграда, необходимо было прорвать вражескую оборону.

Ватутин видел, что план окружения противника у Сталинграда предусматривает прорыв вражеской обороны северо-западнее и южнее Сталинграда силами трех фронтов. Не говоря о неудаче прорыва, задержка даже на одном из направлений позволяла противнику сосредоточить к участку прорыва свои резервы и сорвать операцию.

Требовалось прорвать оборону врага как можно быстрее.

Советский войскам предстояло соединиться в глубине расположения противника. Для этого северной группировке надо было пройти с боями 120-140, а южной — 100-120 километров. На этом пространстве среди бескрайних донских степей противник мог, оттянув часть своих сил из города и подведя резервы, задержать наступающие дивизии

Было ясно, что войскам Юго-Западного фронта придется форсировать в глубине расположения противника Дон и, если противнику удастся удержать за собой переправы, то форсирование превратится в затяжную кровопролитную операцию. Поэтому требовалось захватить переправы, не дав противнику опомниться

Быстро, в строжайшей тайне надо было сосредоточить на совершенно открытой местности, в

степи, огромные массы войск, артиллерию, танковые и кавалерийские соединения.

Было опасение, что противник откажется от дальнейшего наступления в Сталинграде, перейдет на зиму к обороне, и тогда прорыв и окружение будут крайне затруднены

Необходимо было сосредоточиться и наступать, пока противник продолжает штурм города.

Ставка предупреждала, что, замкнув кольцо окружения, наши войска опять-таки могут оказаться в трудном положении, ибо противник сделает все для спасения окруженной группировки. Резервы гитлеровцев, особенно воздушные и танковые, могли подоспеть к Сталинграду через несколько суток с других фронтов, прибыть из Европы, — маневр стратегическими резервами совершается ныне быстро и на громадные расстояния, через страны и континенты.

Надо было не только окружить противника, но и принять меры против его попыток ударами извне и изнутри прорвать кольцо окружения

Советские войска у Сталинграда не имели к началу битвы общего перевеса сил над войсками противника, и поэтому требовалось быстро и тайно произвести перегруппировку войск, чтобы иметь подавляющий перевес в них на главном направлении. Для этого нужно было высокое искусство войск и штабов.

Ватутин вспоминал, что и в прошлом бывали окружения армий противника: Канны, Седан и другие, но никогда операции не совершались в столь сложной обстановке, при таких массах войск и техники.

Ватутин понимал, что военное искусство совершает на его глазах резкий и невиданный ранее скачок вперед, что современное военное искусство отныне обретает новые формы и новую суть и что подходить к этому надо с новой, не применявшейся никогда ранее меркой.

Привыкший мыслить широко, хорошо знакомый с уровнем военного искусства в армиях Германии и Японии, Ватутин понимал, что враги считают положение СССР проигранным. И действительно, стратегические задачи, вставшие перед Советской Армией, могли показаться наблюдателям, не постигшим сути советской военной науки, неразрешимыми.

Советские войска сражались один на один с армиями Гитлера и его сателлитов, опиравшимися на экономические силы всей Европы.

Стратегическая инициатива с начала лета находилась в руках гитлеровского командования. Войска противника достигли Волги и Кавказа, а Советская Армия вынуждена была за лето отступить на 500 километров на восток.

Необходимо было в ожесточеннейших боях остановить противника, удержать Сталинград, задержать противника и не пустить его в глубь Кавказа и к Бакинской нефти.

Главной целью гитлеровцев по-прежнему оставался захват Москвы. Гитлер хотел заставить советское командование снять для спасения Кавказа и Баку свои войска с московского направления. Он рассчитывал, отрезав Москву с юго-востока и востока, обрушиться на нее и с запада.

В то же время нам нельзя было снимать ни одной дивизии с Дальнего Востока, где давно уже сосредоточили свои войска японские империалисты. Нельзя было снять ни одного самолета и с аэродромов Закавказья, ибо турки только и ждали падения Сталинграда, чтобы остервенело ринуться на СССР.

И в то же время, хотя промышленность Урала и Сибири уже набрала темпы, громадный экономический потенциал Украины, части Поволжья, Дона, Кубани все-таки был потерян, знаменитые заводы Харькова и

Сталинграда находились на востоке. Нефть из Баку приходилось везти круглыми путями.

Решая эти задачи, Верховное Главнокомандование Советской Армии поставило новую стратегическую цель, осуществление которой должно было обеспечить успех всех других: окружить и уничтожить противника у Сталинграда, перейти в общее сокрушительное контрнаступление.

Анализируя положение, Ватутин вновь убеждался, что он будет действовать, опираясь на советскую военную науку, понимал, что все условия для успешного решения оперативно-стратегических задач, вставших перед Юго-Западным фронтом, а также перед Донским и Сталинградским фронтами, которые должны были участвовать в разгроме противника у Сталинграда, созданы народом.

Ватутин знал, что могучие резервы, которые он сейчас получает, подготовлены Государственным Комитетом Оборона.

Советские люди в тягчайших условиях войны сумели ликвидировать временное преимущество противника в танках и авиации, дать своей армии необходимую боевую технику.

На основе новых производственных возможностей социалистической промышленности были созданы новые войсковые соединения, организация которых была приспособлена к осуществлению новых задач величайшего наступления.

Ставкой были даны указания об оперативно-тактическом применении новых соединений

Были разработаны принципы оперативного и тактического применения артиллерийских, танковых, авиационных, стрелковых масс в наступлении.

Эти соединения поступали теперь в распоряжение Ватутина.

Ватутин увидел, что в плане наступления отражено глубокое органическое единство теории и практики, полное соответствие великих идей и конкретных решений.

План победы под Сталинградом, разработанный в Ставке по указаниям Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, определял самые уязвимые места противника, указывал направление главного удара, определял момент контрнаступления, когда противник был скован и уже истощен, предусматривал действия трех фронтов — Юго-Западного, Донского, Сталинградского. Сила ударов этих фронтов умножалась тем, что они, идя к одной цели, действовали с разных направлений. План определял наиболее решительные формы контрнаступления — удар по тылам и окружение, что вынуждало противника драться с перевернутым фронтом (атаковать в сторону фронта и в сторону своего тыла) в невыгодных условиях. Планом предусматривался подход в процессе наступления новых мощных резервов, способных обеспечить и развить успех, и указывались наиболее важные пункты, где должна была решаться судьба операции.

План Ставки, материальные средства, мобилизованные Государственным Комитетом Обороны, открывали Ватутину безграничные возможности. Подчиненные ему воины, одаренные, храбрые, организованные, преданные Родине, воспитанные Коммунистической партией, были готовы реализовать эти возможности, совершить чудеса.

Единство стратегии, оперативного искусства, тактики, соответствие идей, материальных средств, усилий людей должны были восторжествовать и под Сталинградом.

Но это не означало, что реальные возможности победы уменьшают его, Ватутина, ответственность.

Напротив, эта ответственность выростала неимоверно. Надо было оправдать доверие и надежды народа, совершавшего титанические усилия во имя победы, доверие партии и надежды солдат.

С первого дня приезда на Юго-Западный фронт Ватутин стал формировать штаб. Это было особенно трудно потому, что штабные командиры только прибывали, причем из разных штабов, способности каждого командира были еще не известны, и люди еще не сработались.

Трудности усугублялись тем, что штаб фронта, кроме его начальника, некоторое время не должен был знать цели и плана предстоящей операции. В то же время без надежного руководства штаба массы прибывающих войск, потоки техники и боепитания, особенно при недостатке дорог, могли застопорить собственное движение, и тогда вместе четкого сосредоточения ударной группировки произошло бы вавилонское столпотворение.

Большой опыт штабной службы позволил Ватутину сочетать роль командующего фронтом с ролью руководителя штаба. Это сочетание было характерным для всей деятельности Ватутина и в дальнейшем, на других фронтах.

Создавая штаб, формируя ударную группировку своих войск, Ватутин одновременно глубоко и всесторонне изучал положение противника. Он оценивал возможность появления его стратегических резервов и состояние оперативных резервов перед Юго-Западным фронтом. Тщательно изучал тактическое положение противника, сам ходил по траншеям, проползал через простреливаемое пространство до самого переднего края, лично изучал оборону противника, искал ответа на вопрос, что ждет его войска с первого же часа наступления, где истинный передний край противника, как его атаковать. Ошибка в

выборе рубежа атаки могла привести к тому, что снаряды во время артиллерийской подготовки обрушатся на пустое место, а наша пехота, поднявшись в атаку, нарвется на уцелевшую огневую систему противника.

Недостаточно сказать, что Ватутин изучал обстановку. Он вращался в ней и чувствовал себя как бы органически с ней связанным. Малейшая передвижка любой дивизии противника или прибытие на фронт новой, своей, советской дивизии молниеносно вызывали в Ватутине соответствующее ощущение возможного развития обстановки, того, что это повлечет за собой для Юго-Западного фронта и что потребует от него как от командующего фронтом.

Глубоко понимая обстановку, Ватутин творчески оценивал стоявшие перед ним задачи.

* * *

Непрерывно шли из глубины страны на Юго-Западный фронт направляемые Ставкой корпуса и дивизии.

Они поднимались в лагерях по боевой тревоге и, погрузившись, мчались эшелонами к Дону.

Даже самые осведомленные штабные работники не знали цели передвижения. Ориентируясь по станциям, мимо которых без остановки проносились поезда, солдаты определяли направление — к Дону. Но куда именно, зачем, никто не догадывался. Подходили к дальним прифронтовым станциям ночью, ночами совершали марши и ночью же переходили на плацдармы, маскировались, исчезали в земле. Труднее всего было укрыть танки и кавалерию, скрыть подвоз по открытой степи фуража, но и это удалось войскам.

Ежедневно по несколько раз, как по расписанию, появлялись воздушные разведчики противника, и каждый раз у Ватутина сжималось сердце при мысли, что враг может разглядеть сосредоточение войск, разгадать замысел советского командования.

В непроницаемой тайне сосредоточились массы войск и боевой техники.

В те дни заморозки чередовались с ненастьем, днем под дождями мокли, набухали солдатские шинели, а ночью покрывались ледяной корой. Вскоре бойцы, ходившие к Дону за водой, заметили, что ледостав парализовал движение лодок, понтонов. Связь плацдармов с северным берегом Дона прервалась.

Бывая среди солдат, Ватутин видел, что бойцы понимают, как из-за отсутствия мостов на Дону возросла опасность для соединений, находившихся на плацдармах.

С глубокой благодарностью думал в те дни командующий фронтом о солдатах, сержантах, командирах рот и батальонов, которые своей организованностью и дисциплиной обеспечили сохранение величайшей тайны сосредоточения.

Здесь возникало то невозможное в любой другой армии явление, когда существует органическая взаимосвязь командующего фронтом, солдата и офицера самого низового армейского звена.

Ответственнейшая проблема фронтового сосредоточения, от которого зависело определяющее начало битвы, решалась Ватутиным всей силой его дарования, опыта, образования. Одновременно с ним проблему решали и солдат, и командир роты, и командир батальона, соблюдавшие дисциплину, полную маскировку, проявлявшие сноровку и организованность.

Ватутин подолгу беседовал с солдатами и офицерами.

Бойцы и командиры к этому времени усвоили непреложное требование обороны: ни шагу назад! Они освоили тактику обороны, но теперь их надо было поднять на невиданное наступление, и все зависело от того, насколько войска к этому готовы.

Не говоря им ни слова о наступлении, касаясь только обороны, командующий фронтом искал ответа на волновавший его вопрос, как будут они действовать, когда получат приказ наступать.

В ротах Ватутин проверял, как одет и обут солдат, получает ли во-время газеты, знает ли о событиях, которыми живет не только рота, но и вся армия, вся страна.

В ротах работали партийные организации, и командующий фронтом хотел услышать от коммунистов их правдивое слово о состоянии подразделений.

Он интересовался питанием солдата, получает ли он табак, курительную бумагу или ищет на цыгарки газету.

Тут же продумывал Ватутин, когда накормить солдат горячей пищей так, чтобы они спокойно поели, перед боем отдохнули и не тратили понапрасну времени в томительном ожидании атаки.

Давнее требование Суворова «не удручать солдата медлениями», предъявленное великим русским полководцем начальникам колонн, штурмовавших Измаил, предъявлял Ватутин подчиненным ему начальникам.

Ватутин подолгу беседовал с солдатами потому, что солдат выносит все тяготы войны и решает победу.

Командующий хорошо знал силу боевой техники, знал силу артиллерии, авиации, сокрушающую мощные укрепления, силу танков, способных уничтожить все живое на переднем крае обороны врага, так деморализовать, прижать к земле его уцелевших солдат в глубине, что наша атакующая пехота получает возможность стремительно идти в атаку во весь рост, не пригибаясь, не падая, от перебежки к перебежке.

Но опыт показывал, что бывают наступления, когда все средства уничтожения обрушены на врага, а очаги его обороны уцелели, и добивать врага в ближнем, порой рукопашном бою, отвоевая траншею за траншеей, надо нашему пехотинцу.

И если нет успеха пехоты, если нет успеха рот, батальонов, если они залегли, не захватив траншей тактической полосы, если нет тактического успеха, — нет и оперативного, нет и стратегического.

Советский солдат и генерал вместе решали успех войны, и потому так внимательно, душевно беседовал Ватутин с солдатами в траншее на переднем крае.

С большим вниманием и теплотой относился Ватутин к командирам рот, от руководства которых зависят действия солдат.

Это они — командиры рот — должны первыми скомандовать «Вперед!» и подняться из траншей

навстречу врагу. За ними поднимутся солдаты, и с той минуты все, от командиров батальонов до представителя Ставки, будут напряженно следить за продвижением рот.

В планах наступления штаба фронта и штабов дивизий будут указаны рубежи, по достижении которых артиллерия перенесет огонь дальше, будут расписаны все сигналы по радио, телефону и ракетами, но все же он, командир роты, достигнув с солдатами указанного рубежа, оглянувшись, не отстал ли, жив ли сопровождающий его солдат с ракетницей, прикажет ему или сам выпустит в небо над полем битвы сверкающую ракету, которая явится сигналом для командира батальона, командира полка, дивизии, армии, для фронтовой артиллерии и для командующего фронтом.

В тех же планах предусмотрено, как по достижении определенного рубежа пехота поднимется за танками в атаку. Вместе с тем в первые же минуты битвы появится столько новых факторов, что, несмотря на точность плана, от командира роты будет зависеть очень многое. И пехота может оказаться задержанной, а танки прорвутся раньше времени вперед, и, наоборот, танки могут застрять на минных полях, а вперед вырвется пехота. И если даже все будет идти по плану, то и тогда командир роты должен решать, за какими танками поднять солдат.

Он же, командир роты, должен решить, идти ли ему вслед за танками безостановочно или эти танки имеют задачу двигаться в глубь обороны на десятки километров, а пехотинец должен здесь, в тактической зоне обороны, закрепить их успех.

Наступит также момент, когда атакующая пехота ворвется в траншеи и блиндажи противника, проникнет в глубину его тактической обороны и совершенно исчезнет из поля зрения командующего фронтом.

Очень трудно бывает в эти часы командирам рот. Роты несут потери, прерывается связь со штабами, противник бросается в контратаки, оказывается на флангах и в тылу, и командир роты сам принимает решение, как ему действовать в новой обстановке, сам сражается в ближнем бою, лично руководит солдатами.

В этот период роль командиров рот еще более возрастет. Командиры рот первыми ступят на территорию, занятую врагом, увидят его лицом к лицу и в самом пекле боя должны будут определить силы врага, оценить обстановку, сообщить о ней командирам батальонов, которые доложат по инстанциям дальше.

С не меньшим вниманием всматривался командующий фронтом в лица командиров батальонов, слушал их доклады, их ответы на его вопросы, их суждения. Они были организаторами боя низовых подразделений его фронта, близко видели поле боя, но видели его с наблюдательных пунктов шире, чем командиры рот, и, тесно связанные с командирами полков, шире оценивали обстановку.

И Ватутин видел, что когда кончится долгий, всегда очень тяжелый первый день прорыва обороны и приблизится ночь, от командиров рот и батальонов будет зависеть, найдут ли они в себе, в своих подразделениях силы, чтобы продолжать наступление, а если остановятся, то на каком рубеже.

Вместе с командирами полков, батальонов, рот Ватутин оценивал местность на участке прорыва, определял истинный передний край обороны противника, изучал каждую складку и каждую высоту. Командующий предупреждал, что командир, который не знает участка прорыва, где каждая мелочь имеет значение, может всегда столкнуться с неожиданностями, потерпеть неудачу.

У командиров рот, батальонов, полков, которые на этой местности день за днем наблюдают и изучают

поведение противника, Ватутин черпал массу ценных сведений, находил ответы на важнейшие вопросы прорыва обороны. И тут же, у переднего края, в боевых порядках беседовал Ватутин с командирами полков и дивизий, спрашивал, как они понимают свою задачу, интересовался их оценками местности и противника, выяснял их готовность организовать наступление своих батальонов. Здесь Ватутин конкретно представлял себе, как он должен будет в решающие минуты поддержать свои передовые войска, помочь им отразить контратаки противника.

Во имя большой стратегической цели шел командующий фронтом к переднему краю, старался все предусмотреть и никогда не жалел затраченных на это сил и времени, а выслушав в разных подразделениях мнения командиров и солдат, узнав их настроение, думал над тем, как обеспечить их действия всеми силами боевой техники и прежде всего силами артиллерии.

Туда, на артиллерийские наблюдательные пункты, к планшетам с нанесенными на них целями, обращался Ватутин.

Он с пристрастием выпрашивал артиллерийских начальников, верно ли они засекли огневые точки противника, понимают ли всю глубину своей ответственности в наступлении.

Ватутин планировал и проверял подготовку артиллерии не вообще, а конкретно и детально на местности, так, чтобы ни одна огневая точка противника не осталась вне удара наших батарей.

Ватутин также планировал действия своей авиации, которая должна была обрушиться на тактическую полосу обороны противника, вместе с артиллерией довершить уничтожение обороны и после этого сопровождать наши танки и пехоту.

Танкистам, непосредственно поддерживавшим пехоту, приказывалось прокладывать ей путь, подавлять огневые точки, еще уцелевшие после ударов артиллерии и авиации.

От саперов Ватутин требовал, чтобы они расчищали пехоте и танкам пути в минных полях.

Ватутин не только планировал действия каждого рода войск на поле боя, но и создавал взаимодействие их. Он организовывал операции, в которых объединение усилий всех родов войск вело к победе.

Но не только сам прорыв был важен — крайне важен был темп, в котором он будет совершен.

При замедленном темпе прорыва резервы противника успеют подойти к образующейся брешу и прочно ее закроют. Прорыв, произведенный быстро, в первые часы наступления, дает возможность ввести через брешь, образовавшуюся в тактической полосе обороны, могучие танковые соединения, направить их в глубину, и тогда становятся достижимыми цели, ради которых осуществляется операция.

Ватутин видел предстоящую операцию — от боя за первую траншею до решающего момента, когда сомкнутся ударные группировки Юго-Западного и Сталинградского фронтов, и понимал, что ведущую роль должны сыграть танковые соединения. Вводу танковых соединений в прорыв, их действиям в оперативной глубине противника он уделял особенное внимание. Именно они должны были соединиться у города Калач и хутора Советский, сомкнуть усилия фронтов, окружить противника у Сталинграда.

Впервые в Отечественной войне танковые соединения на такой местности шли в столь сложную операцию и наносили удары на такую большую глубину.

Ватутин обязан был обеспечить танковым соединениям все условия для наиболее полного раскрытия их огромных возможностей, заложенных в

самой технической природе советского танка, в организации танковых соединений.

При этом, обеспечив танкистам возможность проявить решительность и дерзание, дать небывалый темп, нанести удар на невиданную глубину, Ватутин должен был прочно прикрыть и обезопасить их действия.

Командующему фронтом предстояло ввести вслед за танковыми соединениями артиллерию и стрелковые дивизии, причем с такой быстротой, чтобы они могли в любой момент операции подоспеть на помощь танковым соединениям, помочь им преодолеть новые препятствия, встретившиеся на пути, прикрыть танкистов от ударов с флангов и с тыла и закрепить их успех.

А это было трудно еще и потому, что у танковых войск, артиллерии, кавалерии и пехоты разные темпы движения, разные условия борьбы.

Снова план, организация, синхронность действий требовали усилий ума командующего фронтом.

* * *

Так из штаба фронта Ватутин доходил до стрелковых рот и от них шел к взаимодействию родов войск, вызывал пехотных, танковых, авиационных, артиллерийских начальников, командующих соединениями. Они сходились вместе к переднему краю и, наблюдая позиции врага, планируя каждый свои действия, добивались полного взаимопонимания.

Это были опытейшие командиры, уже испытанные в боях Великой Отечественной войны, генералы единой школы и единых теоретических взглядов на применение войск.

Но генерал Чистяков, войска которого взламывали оборону противника, генералы Кузнецов и Лелюшенко, чьи войска разворачивали брешь и обеспечивали действия главных сил фронта, генерал Романенко, руководивший наиболее мощной ударной группировкой, которая должна была сокрушить противника в глубине и замкнуть кольцо окружения, генералы-танкисты Родин, Бутков, Кравченко были люди разных характеров, разных темпераментов, и это всегда учитывал Ватутин, живший мыслями, заботами каждого из них.

Ватутин регулярно докладывал представителю Ставки генерал-полковнику Василевскому о подготовке операции, получал от него указания.

Под руководством представителя Ставки командующий Юго-Западным фронтом установил тесный контакт с командующим Донским фронтом генерал-лейтенантом Рокоссовским и командующим Сталинградским фронтом генерал-полковником Еременко. Командующие разработали детальный план взаимодействия фронтов — по дням, по часам, по

объектам удара на местности, и это единство действий всех войск, сражавшихся у Сталинграда, сохранившееся до конца операции, обеспечило победу.

* * *

Итак, все было согласовано и уточнено. Главные группировки фронтов были выведены на плацдармы, где войска сжались до отказа, чтобы, подобно мощной пружине, раздавшись, ударить всесокрушающей силой по врагу.

Противник так и не разгадал замысла советского командования. Он не мог этого сделать потому, что сосредоточение и изготовка войск совершались в глубокой тайне, потому что подготовка велась сразу тремя фронтами на протяжении 300–400 километров, и фашистские самолеты, даже заметив что-нибудь подозрительное, не могли понять, что именно происходит на таком пространстве. А главное, гитлеровское командование не допускало возможности, что Советская Армия после тяжелых летних и осенних боев в состоянии перейти в решительное контрнаступление. Гитлеровскому командованию по-прежнему не дано было понять ни советского военного искусства, ни возможностей советских войск.

С напряжением всех душевных сил ждал командующий фронтом Ватутин дня наступления.

Он был уверен в победе. Он знал, что все сделано для достижения победы, и все же для командующего фронтом, как и для каждого командира, которому поручено вести войска в сражение, ночь перед сражением — очень трудная ночь.

Советский полководец в эту ночь был не один. Он всегда чувствовал руководство и помощь Ставки, он был вооружен планом, утвержденным Ставкой, который являлся плодом усилий лучших умов Советской Армии. Он получал указания И. В. Сталина. На Юго-Западный фронт приезжали представители Ставки товарищи

Жуков, Василевский, Воронов, координировавшие действия фронтов. Они помогали Ватутину.

И все же огромная ответственность лежала на командующем фронтом и прежде всего на нем.

После того как дана директива Ставки, многое зависит от командующего фронтом — организатора победы на поле сражения.

Ему, Ватутину, были даны силы и средства, и теперь от командующего фронтом зависело, как использовать эти силы и средства, как одолеть все трудности, которые неизбежно возникнут на пути к победе; одоление этих ежечасно возникающих трудностей и составляет важнейшую часть полководческого искусства.

Если ему, наступающему, принадлежала инициатива начала действий, то далее, в ходе борьбы, он, вступая в единоборство с командующим войсками вражеской стороны, должен был сохранить за собой эту инициативу и побеждать ежечасно, ежедневно в различных ситуациях, которые все вновь и вновь возникали.

Силою ума и воображения, мобилизуя весь свой опыт и знания, старался проникнуть Ватутин в грядущий день и представить себе, как развернутся события.

В ту ночь Ватутина снова вызвала к телеграфному аппарату Москва.

Он привык, что в ответ на его доклад — «у аппарата Ватутин» — на ленте появлялись фамилии ответственных работников Генерального Штаба.

На этот раз на ленте появлялись одно за другим имена членов Политбюро, руководителей партии и правительства.

Ватутина спрашивали о готовности к наступлению, всем ли он обеспечен для развития успеха, в чем еще нуждается Юго-Западный фронт.

С огромным волнением и чувством благодарности, стоя у аппарата, докладывал Ватутин руководителям партии и правительства, что Юго-Западный фронт в наступлении выполнит приказ Верховного Главнокомандования, приказ страны, что в ответ на заботу ЦК и Советского правительства воины фронта удесятят усилия и принесут народу победу.

В сражениях у Сталинграда

Туманным утром 19 ноября 1942 года на Юго-Западном и Донском фронтах, а днем позже на Сталинградском фронте, у берегов Дона и Волги, разразилась артиллерийская гроза, возвестившая начало сокрушения врага у Сталинграда.

Мгла скрывала позиции противника, и это очень беспокоило Ватутина. Она мешала артиллерийским наблюдателям и лишала командующего возможности применить авиацию. Но зато плохая видимость сковывала и вражескую авиацию. Наша артиллерия могла все же вести огонь по заранее засеченным целям.

Героический порыв охватил войска, перешедшие в наступление на всем фронте. Одна из дивизий поднялась в атаку под звуки марша, который исполнялся духовым оркестром.

Артиллерия, пехота, танки генерала Чистякова взламывали оборону противника.

С величайшим вниманием следил Ватутин за тем, как разворачивалось сражение.

Наконец наступили те решающие часы операции, в которые командующий фронтом должен уяснить, прорвана ли тактическая полоса обороны противника, и уловить момент для ввода танковых соединений в образовавшийся прорыв.

Этот момент определял весь последующий ход операции.

Если ввести танковые соединения до того, как будет совершен прорыв, они наткнутся на еще уцелевшие очаги обороны, на артиллерию, на минные поля, задержатся и, хотя, обладая гигантской пробивной силой, прорвутся в оперативную глубину обороны, все же понесут потери, а это очень болезненно скажется в

оперативной глубине. Там наши танковые соединения столкнутся с оперативными резервами противника, и особенно дорог будет каждый танк.

Если ждать полной расчистки прорыва, можно упустить время, подоспеют резервы противника, заткнут брешь, образовавшуюся в тактической обороне, и вся операция потерпит крах.

В эти острые часы борьбы сведения, как всегда противоречивые, то побуждающие немедленно вводить танки в прорыв, то требующие выжидать, поступали к Ватутину.

А он искал на поле боя, в пределах видимости, еще уцелевшие очаги огневой системы противника и мысленно проникал в глубину его обороны. Поднимая в своей памяти карту местности, командующий представлял себе огневую систему врага, плотность его боевых порядков, расположение его резервов.

Сопоставляя все это с донесениями, идущими оттуда, из глубины, слушая резкий, многоголосый говор боя, он силой своего профессионального воображения представлял себе, что там творится.

Всем своим существом ощущал генерал, как назревает кризис боя в тактической полосе обороны, как

близится минута, когда надо будет отдать танковым соединениям приказ — «Вперед!»

В такой напряженнейший момент операции талант командующего фронтом, его разум, опыт, воля, решительность обеспечивают осуществление директив Ставки. Ответственность генерала Ватутина достигала наивысшей степени.

Наконец генерал уловил решающий момент, когда оборона врага дала трещину, и танкисты, нетерпеливо ждавшие приказа «Вперед!», увидели в небе долгожданную ракету и услышали в радионаушниках призывное слово — «Родина».

Танки стремительно прошли почти всю тактическую полосу обороны противника и на последнем рубеже наткнулись на уцелевшие очаги сопротивления. Головная бригада, впервые действовавшая при прорыве, приостановилась. В эти минуты через ее боевые строи пронесся танк и один устремился на противника.

Над башней танка возвышалась по пояс фигура командира соединения генерала Романенко. Он был без шлема, с непокрытой головой. Генерал бросился в атаку, поднявшись под пулями над башней, чтобы его видело все соединение, чтобы танкисты поняли, как решительно, сметая все на пути, надо действовать при входе в прорыв.

Танкисты оросились вперед. Они обогнали танк генерала и стальным валом прокатились по последнему рубежу обороны противника.

Это произошло на главном направлении. Скоротечные бои происходили и на других направлениях. В полдень соединение генерала Буткова наткнулось на опаснейший для танков узел обороны, на котором расположились артиллерийские полки противника.

Обойти узел было невозможно, и генерал Бутков обрушился на противника минометным и артиллерийским огнем. В течение часа артиллерийские позиции врага были раздавлены.

На высотах у хутора Громки артиллерия противника приостановила движение соединения генерала Кравченко. Командир соединения и начальник штаба генерал Бахметьев лично повели бригады в атаку, смяли противника и устремились дальше, в донские степи.

Генералы сделали это, зная, что решается судьба операции, не имеющей себе равной по значению, понимая, как важен в ней первый успех и что этого

успеха в первый же день боя требовал и добивался Ватутин.

Нужна была победа, сразу определяющая настроение солдата и удваивающая, утраивающая его силы.

Нужна была победа, ошеломляющая противника, сокрушающая его силой и глубиной удара и парализующая волю к сопротивлению.

Потому и планировал Ватутин свой удар так, чтобы в первый день сражения пробить как можно глубже оборону противника. И когда оборона была взломана и танковые соединения вышли на оперативный простор, Ватутин почувствовал огромное облегчение. Теперь, бдительно следя за действиями прорвавшихся войск, он должен был обеспечить непрерывное наращивание успеха.

* * *

Для командующего фронтом наступил труднейший период управления наступающими войсками. Наступление развернулось на территории, громадной не только по фронту, но и в глубину.

Танковые соединения ушли вперед, а пехота и непосредственно поддерживавшие ее танки еще вели бои по разгрому и уничтожению противника в тактической полосе обороны.

Противник был вскоре разбит, но его отдельные окруженные группировки продолжали сопротивляться.

Самая крупная группировка — распопинская — держалась несколько дней и только после новых тяжелых ударов капитулировала.

Тем временем танковые соединения уходили все дальше.

Стала сказываться разница в темпах продвижения войск, — они удалялись друг от друга, и надо было, несмотря на это, сохранить их взаимодействие.

Соединения генерала Родина и Кравченко или на юг, потом повертывали налево, на восток и юго-восток. Соединения генерала Буткова и Борисова, шедшие на юг, повернули направо, на запад, расходясь веером по широким донским степям. Соединения Чистякова блокировали и уничтожали окруженного противника.

Стали также сказываться разность и множественность задач войск, а эти задачи необходимо было решать одновременно.

В борьбу все время вовлекались с обеих сторон новые массы войск. Получалось своеобразное и закономерное противоречие: советские войска успешно продвигались вперед, а силы их рассредоточивались, плотность наступательной группировки слабела.

Ватутин должен был устранить это противоречие, а оно становилось с каждым часом острее, потому что к району прорыва стали подходить танковые и моторизованные дивизии противника.

В то же время часть войск противника, отходившая из тактической зоны обороны, наваливалась на тылы далеко ушедших советских танковых соединений. Туман, висевший над донскими степями в начале операции, стал рассеиваться, появилась авиация противника.

Но уже вступили в действие истребители и штурмовики генерала Савицкого, надежно прикрывшие наши атакующие войска и штурмовавшие войска противника.

Ватутин твердо вел войска фронта вперед, обеспечивал взаимодействие всех соединений, лично следил за их снабжением, торопил тылы и все ускорял и ускорял темпы.

Продолжали стремительное движение к указанной цели танковые соединения генерала Родина. Генерал Бутков столкнулся с танковой и моторизованной дивизиями гитлеровцев и, несмотря на давление двух пехотных дивизий противника на тылы соединения, выдержал тяжелый бой, прикрыл соединения Родина и Кравченко, наступавшие в центре на главном направлении, и продолжал движение в глубокий тыл противника, к станциям Чир и Суровикино.

На всех направлениях развернулись бои, совершенно разные по своему характеру. Шли встречные бои и бои с противником, перешедшим к обороне. На одних участках брали противника в клещи, и он бросался в ожесточенные контратаки, на других — наши войска переходили к обороне сами. Бои велись с частями противника, подходившими с юга, с запада и с отходящими с севера на юг.

Командующему фронтом надо было планировать действия фронта, в динамике сражений думать о форсировании Дона у города Калач и о прикрытии операции по реке Чир.

Склонность к стремительным действиям, характернейшая для Ватутина, в полной мере проявилась в битве под Сталинградом.

Тактический успех наступления Юго-Западного фронта, при котором противник мог бы еще спасти положение, остановив своими тактическими резервами советские соединения, или отвести свои войска на запасные рубежи и нанести контрудары, теперь, с продвижением наших танковых соединений, быстро перерастал в успех оперативный. Тыловые рубежи оперативной обороны рухнули почти одновременно с тактической полосой, оперативные резервы гибли почти в одно время с тактическими, под ударом оказались штабы не только батальонов, полков, но и корпусов. Все это вело к тому, что командование гитлеровских войск у Сталинграда не могло уже своими средствами спасти положение и нуждалось в стратегических резервах германской армии.

А грозные для противника колонны советских танковых соединений вонзались в его оборону все глубже. Нашим войскам приходилось действовать в чрезвычайно трудных условиях. Перед войсками простиралась открытая степь, на которой колонны наших соединений были отлично видны вражеским летчикам. Овраги, буераки не мешали танковым соединениям идти строго по своему направлению, находить и громить врага. Ночами их вели по компасу специально подготовленные командиры-разведчики и колонновожатые.

Дорогу указывали также казаки-пастухи. Спасая от врагов колхозный скот, пастухи летом угнали табуны коней, стада коров и овец на левый берег Дона. Гурты

были приняты колхозами, тыловыми учреждениями Советской Армии, а старые казаки, оставшись без дела, томились, тосковали по родной Донщине, захваченной оккупантами.

Пастухов разыскали разведчики-танкисты, выпросили, кто из них знает направление на Липологовский, Перелазовский, Калач, Суровикино, и до поры до времени никому из них ничего не сказали.

Теперь, счастливые тем, что возвращаются домой на головных танках Советской Армии, освобождающей родные степи, гордые оказанным доверием, старые донцы, знавшие в степи каждую балку, каждый холм, зорко глядели из танковых башен и уверенно указывали танкистам путь.

Колонновожатые и казаки помогали танкистам на марше, когда батальоны и бригады шли колоннами, особенно по ночам. Ночью командиры вели бои на укороченных дистанциях, в строгих боевых порядках управляли по радио, ориентировались по свету зажженных фар, по зареву пожаров.

Войска, с их верным чутьем целесообразного в бою, и здесь быстро определили, что выгоднее идти ночами с полным светом фар и танковых прожекторов, потому что противник, потеряв управление, охваченный паникой, не разберет, где свои, где чужие.

Действительно, волны яркого света, плывшие по степи, были так необычны, что некоторые гитлеровские части шли им навстречу, полагая, что идут свои колонны, и попадали под внезапный уничтожающий огонь.

Горели фашистские танки и автомашины, бронетранспортеры и радиостанции, цистерны с горючим... Взлетали в черное небо склады со снарядами...

И под свист осеннего ветра велась радиоперекличка танковых командиров со своими частями.

«Где находишься?» — запрашивали головных шедшие сзади бригады.

«Нахожусь близ горящего штаба противника. Иди на зарево...»

«Вижу более десяти пожаров. На какой ориентироваться?»

Зарева полыхали по всему горизонту.

Это были зарева освобождения советской земли от фашистской нечисти.

Враг, пытавшийся днем разобраться в обстановке, получал ночью новые, еще более губительные удары, коренным образом менявшие за ночь обстановку. К утру противник узнавал о появлении советских танков на новых направлениях, в самых глубоких тылах гитлеровских войск.

Ватутин напрямую был связан со всеми танковыми соединениями. Каждые два часа радио доносило, где они находятся, и в нужный момент командующий ставил новые задачи, направлял на поддержку танкистам стрелковые дивизии.

И рушилась оборона противника, разбивались все его лихорадочные попытки организовать сопротивление.

Танкисты налетали на колонны противника, совершавшие марши, нападали на них на привалах, захватывали тылы и базы, лишали врага горючего и боеприпасов.

Новые резервы гитлеровских дивизий попадали также под внезапные удары наших танкистов.

Метались по степи колонны противника, снимались с мест и удирали штабы.

У противника наступил паралич управления.

Фашистские офицеры приезжали в свои штабы с донесениями о прорыве русских, а там их встречали советские танкисты. Тыловики подвозили горючее, на

ремонтные базы шли эшелоны вражеских танков... И все это попадало в руки советских танкистов.

Советские танкисты захватили тысячи автомашин и мотоциклов, и если часть нашей пехоты шла в прорыв на броне танков, то теперь вся она была на автомашинах.

Генерал Бутков, захватив станцию Чир, овладел одной из центральных баз снабжения гитлеровских войск под Сталинградом. Были захвачены склады с провиантом. Жирно питалась тогда гитлеровская армия, обобравшая народы Европы и получавшая хлеб и мясо, лимоны и шоколад, консервы и вина.

Вслед за танковыми соединениями Ватутин ввел в бой мотоциклетную часть полковника Велика.

Мотоциклисты вошли в прорыв, обогнали танковые соединения и по глухим, неконтролируемым дорогам устремились в рейд, оказавшись сразу же на глубине 100 километров в тылу противника.

Они нарушали связь противника, дерзко налетали на штабы и, пуская в ход всю массу автоматического огня, сеяли панику среди гитлеровцев.

Из штабов противника паника передавалась войскам: разнеслись слухи, что в тылу высадилась «особая сталинская дивизия», которую невозможно остановить и невозможно определить, куда она наносит удары.

При докладе Ватутину командир одного танкового соединения рассказал о том, что его автоматчик вскочил в немецкий штаб и, став у дверей, скомандовал штабным офицерам: «Хенде хох!» Штабные офицеры пытались выскочить в окна, но были взяты в плен.

«Я им коммуникации порежу...» — сказал боец-автоматчик.

Ватутин глубоко оценил весь смысл этих слов советского солдата. В них заключалась не только смелость солдата, бросившегося в одиночку к хате, где

засели вражеские офицеры; до автоматчика дошло требование резать коммуникации врага — то, чем отличалась вся Сталинградская битва.

Верховное Главнокомандование обеспечило рассечение коммуникаций фронтов. Ватутин резал коммуникации армий, боец «резал коммуникации» каждому фашисту, который оказывался против него.

Принципиальным в стратегии, оперативном искусстве и тактике Советской Армии стало то, что благодаря методу ведения операций, прорыву советских войск в глубину вражеской обороны, боец получил возможность стать у двери штаба противника и, подняв гранату, наведя автомат, скомандовать: «Хенде хох!»

Удар в тыл сталинградской группировки противника породил для нее те условия борьбы, при которых все попытки врага спасти положение ни к чему не приводят.

Советские войска заставили противника драться с перевернутым фронтом, то есть атаковать в сторону своих же тылов при потере управления, тем самым создав губительные условия для гитлеровцев.

Так раскрылись возможности, таившиеся в танковых соединениях, дорога которых стала дорогой разгрома врага, дорогой победы и славы советских танкистов, определивших характер и природу современной операции.

Вскоре навстречу советским воинам пошли сотни и тысячи неприятельских солдат с белыми платками в руках, с листами белой бумаги, с любым белым предметом, символизирующим полную капитуляцию. Они шли, крича что-то не слышимое за грохотом танков, становились на колени, поднимали вверх руки.

* * *

Победоносно и стремительно вели генералы Романенко, Кравченко, Родин свои соединения к переправам на реке Дон.

Два моста через Дон, расположенные рядом против города Калач — цели наступления танкистов, были подготовлены фашистами к взрыву, на случай появления русских. Других переправ здесь не было. А Дон, казалось, представлял собой неодолимую преграду для танков.

Помогли отвага и военная хитрость. Наши офицеры и солдаты сели на трофейные немецкие автомобили и при полном свете фар проскочили по мосту на восточный берег Дона. Перебив охрану, они захватили мост.

Мост был взят, но город Калач оставался в руках противника и переправы на Дону находились под обстрелом врага.

На восточном берегу Дона объединились силы передовых отрядов генералов Родина и Кравченко.

Родин атаковал город Калач и после короткого боя овладел им, а Кравченко, обойдя Калач с востока, двинулся к хутору Советский, куда с юга подходило механизированное соединение Сталинградского фронта под командованием генерала Вольского.

Наступило историческое утро 23 ноября, когда с севера и юга стали сближаться головные танки ударных группировок Юго-Западного и Сталинградского фронтов, чтобы, соединившись, замкнуть кольцо окружения вокруг армии Паулюса.

Происходит обмен предупредительными выстрелами, потом в воздух взлетают разноцветные ракеты. Они возвещают о том, что через 100 часов

после начала великого контрнаступления войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились и вместе с Донским фронтом окружили двадцать две дивизии противника, штурмовавшие израненный, героический Сталинград.

С обеих сторон на бронев автомобилях и мотоциклах съехались представители передовых отрядов танкового и механизированного соединений; они привезли знамена, чтобы обменяться ими в знак окружения противника у хутора Советский.

Окружение было надежным.

Каждый день, каждый час подходили на помощь танкистам пехотные, артиллерийские войска и уплотняли и укрепляли кольцо. А для Ватутина наступили новые тревоги.

Первые попытки противника деблокировать свои войска с помощью местных резервов были отражены, но возникла опасность прорыва извне, и перед генерал-полковником Ватутиным (это звание присвоило ему правительство 7 декабря 1942 года, в разгар Сталинградской битвы) были поставлены Верховным Главнокомандованием новые трудные и ответственные задачи.

Удар правым крылом

Планируя операцию по окружению фашистских войск под Сталинградом, Ставка Верховного Главнокомандования предвидела, что, добиваясь деблокады своих войск и спасения собственного престижа, Гитлер не посчитается ни с какими потерями.

Дальнейшие боевые события полностью подтвердили этот прогноз. Резервы противника образовали две новые крупные группировки, которые сосредоточились юго-западнее Сталинграда, у Котельниково и Тормосина. Командующим войсками у Сталинграда, объединенными звонким названием «Группа Дон», был назначен генерал-фельдмаршал Манштейн.

Манштейн пытался сильными ударами котельниковской и тормосинской группировок пробить коридоры в кольце окружения извне; Паулюс собирался двинуться ему навстречу изнутри.

Могущество планов Советского Главнокомандования заключается в том, что они рассчитаны наверняка, что для их осуществления мобилизуются такие силы, которые обеспечивают полную победу, а действия этих сил направляются так, что любые уловки врага парализуются.

Ставка сосредоточила новые соединения против войск противника у Котельниково. Одновременно на правом крыле Юго-Западного фронта формировалась новая ударная группировка.

Дело шло уже не только о полной ликвидации мер противника по деблокаде своих войск, но одновременно о развитии Сталинградской операции, о перерастании этой операции в общее наступление на фронте от Воронежа до Кавказа.

Ватутин продолжал руководить боями; Юго-Западный фронт вместе со Сталинградским и Донским все туже сжимал кольцо окружения и, отражая атаки гитлеровцев извне, вел наступление на запад и юго-запад, расширяя территорию между окруженной группировкой противника и его подошедшими резервами.

Одновременно командующий рокировал свои силы к правому флангу, где готовился новый удар по врагу.

Руководство разгромом окруженной армии Паулюса было поручено генералу Рокоссовскому, а Ватутин все внимание сосредоточил на подготовке новой операции.

В этой операции войска фронта должны были нанести еще один сокрушительный удар на юг и юго-запад из района Верхний Мамон на Среднем Дону, в 100-200 километрах северо-западнее Сталинграда, разгромить войска противника, действовавшие на территории между Сталинградом и Ворошиловградом, рассечь коммуникации, идущие с запада к Сталинграду, выйти в тыл тормосинской группировке противника и вместе с другими фронтами парализовать все попытки Манштейна спасти окруженные в Сталинграде дивизии.

Для подготовки новой операции оставались считанные дни. Между тем наступившая зима замела дороги, а холода и вьюги замедляли передвижение войск. Все население донских станиц и воронежских сел поднялось, чтобы расчистить нашим войскам пути к Дону.

Солдаты, идущие в бой, видели сквозь метель, как в снежной мгле, днем и ночью, тысячи женщин, стариков, подростков, вооружившись лопатами, скребками, метлами, очищали дороги от сугробов снега, а в низинах, где снег был особенно глубок, прокладывали проходы.

Новые мощные соединения направляла страна на Юго-Западный фронт в распоряжение Ватутина.

Шла артиллерия, шли танковые войска, шли стрелковые соединения генералов Алферова и Гагена.

Трудности сосредоточения ударной группировки были в этой операции еще большие, чем в операции окружения.

Дон замерз, и переправа на плавающих средствах стала невозможной, а лед еще не выдерживал тяжести орудий и танков. Мосты на Дону были под артиллерийским и минометным огнем противника.

Плацдарм на южном берегу, с которого намечалось наступление, был ничтожно мал для сосредоточения массы войск. К тому же местность, изрезанная глубокими оврагами, с крутыми скатами, затрудняла передвижение тяжелой техники.

Ватутин снова был у переднего края. Здесь же находились представитель Ставки генерал-полковник Воронов и генерал-лейтенант Кузнецов, соединение которого наносило с плацдарма главный удар. Генералы изучали оборону противника, рекогносцировали местность, на которой должны были развернуться бои.

Выгоды местности были на стороне противника. Наученный горьким опытом, он лихорадочно укреплял ее и усиливал оборону огневыми средствами. Ясно было, что рубеж Дона гитлеровские генералы будут удерживать любой ценой, так как Дон прикрывал всю территорию между Ворошиловградом и Сталинградом, с которой гитлеровцы надеялись нанести контрудар по советским войскам, окружившим армию Паулюса.

Кроме того, Дон прикрывал стратегически важное направление на Ростов, Донбасс.

Тем важнее было здесь, на Среднем Дону, с плацдарма у Верхнего Мамона начать наступление.

У Ватутина не было общего перевеса сил над противостоявшим ему противником. И он смело снял с

второстепенных участков фронта стрелковые дивизии и стянул их к Верхнему Мамону.

В метельные ночи перешли по мостам через Дон и расположились на плацдарме танковые соединения.

На руках перетащив свои орудия через обледенелые скаты оврагов, заняли огневые позиции советские артиллеристы.

На главном направлении наступления был создан подавляющий перевес сил.

Занялось мглистое зимнее утро. Ватутин снова стоял на наблюдательном пункте. Снова клубился туман, сливаясь, с белесой морозной мглой, висевшей над степью, и непроницаемая пелена скрывала от командующего фронтом, от артиллерийских наблюдателей, от наших летчиков позиции противника.

Но ждать, пока рассеется туман, это значило поставить под удары авиации и артиллерии противника плацдарм, насыщенный войсками за последнюю ночь настолько, что каждая бомба, каждый снаряд удесятирил бы наши потери; а главное, ждать — лишить себя возможности атаковать противника внезапно.

Ватутин отдал приказ начать артиллерийскую подготовку, бить по заранее засеченным, пристрелянным целям.

Опять над тихим Доном гремит артиллерия, разрушает укрепления противника, уничтожает его живую силу, прижимает гитлеровцев к земле, загоняет их в укрытия.

В атаку поднимается советская пехота.

Полки стрелкового соединения полковника Семенова врываются в первую траншею, бросаются ко второй, их поддерживают наши танки.

И вдруг танки, один за другим, стали оседать на снегу... По ним бьют уцелевшие орудия противника...

В глубине тактической обороны оказались минные поля. Их ставил противник летом, затем осенью и в третий раз зимой, по первому снегу. Наши саперы сняли верхний слой мин, а нижние слои, скрытые глубоким снегом, вмерзшие в землю, выдерживая пехотинца, взрывались под тяжестью танка.

Советские минеры героически работали под огнем, но разминирование шло очень медленно, противник пришел в себя, начались его контратаки, с укрепленного узла у села Гадючье была артиллерия.

Шел час... Другой... Третий...

Прорыв обороны противника не удавался...

Короток день 16 декабря, а Ватутин знает, что наступать танкам в темноте, по узким проходам через минные поля будет еще труднее. Знает он также, что в оперативном резерве противника находятся свежие дивизии, за ночь они подойдут, закрепятся в траншеях и выбивать их придется с тяжелыми кровопролитными боями.

В полдень туман стал рассеиваться, и к плацдарму начала прорываться вражеская авиация.

Близился вечер. Успеха все не было. Ватутину приходилось решать: вводить ли в бой танковые соединения фронта, не добившись прорыва тактической полосы обороны?..

Ставка запросила сведения о продвижении и потерях наших войск и потребовала решения Ватутина.

В этот трудный момент проявляется решимость Ватутина. Он вводит в бой мощные танковые соединения, приказывает им вместе со стрелковыми дивизиями прорвать оборону противника.

Снова поднимаются пехотинцы генерала Кузнецова, руководимые генералами Алферовым и Гагеном, на штурм заснеженных высот.

Экипажи танков, оставив машины, бросаются на помощь саперам, извлекают мины, проделывают

проходы в минных полях.

Командиры танковых соединений, генералы Полубояров и Павлов, сами ведут под огнем через эти проходы головные роты танков.

Потеряны еще десять танков, но могучий натиск танковых соединений остановить невозможно, они прорываются на 700–1 000 метров и оказываются за полосой минных полей.

Тактическая полоса обороны противника прорвана, танкистам открывается оперативный простор.

На тыловом рубеже они обрушиваются на оперативные резервы противника. Полки Гитлера и бригады чернорубашечников Муссолини не устояли под ударом советских танков.

Танковые соединения были нацелены Ватутиным так, что под их ударами оказались одновременно ближние и глубокие тылы врага. Его оборона была подавлена на всю глубину. Его дивизии стали откатываться с рубежа Дона там, где их с фронта даже не атаковывали. Отступающие колонны были сброшены танкистами с дорог, окружены и уничтожены нашей пехотой.

Войска правого крыла фронта под командованием генерала Кузнецова наступали с плацдарма на запад, на юг и восток, а им навстречу шли, подсекая противника «под корень», войска, руководимые генералом Лелюшенко.

Плацдарм за Доном, имевший к началу наступления два с половиной километра по фронту и два километра в глубину, вскоре расширился до двухсот двадцати километров по фронту и шестидесяти километров в глубину. Произошло коренное изменение оперативной обстановки.

Победили воля командующего фронтом, его вера в силу своих войск. Исходя из своеобразия обстановки и хорошо зная тактику противника, он принял

рискованное решение: не завершив прорыва, ввести танковые соединения.

Теперь, освобождая станицу за станицей, захватывая железнодорожные станции, а на них эшелоны с танками и орудиями, войска Юго-Западного фронта победоносно развивали наступление.

Генерал-фельдмаршал Манштейн и генерал-фельдмаршал фон Вейхс, войска которого тоже действовали здесь, делали невероятные усилия, чтобы остановить соединения Юго-Западного фронта и помогавшего ему Воронежского фронта.

Против Юго-Западного фронта стали выдвигаться свежие пехотные, танковые, альпийские дивизии. На станции Ворошиловград, Миллерово, Тацинская прибывали все новые резервы противника, усилила свои действия фашистская авиация.

В эти дни, когда от командующего фронтом требовалось нечеловеческое напряжение, Ватутин тяжело заболел. Злая и опасная своими осложнениями болезнь туляремия одолевала командующего.

Ватутин был в жару — температура поднялась до сорока градусов, ломило все суставы, голова болела нестерпимо. Командующий фронтом упорно сопротивлялся болезни и, непрерывно руководя наступлением, скрывал свой недуг. И все же в Ставке узнали о болезни Ватутина, предложили прислать заместителя, но Ватутин отказался.

В этот момент битва подвергла Ватутина новому испытанию.

На решающем этапе борьбы ответственный штабной командир выехал в войска, действовавшие на важнейшем направлении. Дожидаясь его возвращения, Ватутин прилег, укрывшись шинелью. Глубокой ночью он услышал встревоженные голоса дежурных офицеров и понял, что случилось нечто чрезвычайное.

Известие было действительно грозное.

На направлении, куда выехал штабной командир, неожиданно появилась вновь прибывшая на фронт дивизия противника, внезапно захватила село, накануне освобожденное советскими войсками, и развивает успех.

К угрожаемому направлению были молниеносно стянуты ближайшие резервы фронта, и в ту же ночь Ватутин нанес противнику сокрушительный удар.

Дивизия противника была полностью разгромлена, наши войска продвинулись далеко вперед.

Окруженные группировки противника, несмотря на отчаянное сопротивление, были разгромлены, их остатки взяты в плен. Стрелковые дивизии советских войск устремились на юг вслед за танковыми соединениями.

Ватутин приказал организовать в каждой стрелковой дивизии передовые отряды, посадил их на автомобили и потребовал еще быстрее двигаться вперед. Танкистам Ватутин приказал нанести удар по тылам тормосинской группировки, по тылам 8-й итальянской армии.

В направлении Кантемировка глубоко, на открытом фланге героически действовало танковое соединение генерала Полубоярова.

Декабрьские метели замели в степи все дороги, танки шли по глубокому снегу. Дни и ночи не снимали механики-водители рук с рычагов управления, командиры башен не отводили глаз от прицелов, командиры бригад лично вели передовые отряды.

В труднейший момент борьбы радисты всех танков приняли радиограмму командира соединения: «Родина нам приказывает, честь корпуса требует немедленно ворваться в Кантемировку».

Танкисты пошли на штурм ночью. Кантемировка, находившаяся на стыке вражеских фронтов, была взята.

Кантемировцы — там и пришло к танкистам это славное имя — устремились дальше, на Волошине, Таловая, нанося глубокий удар по тыловой базе 8-й итальянской армии. Здесь Полубоярову пришлось действовать самостоятельно: метели совершенно прервали сообщение соединения с подходившей к нему на помощь пехотой, прекратилось снабжение горючим. А к противнику подоспели свежие резервы.

Однако соединение продолжало сковывать прибывавшие дивизии противника, дезориентировало гитлеровское командование, раскрывало Ватутину группировку и намерения вражеских резервов. Командующий фронтом лично руководил действиями танкистов и стрелковых дивизий, которые пробивались на помощь танкистам.

В этот напряженный период Сталинградской битвы южнее всех войск Юго-Западного фронта оказалось танковое соединение генерала Баданова.

Ему была указана самая глубокая цель: выйти на железнодорожную станцию Тацинская, расцезь основную коммуникацию, соединявшую Сталинград с Ростовом и питавшую тормосинскую группировку, овладеть Тацинской — огромной фронтовой базой гитлеровских войск — и захватить там аэродром, с которого поднимались самолеты, снабжавшие окруженную армию Паулюса боеприпасами и провиантом и бомбившие наши войска.

Безостановочно шло соединение Баданова, отбрасывая на пути части противника и обтекая узлы сопротивления. На шестые сутки боев и маршей, к ночи, они были уже в станице Скасырской. До Тацинской оставалось несколько часов марша.

Командиры частей рассчитывали остановиться в Скасырской на ночлег и с утра возобновить движение.

Генерал Баданов решил — иначе.

Он правильно определил, что, наступая днем, соединение лишится важнейшего элемента успеха — внезапности. Противник успеет изготавиться к бою, поднимет в воздух авиацию, и тогда произойдет схватка льва и кондора, в которой кондор будет неуязвим, а могучий лев беззащитен от ударов с воздуха.

В ту же ночь соединение двинулось к Тацинской и к рассвету было выведено в исходное положение для атаки железнодорожной станции, поселка и аэродрома.

Когда занялся поздний январский рассвет, тишину разорвали грозные залпы «катюш», и сквозь зимнюю мглу понеслись на врага огненные снаряды.

Это был сигнал атаки, повторенный по радио приказом: «За Родину — вперед!»

С грохотом, неся на броне десанты, ворвались танки в поселок, на станцию, на аэродром.

Через десять лет в газете «Ди дейтше солдатен цейтунг», — реакционном органе, издаваемом в Западной Германии, спасшийся тогда летчик Курт Штрайт опубликует свои воспоминания о Сталинградской битве под названием «О тех, кто вырвался из преисподней». В них будет напечатан специальный раздел «Кровавая баня в Тацинской».

Вот как запомнилась она Курту Штрайту, который совершил тридцать девять ночных вылетов в Сталинград и которого нельзя заподозрить в симпатиях к Советской Армии, в желании превознести ее победы:

«...Утро 24 декабря 1942 года. На востоке брезжит слабый рассвет, освещающий серый горизонт. В этот момент советские танки, ведя огонь, внезапно врываются в деревню и на аэродром. Самолеты сразу вспыхивают, как факелы. Всюду бушует пламя. Рвутся снаряды, взлетают в воздух боеприпасы. Мечутся грузовики, а между ними бегают отчаянно кричащие люди.

Все, что может бежать, двигаться, лететь, пытается разбежаться во все стороны.

Кто же даст приказ, куда направиться пилотам, пытающимся вырваться из этого ада?

Стартовать в направлении Новочеркасска — вот все, что успел приказать генерал.

Начинается безумие... Со всех сторон выезжают на стартовую площадку и стартуют самолеты. Все это происходит под огнем и в свете пожаров.

Небо распростерлось багровым колоколом над тысячами погибающих, лица которых выражают безумие.

Вот один «Ю-52», не успев подняться, врезается в танк, и оба взрываются со страшным грохотом в огромном облаке пламени.

Вот уже в воздухе сталкиваются «Юнкере» и «Хейнкель» и разлетаются на мелкие куски вместе со своими пассажирами.

Рев танков и авиамоторов смешивается со взрывами, орудийным огнем и пулеметными очередями в чудовищную симфонию. Все это создает полную картину настоящей преисподней.

Только через некоторое время немецкая танковая группа подходит к Тацинской и после тяжелых боев снова занимает деревню и аэродром. Тем не менее Тацинская остается на переднем крае и не может служить базой для воздушного моста в Сталинград.

Проходит много дней, покуда спасшиеся экипажи смогли собраться на аэродроме в Сальске. Но отсюда до Сталинграда 320 километров, а летчики совершенно вылетались, самолеты пора сдавать на свалку...».

Примерно то же, более скупое рассказывали об ударе на Тацинскую советские танкисты.

После короткой отчаянной схватки сопротивление гитлеровцев было сломлено.

На станции были захвачены эшелоны с танками, шедшие к Тормосину и Сталинграду, склады с боеприпасами, продовольствием, одеждой, горючим, а на аэродроме — сотни бомбардировщиков, истребителей и транспортных самолетов.

Полураздетые фашистские летчики выбегали из домов, пытались спастись в балках, в степи, кидались к самолетам, но всюду их настигали советские воины.

Один транспортный самолет успел подняться, но был подбит орудийным снарядом и тяжело рухнул на землю. Другой, выруливая на старт, начал было разбег, но за ним погнался танк «Т-34», и на аэродроме началось неслыханное в истории соревнование танка и берущего разбег самолета. «Т-34» нагнал самолет и разможил ему хвост. Трудности были в том, жаловались танкисты, что огромные транспортные и бомбардировочные самолеты нельзя было таранить ударами по шасси, потому что, падая, самолет накрывал танк; приходилось давить хвосты самолетов, но и это было неудобно, потому что хвосты легко откатывались от удара танка, скользя по обледеневшему покрову аэродрома. Правда, механики и водители быстро освоили способ топтать хвосты самолетов,

В те дни на фронте шутили, что Баданов прижал под Тацинской хвост Герингу, захватив у него более трехсот самолетов.

Неотвратимая угроза нависла над противником, но нарастала опасность и для соединения Баданова. Превосходящие танковые силы противника, спешно стянутые к Тацинской, окружили ее и перешли в контратаки.

Ватутин держал связь с Бадановым по радио, лично доносил в Ставку о положении его соединения. Из Ставки были даны указания авиации о помощи танкистам, и в нужный момент Баданов получил разрешение выйти из боя. Ночью танковое соединение

оторвалось от противника, присоединилось к подошедшим главным силам фронта и возобновило наступление.

В самый разгар боев Баданов получил радиogramму Военного Совета фронта о том, что соединение преобразовано в гвардейское. «Вы награждены орденом Суворова 2-й степени. Поздравляю вас и личный состав... от души желаю победы над врагом», — прочитал Баданов.

Орденом Суворова впервые в Советской Армии был награжден генерал Василий Михайлович Баданов, показавший искусство маневра и смелость — важнейшие черты суворовского военного искусства.

Сталинградская битва стала колыбелью славы многих танковых соединений, которым правительство присвоило гвардейское звание. Здесь, на берегах Дона и Волги, вознеслась слава не только танковых, но и многих стрелковых, артиллерийских, кавалерийских, авиационных соединений Сталинградского, Донского и Юго-Западного фронтов.

Юго-Западный фронт, взаимодействуя с другими фронтами, с честью решил поставленную перед ним задачу по окружению противника у Сталинграда и сыграл важнейшую роль в сокрушении всех попыток Гитлера спасти свою окруженную группировку.

Войска противника, противостоявшие Юго-Западному фронту на территории между Сталинградом и Ворошиловградом, были разгромлены. В грандиозных боях, развернувшихся на сотни километров по фронту и сотни километров в глубину, Советская Армия освободила 1 246 населенных пунктов. Было подбито и захвачено 485 самолетов, 350 танков, 2 200 орудий, 8 500 автомашин. Гитлеровцы потеряли убитыми и пленными ПО тысяч солдат и офицеров.

Советские войска разбили 8-ю итальянскую армию, присланную на Дон Муссолини, и ряд корпусов

румынской армии, присланных Антонеску. Народы Италии и Румынии, потрясенные гибелью тысяч итальянцев и румын, еще больше возненавидели виновников их гибели — фашистские, правительства.

Тормосинская группировка, грозившая прорваться на помощь армии Паулюса, сама оказалась под угрозой окружения и была разбита в боях войсками Ватутина. Котельниковская группировка, приблизившаяся к Сталинграду настолько, что гитлеровцы, находившиеся в Сталинграде на южном фланге обороны, уже слышали, как она, прорываясь к ним, вела бой, была атакована свежими резервами советских войск. Группировка была разбита и покатила к Ростову.

Преследуя ее, наши войска освободили Ростов.

Армия фельдмаршала Клейста спешно откатывалась с Кавказа.

Войска Юго-Западного фронта, продолжая наступление, взяли Миллерово и выходили к реке Северный Донец.

Теперь между окруженной в Сталинграде армией Паулюса и ближайшими войсками Гитлера легло пространство» в сотни километров. Положение окруженной группировки стало безнадежным, она превратилась как бы в огромный лагерь пленных.

Операция по окружению противника у Сталинграда переросла в общее стратегическое контрнаступление фронтов. Здесь сказалась сила советского военного искусства, которая сокрушила противника у Сталинграда и проявилась впоследствии в крупнейших битвах Великой Отечественной войны, сказались сила последовательных ударов, последовательного наступления фронтов, огромный размах операций.

Первый удар был нанесен 19 ноября 1942 года Донским и Юго-Западным фронтами; 20 ноября нанес удар Сталинградский фронт. Когда силы врага были скованы у Сталинграда, Юго-Западный фронт обрушил

новый удар своим правым крылом. У Котельниково действовали резервы Ставки.

Спасая положение, гитлеровское командование бросало резервы в Сталинградскую битву, и тогда перешли в наступление Брянский, Воронежский, Южный, затем Центральный и Западный фронты.

Не только оперативные, но и стратегические резервы Гитлера метались с одного направления на другое, всюду опаздывали, попадали под удары. Резервов у Гитлера не хватало. Фронт противника протяжением в сотни километров рушился.

Советская Армия вырвала у врага стратегическую инициативу и погнала фашистские орды на запад.

Надежда Гитлера и наставник нынешних американских империалистов генерал-фельдмаршал Манштейн делал отчаянные попытки спасти положение, но все они рассыпались в прах.

А имя молодого генерала Ватутина, впервые прозвучавшее на весь мир в сообщении «В последний час», покрытое славой Сталинграда, все чаще встречалось в газетах, повторялось в эфире, становилось близким и дорогим людям, жаждавшим уничтожения гитлеризма.

12 февраля 1943 года правительство присвоило Ватутину звание генерала армии.

Снова в родном селе

После победы под Сталинградом Ватутин был назначен командующим Воронежским фронтом. В полосу фронта входил и Валуйский район. В один из дней относительного затишья Ватутин, инспектируя находившиеся в Валуйках войска, решил заехать в родное село.

Он проезжал через Валуйки. Это был уже не тот город, побывать в котором мечтал когда-то деревенский мальчик. Маленький уездный городок превратился за годы советской власти в мощный железнодорожный узел, в центр передового колхозного района.

Бронетранспортер вынес генерала из города, спустился с высот, открывавших чудесный вид на заречный простор, к мосту, наведенному саперами через реку Валуй, в которой Ватутин когда-то тихими утрами удил рыбу.

За рекой начиналась дорога, где Ватутину был знаком каждый мостик, каждая придорожная верба, каждый поворот. Сколько раз он ходил по ней из Валук в родное Чепухино!

Этой дорогой он шел искать работу после того, как лишился стипендии в коммерческом училище... И по этой же дороге двадцать пять лет назад шел к Валуйкам народ, восставший против помещиков и буржуазии.

Знакомые картины согревали душу генерала. И, непосредственно воспринимая красоту окружающей природы, генерал в то же время думал о том, как был взят танковыми войсками генерала Рыбалко город Валуйки. Это его особенно интересовало, потому что город, расположенный на высотах, прикрытый широкой

рекой Валуй, казалось, был недоступен для атаки танковых соединений. И то, что город и важнейший железнодорожный узел на дороге, обеспечивавшей оперативный маневр крупными массами войск на огромном протяжении фронтов от Москвы до Донбасса, был все же взят, восхищало Ватутина и привлекало его внимание к опыту генерала Рыбалко.

И мысли о боевых действиях то захватывали генерала полностью настолько, что он практически представлял себе, как на стоянке вызовет оперативных работников, неотступно следующих на машинах за бронетранспортером командующего, и передаст им необходимые распоряжения, то уступали место мыслям и воспоминаниям о тех, к кому он сейчас ехал.

Николай Федорович думал о своей матери.

Как каждый взрослый сын, любящий свою мать, Ватутин часто думал о том, все ли им сделано, чтобы мать жила спокойно, не забыл ли он в спешке и напряжении своих дней того, что должен был и мог сделать для нее.

В этом генерал предъявлял к себе неукоснительные требования еще и потому, что знал, насколько сдержанна и скромна в своих требованиях мать, которая, как и большинство матерей, будет искать и найдет оправдания сыну, забывшему ей написать или в чем-то не позаботившемуся о ней.

Он хорошо помнил, как трудно жила она, и воспоминания эти еще сильнее будили в сыне чувства любви, благодарности и уважения к матери.

По этой дороге бывало спешила Вера Ефимовна в Валуйки, когда дед или отец не могли побывать у Николая или сам он не мог в воскресенье прийти в Чепухино. Она приносила ему продукты, чистое белье и, пройдя двадцать километров из Чепухино в Валуйки, тут же шла обратно к оставленным без присмотра малышам.

Смерть мужа, младшего сына, деда Григория, тяжелая болезнь старшей дочери, приковавшая ее к постели, отсутствие старших сыновей — Павла и Николая, служивших в армии, не сломили Веру Ефимовну. Она не пошла на поклон к кулакам и неустанным трудом, невероятными усилиями, казалось, невозможными для маленькой, сухонькой женщины, матери девяти детей, подняла и вырастила малышей.

Вера Ефимовна в числе первых вступила в колхоз, стала лучшей дояркой, а вскоре поварихой в детских яслях. И любовь к своим детям, теперь перенесенная на малышей всего села, и чувство долга, так свойственное семье Ватутиных, дали Вере Ефимовне славное имя на селе — колхозная няня.

Едва начав самостоятельно работать, Нимпай Федорович стал помогать семье. Он посылал матери деньги, на свой первый командирский заработок купил швейную машину больной сестре, которая не могла работать в поле и шила платья для односельчанок. Младшую сестру Лену, очень похожую на него и очень любимую им, Ватутин взял к себе и готовил к поступлению в медицинский институт. Помогал Николай Федорович учиться и младшему брату Семену.

С годами богател колхоз, жизнь колхозников становилась с каждым днем лучше. Вера Ефимовна, теперь уже не обремененная заботами о маленьких детях, несколько раз приезжала в гости к сыну-генералу.

Впервые в жизни выехав из глухого села, она внимательно вглядывалась в окружающее, но не удивлялась, а принимала все новое рассудительно и как должное. Все нравилось Вере Ефимовне в городах. Ей было удобно в большой квартире сына, но оставаться жить в Киеве или в Москве она отказывалась наотрез. Сказалась ватутинская скромность, неутолимая любовь и привычка старой колхозницы к своему труду, которого

она лишена была в городах. Погостив, Вера Ефимовна возвращалась в свое Чепухино

Долго потом соседи и особенно соседки расспрашивали ее обо всем, что она видела. Неторопливо, снова и снова рассказывала Вера Ефимовна, как ехала поездом, как летела самолетом и видела сверху сквозь оконце, что поменьше оконышка в старой хате деда Григория, землю без конца и края, множество сел, рек и лесов.

Особенно часто требовали соседки рассказа о том, как въезжала она в Киев, как встречал ее Николай Федорович и как все военные останавливались и отдавали честь, когда сын-генерал вел ее под руку к машине.

Николай Федорович все же чувствовал себя в ответе перед матерью и сестрами за то, что они оказались в оккупации, хотя он и военные власти, тогда здесь находившиеся, сделали все для того, чтобы эвакуировать их. Посланная машина с сопровождающим сержантом прибыла во время, но Вера Ефимовна не могла везти тяжело заболевшую дочь, прождала, пока ей станет легче, а когда тронулись в путь, было уже поздно. Гитлеровцы захватили переправы на Дону, и Ватутины вынуждены были вернуться в Чепухино. После освобождения района от немецко-фашистской оккупации Ватутин узнал из сообщений райкома партии и писем сестер, что родные его живы, и теперь решил сам увидеть мать, помочь семье.

* * *

Район Валук уже стал прифронтовым тылом советских войск, и в Чепухино расположился на отдых стрелковый полк.

В предвечерний час, когда Ватутин подъезжал к селу, в хате Веры Ефимовны наступил покой. Солдаты, в этот день пришедшие на постой, пообедали «и, сняв сапоги и гимнастерки, отдыхали. Четверо солдат играли в домино, другие лежали на печи, на лежанке, читали газету, где был опубликован приказ Верховного Главнокомандующего войскам Ватутина. Как это часто бывает, солдаты, ставшие на постой, не интересовались фамилией и родословной хозяйки хаты, а Ватутины со свойственной им сдержанностью не говорили о том, что их сын и брат генерал.

Управившись по дому, Вера Ефимовна села за свой ткацкий станок. Его вытащили из сарая, как только пришли в село советские воины, и теперь Вера Ефимовна пользовалась каждым свободным часом, чтобы ткать полотно.

Сестры были заняты своими делами: старшая, Матрена Федоровна, шила на машинке, средняя, Дарья Федоровна, — счетовод колхоза — составляла вновь списки колхозных бригад. Лена кончала мазать земляной пол и шутила с солдатами, приглашавшими ее играть в домино.

В этот момент большая машина промелькнула мимо окна во двор.

Лена успела заметить брата и вскрикнула:

— Коля приехал!

Она выскочила в сени, за ней выбежала Вера Ефимовна и сестры.

Солдаты заинтересовались неожиданным волнением хозяек, но, услышав объяснение, что приехал брат, продолжали заниматься своим делом — стучали костяшками домино.

Зато через несколько секунд, увидев перед собой генерала армии, солдаты бросились к одежде так, как будто бы слышали сигнал боевой тревоги.

Самые расторопные успели схватить сапоги или просунуть голову в гимнастерку, пытались ускользнуть в соседнюю комнату, другие застыли с сапогами в руках в положении «смирно», когда слышали приветливое и чуть-чуть укоризненное:

— Куда же вы, товарищи? Вы мне не мешаете, отдыхайте, пожалуйста... Я ненадолго.

Николай Федорович сердечно обнял мать и сестер, поздоровался с солдатами и стал снимать шинель.

Он раздевался неторопливо, как раздеваются дома, зная, что куда положить и повесить, и действительно, обернувшись, увидел у двери знакомый гвоздик.

«Вот на свой гвоздик я и повешу шинель», — обрадовался Ватутин.

Это был даже не гвоздик, а железный граненый клинышек без шляпки, в незапамятные времена вбитый в притолоку дедом. Николай Федорович» когда-то вешал на него свой кожанок и шапку. Здесь у дверей было удобно сразу раздеться и также удобно, одевшись, сразу выбежать из хаты.

Ватутин всматривался в лица родных. Сейчас все были вместе. Вот только братья еще не прислали вестей о себе, и тревога за них омрачала радость встречи.

Николай Федорович в течение войны изредка получал письма от братьев. Их пути на войне даже сходились. Павел стоял в строю своей батареи, когда генерал Ватутин инспектировал дивизию, но после осмотра войск Николай Федорович, не зная, что здесь находится его брат, сразу уехал в другую

дивизию, и братья так и не увиделись. Афанасии, получив отпуск, приезжал к брату — командующему фронтом, погостил у него и уехал обратно в свою саперную часть.

Николай Федорович знал, что Афанасию, повредившему грудь при падении с дерева, нелегко в окопах передовой линии, и Афанасий Федорович знал, что брат-генерал может оставить его при себе, но солдат и не помыслил об этом просить, а генералу и в голову не пришло использовать свою власть, чтобы определить брата на службу в безопасное место.

Семен, танкист, писал Николаю Федоровичу, что услышал о нем по радио. Затем, находясь с ним на одном фронте, написал в штаб, но в те дни были горячие бои, братья не могли увидеться, а когда на передовой стихло, Николай Федорович оказался уже на другом фронте.

После первых вопросов о здоровье мать спохватилась:

— Да ты, сынок, наверное, кушать хочешь?

Ватутин с радостью согласился съесть горячих щей, сказал, что у него кое-что припасено в дорогу,

послал сестру за своим постоянным ординарцем Митей Глушаковым и попросил у матери воды умыться.

Лена мгновенно выскочила во двор, мать захлопотала в соседней комнате у печки над чугунами с теплой водой, солдаты перешли незаметно в другую комнату.

Ватутин остался в большой комнате один.

Все вокруг него было знакомое, родное, напоминало о детстве. Знал он каждый уголок в этой хате и мог с закрытыми глазами представить себе расстилавшиеся за окном поля. Та же меловая гора, что вздымалась перед окном на противоположной стороне хаты, та же дорога, белая в летние дни, а теперь покрытая грязным снегом, который мешали, перемешивали тысячи колес

автомашин и орудий, гусеницы танков и ноги тысяч солдат.

С самого раннего детства помнил Ватутин и большой ткацкий станок в углу хаты, на котором руки его матери выткали для него первую полотняную рубашонку. На него теперь бережно положили генеральский китель.

Генерал хорошо знал, сколько долгих зимних ночей недосыпала у этих деревянных блоков и валиков в течение полувека его мать, сколько женщин семьи Ватутиных, одна за другой, с юных лет до глубокой старости сидели у этого станка, как текла из-под их рук узкая полоса полотна, в которое одевались поколения Ватутиных от пеленок до чистой рубахи, надетой в день кончины. И от поколения к поколению передавался рассказ о том, что на этом станке ткали еще при крепостном праве, что к прабабке генерала приходила барыня, снимала с тонкого пальца кольцо и требовала полотна такой тонины, чтобы две четвертины его продевались сквозь это кольцо.

Сделанный почти столетие тому назад из светлого дуба, станок от времени стал темнокоричневым, и только дубовый челночок, похожий на изящную лодочку, проскальзывавший сотни тысяч, миллионы раз между продольными нитями, отшлифованный до блеска руками женщин, оставался светложелтым.

Темнел станок, темнели руки Веры Ефимовны, уже не было нужды в домотканном полотне, уже Николай Федорович шутил, что одна ткачиха с Трехгорной мануфактуры может одеть жителей всего села, а Вера Ефимовна все ткала, если не полотно, в котором действительно уже не было надобности, то ковровые дорожки.

Пока Ватутин разговаривал с матерью, шутил с сестрами, солдаты, находившиеся в соседней комнате,

через открытую дверь смотрели на генерала армии и верили и не верили своим глазам.

Прославленный Ватутин находился совсем рядом с ними, такой простой и близкий и в то же время такой значительный.

Раньше солдаты видели генерала Ватутина только на фотографиях, помещенных в газетах, а сейчас он в присутствии солдат подписал какую-то, очевидно важную, бумагу, доложенную полковником и переданную тотчас же на радиостанцию.

Во всех движениях генерала, в его внимательно сузившихся при чтении глазах, в лаконичных фразах, в широком жесте руки над картой, в том, как докладывавший полковник побежал с ней к радиостанции, солдаты чувствовали силу и волю Ватутина. Они, знавшие, как велением высшего командования перебрасывались с фронта на фронт, переходили от обороны к наступлению их полк, их дивизия, ощущали, что власть сидевшего перед ними человека огромна.

Его генеральская шинель и фуражка висели рядом с их солдатскими шинелями и ушанками, и солдаты полушутя-полусерьезно спорили шепотом: кто из них будет вешать свою шинель на этот гвоздик, когда уедет генерал.

Ибо как ни значителен был генерал для солдат, солдаты уже примеряли свой путь к его пути, искали сходства в этих путях, искали в генерале самих себя, в его биографии — начала своих биографий и, конечно, находили. Находили что-то знакомое, свойственное им самим и их командирам в этом широкоскулом солдатском лице генерала, в прямом, твердом и честном взгляде его пронизательных глаз.

А когда генерал снял мундир и остался в одной нательной солдатской рубаше, он стал внешне совсем по-солдатски прост.

Могучее солдатское здоровье чувствовалось в широких плечах генерала, в его мощной, почти квадратной груди. Генерал был небольшого роста, но замечалось прежде всего не это, а то, что он очень пропорционально сложен, что ноги его, стройные, обутые в хромовые сапоги с короткими голенищами, легко несут массивное тело.

У него была ровная, ритмичная походка, шаг частый, но не семенящий, а спорый, отработанный в строю.

Солдаты узнавали свои привычки даже в том, как генерал перематывал портянки. Они узнавали в генерале самих себя, потому что ни воинский вид, ни нынешнее положение генерала не скрывали того, что это много физически потрудившийся человек. Разумно экономны были движения его рук, много поработавших с детства, и вот он, прихватив мизинцем и безымянным пальцем кончик рукава нательной рубахи, отер им со лба пот совсем так, как это делали на покосе поколения крестьян.

Генерал казался солдатам особенно близким еще потому, что рядом была его мать, простая, близкая солдатам колхозница.

На стенах хаты висели фотографии Николая Федоровича, сохраненные Верой Ефимовной в дни оккупации, фотографии, на которые раньше солдаты не обращали внимания, а теперь смотрели то на них, то на живого генерала, и жизнь его разворачивалась перед ними.

Да, вот он на фотографии, шестнадцатилетний крестьянский юноша в русской рубахе, с широко раскрытыми глазами, ищущими ответов на множество вопросов.

А вот фотография первых лет военной службы, он уже командир, но нет еще у него той подтянутости, что отличает современного советского офицера. Еще плохо пригнано обмундирование, гимнастерка немного

обвисает, на ней непомерно большие карманы с оттопыренными от носки клапанами; на голове мягкая полотняная фуражка со звездочкой, под которую подведена ленточка, — вольность, невозможная в наше время. Но еще смелее взгляд молодого командира, он вопрошает жизнь, не любопытствуя, а требуя от нее ответа. Руки, по-крестьянски тяжело лежащие на коленях, сжаты в кулаки, губы плотно сомкнуты, готовы твердо и решительно отдать приказ.

И рядом Ватутин с женой на фотографии чугуевского фотографа. Ватутин сидит на ручке кресла, спершись на плечо Татьяны Романовны. Он все так же скромн и прост.

А дальше фотография периода пребывания в Военной академии имени Фрунзе.

Открытое волевое лицо, взгляд умных, глубоко сидящих глаз. Безукоризненно пригнано обмундирование, строго надет шлем, и как будто бы даже изменилась осанка командира, он стал стройнее, собраннее.

Вот Ватутин уже с тремя «шпалами» на петлицах. Годы военной профессии наложили на весь облик свой отпечаток — проступили черты строгой требовательности и уверенности.

На следующей фотографии Ватутин уже с «ромбом». В его взгляде — пронизательность и доброта. Они уже не вопрошают, эти глаза, они — все видят перед собой и на многое сами могут дать ответ.

Наконец, последняя фотография. Ватутин принимает из рук Михаила Ивановича Калинина орден. Рядом с ним высший генералитет Советской Армии. Сияют ордена, блестят золотые шевроны и звездочки, сверкают люстры огромного зала Кремлевского дворца.

И солдаты переводили взгляд с фотографий на генерала, стоявшего в соседней комнате старой хаты, к которому спешила старушка-мать, вытащившая

огромным рогачом из печки чугуна с теплой водой, и видели, как сын улыбался матери. Чувство восхищения жизнью генерала и гордости за советскую власть, которая могла сделать из простого крестьянина знаменитого полководца, наполняло их сердца.

* * *

Вера Ефимовна стала наливать воду в корыто.

И здесь произошло незримое для постороннего глаза, безмолвное столкновение между матерью генерала и его любимым ординарцем Митей Глушаковым.

Митя, как и вся личная охрана командующего, посолдатски чувствовал, как хорошо, что генерал попал на побывку в родную семью, но для ординарца это была все-таки одна из хат, в которых останавливался генерал отдохнуть, умыться, покушать и где при любых обстоятельствах не прекращалось исполнение обязанностей ординарца.

В других хатах колхозницы также кипятили воду, но подавал ее Митя, и только он. И ординарец ревниво оберегал свое право заботиться о генерале, не уступая его никому — ни лучшим бойцам личной охраны Ватутина, ни даже его адъютанту. Митя считал, что он получил это право, во-первых, потому, что генерал сам не скрывал своего отеческого отношения к нему и действительно предпочитал пользоваться его помощью больше, чем чьей бы то ни было, а главное — потому, что это право Митя завоевал своим поведением в бою и вне боя.

Юный солдат Глушаков прибыл в распоряжение командующего фронтом в напряженные дни боев под Воронежем и сразу сумел понять, что нужно командующему от ординарца, как вести себя, чтобы всегда находиться рядом с ним и в то же время никогда ему не мешать.

И Глушаков вместе с адъютантом неизменно оказывался возле генерала в момент бомбежек, готовый мгновенно прикрыть командующего своим телом, я

пропадал из глаз, -когда чувствовал, что не понадобится Ватутину. Долгими часами дежурил Глушаков у двери комнаты командующего во время совещаний и, улучив минуту, когда наступал перерыв и генералы, переговариваясь на ходу, выходили подышать свежим воздухом, несказанно гордясь тем, что допущен к святой святых — карте командующего, — бережно стряхивал с нее крошки резинки, стружки от карандашей, снова затачивал карандаши, протирал замшей лупу, подметал комнату. Митя горевал, когда командующий в дни тяжелых сражений отказывался от обеда, и научился по признакам, ему одному известным, определять, когда все же можно подать обед. Он знал, что Ватутин по-солдатски неприхотлив и не упрекнет, если обед будет не таким уж вкусным, но зато Глушаков был способен загрызть самого себя и повара, никогда не прощал ни официанткам, ни штабной кухне, если с обедом запаздывали хоть на минуту, тем более, что этой минуты оказывалось иногда достаточно, чтобы командующий, не пообедав, уехал в войска.

Глушаков делал все, что мог, чтобы обеспечить спокойный сон командующего: старательно стелил постель, выносил из комнаты цветы, чтобы они не поглощали и доли воздуха, нужного генералу, проведенному ночь над картой, смазывал петли дверей, чтобы двери не скрипели, клал у изголовья свежие газеты и журналы, настраивал радио на тихую музыку из Москвы, которую Ватутин любил слушать, приходя из штаба. Но сам ординарец не ложился спать, оберегая сон генерала, готовый разбудить его, как всегда, в девять часов утра. И часто, подойдя на цыпочках к комнате командующего, находил его уже делающим физзарядку или одетым, несмотря на то, что генерал лег спать в шесть часов утра.

Изредка у Глушакова вырывалась просьба:

— Вы бы отдохнули, товарищ командующий! На что Ватутин неизменно отвечал:

— Война, товарищ Глушаков, разобьем фашистов, тогда отдохнем, отоспимся и опять за работу...

Иногда следовали «угрозы» — «женить Митю после войны», а чаще обещание помочь Мите учиться, и не только обещание. В редкие часы затишья на фронте Ватутин занимался с Митей и солдатами охраны русским языком и математикой. Это был один из видов отдыха генерала, всегда заботившегося о подчиненных.

Митя был влюблен в командующего, как может быть влюблен юный ординарец в своего прославленного генерала, был предан и близок ему.

И вот теперь Глушаков подошел, как обычно, с полотенцем и мылом к генералу, протянул руку за кувшином с водой и увидел кувшин в руке Веры Ефимовны. Увидел, как послушно наклонил голову командующий, как взъерошились под сильной струей его волосы и произошло то, на что Митя никогда бы не отважился: Вера Ефимовна стала помогать сыну, смывала свободной рукой мыло с шеи, с плеч, смывала (уверенными движениями, делала это, очевидно, так же, как и больше тридцати лет назад, когда купала малыша.

И ординарец понял, что есть руки более нежные и уверенные, чем его руки, глаза более понимающие и вовремя замечающие, что нужно генералу, чем даже его, Митины, глаза, — глаза и руки матери. И так же как солдаты из охраны завидовали близости Глушакова к генералу, так он позавидовал сейчас его матери. Но тут же вспомнил юный солдат свой дом, свою мать и всей сыновней душой своей почувствовал огромные права матери и признал их.

* * *

Они были рядом, сын и мать, и этим были полны их души.

Мать не сводила глаз со своего сына. Это был ее Коля, похожий на нее и немного на отца и на своего старшего брата Павла, на других братьев, сестер, в нем видела она знакомые черты всех Ватутиных — от дедов до внуков.

Впервые увидела мать, что посеребрились виски сына, что морщины глубоко пролегли на лбу, собрались к уголкам глаз. Ей, не признающей за старостью прав на своих детей, как их не признает каждая мать, стало больно. Но эта боль заглушалась огромной радостью матери, видевшей сына в тревожное военное время живым, здоровым, окруженным почетом.

Не откладывая разговора о главной практической цели приезда, Николай Федорович сказал Вере Ефимовне:

— Собирайтесь, мама, в Москву. За вами приедет Таня, вы поживете с ней, отдохнете, а после войны окончательно решите — где захотите, там и будете жить.

Но как могла она уехать в Москву, пока воют ее сыновья, пока их жены работают в поле, а внуки остаются дома одни?

— Нет, сынок, не брошу я внуков, — ласково, но твердо сказала Вера Ефимовна, и в этом ответе Ватутин почувствовал спокойную, без позы и рисовки готовность матери посвятить свою жизнь другим.

И как ни настаивал Николай Федорович, обещая лично помогать семьям братьев, пришлось ему все же уступить матери, согласившейся лишь на то, что к ней приедет и поможет по хозяйству Татьяна Романовна. А

пока он допытывался у матери, в чем семья терпит нужду, как обстоит дело с питанием, с одеждой, обувью, и Вера Ефимовна отвечала, что ей ничего не нужно и что ни о чем не надо ему беспокоиться.

Именно эта готовность к любому труду, а если надо, то и к лишениям, готовность одолеть все тяготы жизни сквозила во всем облике Веры Ефимовны и спасала ее в мучительные месяцы оккупации, о которых она ничего не рассказывала и о чем Ватутин узнал от сестер и соседей.

* * *

Ватутины вернулись в Чепухино после того, как стала ясна безнадежность попыток пробраться с оккупированной гитлеровцами территории к своим.

Уже на окраине села с Верой Ефимовной повстречался односельчанин, носивший зловещее и очень подходившее ему прозвище «Каюк», и злобно зашипел:

— Возвращаешься... думаешь еще жить... Кончилась твоя жизнь... Теперь не ваша, а моя дорожка вперед идти... А ты за сыновей ответишь, особенно за Николая... Не наши вы люди, Ватутины...

Всегда сдержанная, глубоко потрясенная всем случившимся, опасавшаяся за жизнь дочерей, Вера Ефимовна все же не стерпела и спросила:

— А кто же ваши люди?

И так беспощадно, требовательно было спрошено, что предатель, назначенный старостой села, не нашелся, что ответить, и, злобно хлестнув коня, проехал мимо.

С оккупацией гитлеровцами села Чепухино стало известно, что именно Каюк тайно подстрекал крестьян не вступать в колхоз и против него было направлено выступление Ватутина, боровшегося в 1930 году за организацию колхоза. Каюк сам теперь хвастал, выслуживаясь перед гитлеровцами: «Я конюшню колхозную сжег. Я гвозди в хомуты вбивал и репей под седелки подкладывал. Я коням болезни прививал».

Каюк выдал карательному отряду председателя колхоза Щеголева, которого гитлеровцы расстреляли, и теперь, опасаясь угроз предателя, Вера Ефимовна по ночам не ложилась спать, простаивала у окна,

прислушиваясь к каждому шороху, к лаю старого Рябчика.

С первых же дней возвращения в село старую мать генерала и его сестер, даже больную Матрену Федоровну полицаи погнали на тяжелые, изнурительные работы.

Голодная, непостижимой силой державшаяся на ногах, возвращалась Вера Ефимовна с работы и последние сотни шагов доходила до своего крыльца, цепляясь за плетни и стены домов. А ночью снова приникала головой к оконному стеклу, ожидая казни, ибо Как и его сообщники не скрывали списка 25 семей села Чепухино, «назначенных на убой», и открывался этот список фамилией Ватутиных.

Железная закономерность борьбы, которую ведет советский народ, заключается в том, что против темных сил врагов народа поднимаются силы народа и неизменно побеждают. Генерал Ватутин вначале не имел сведений о том, где находится его мать, эвакуированная из села, и не мог ей помочь, но вся борьба, которую вел Ватутин, вели его войска и весь народ, руководимый Коммунистической партией, борьба за спасение населения, временно подпавшего под власть фашистских варваров, спасла жизнь миллионам людей, спасла жизнь матери и сестрам Николая Федоровича.

Удары, которые наносила Советская Армия на всех фронтах, заставили гитлеровское командование забрать из своих фронтовых тылов все резервы и охранять глубокие тылы при помощи хозяйственных команд, старост и полицаев. Сокрушение немецко-фашистских войск под Сталинградом повергло в страх фашистских ставленников и заставило гитлеровское командование еще более оголить свои тылы. Поэтому в Чепухино появлялись лишь кочующие карательные отряды и главным образом группы полицаев, боявшихся

неизбежной кары народа. С самого начала оккупации в районе уже действовали партизаны.

Партизаны предъявили старостам и полицаям грозный ультиматум, предупредив, что за смерть советских людей предатели ответят головой. У старост были изъяты составленные гестаповцами списки советских людей, подлежащих расстрелу, и отобраны ключи колхозных амбаров; партизаны приказали старостам раздать часть зерна населению, а другую часть беречь для посева.

На квартире Веры Ефимовны поселился под видом бродячего сапожника молодой партизан. В первый же день к нему явился Каюк и приказал оставить село. Вера Ефимовна бесстрашно встала на защиту «сапожника», заявила Каюку, что «не пустит бездомного человека из хаты на мороз», на что Каюк ответил угрозой повесить ее вместе с сапожником этой же ночью.

Вечером «сапожник» пришел к Каюку и застрелил предателя на крыльце его собственной хаты.

Уже после освобождения села советскими войсками Ватутины получили письмо партизана, посланное из действующей армии. Молодой боец писал спасенной им семье, что он знал, кого защищает, желал матери и сестрам генерала здоровья и счастья, сообщал, что он в рядах войск генерала Ватутина идет дальше на запад.

При этом партизан не написал своего нового адреса, оставшись в памяти спасенных им людей прообразом скромного советского воина, героически выполнившего и продолжавшего выполнять свой долг.

* * *

Весть о приезде генерала Ватутина вмиг облетела все село. К хате Ватутиных устремился народ.

Первым, несмотря на преклонный возраст, приковылял сосед Илья Лыков, по прозвищу дед Базар. Правда, у самых ворот его обогнала родная дочь Евгешка, чем дед был сильно раздосадован, но тут же успокоился, потому что Евгеше не удалось первой влететь во двор Ватутиных. У ворот стоял часовой-автоматчик. Здесь же во дворе расположились замаскированные штабные машины и радиостанция, также охраняемые часовыми.

Для оперативной группы командующего фронтом этот дом был не только домом его матери, но и очередным ВПУ (вспомогательный пункт управления). С такого пункта командующий не управлял боем, да и активных боевых действий в ту пору на фронте не было, но всегда, даже в пути, в движении, опергруппа поддерживала связь со штабом и Ватутин всегда был ориентирован в обстановке и мог в любое время отдать распоряжения войскам.

Для односельчан Николая Федоровича, знавших его с детства и считавших себя вправе увидаться со своим земляком, часовые не казались препятствием, и те, поняв это, обратились к старикам со словами убеждения:

— Дайте человеку хоть умыться и покушать... Генерал с шести утра в дороге, а сейчас уже шесть часов вечера...

Эти слова подействовали, и старики согласились ждать. Они переговаривались с охраной и шоферами, рассказывали солдатам о своем знатном земляке, расспрашивали о нем и поглядывали в окошко хаты.

Видно было, как генерал умылся, вытер лицо и голову, потянулся за кителем.

Терпение деда Базара и подоспевшего к нему старика Балашова, по прозвищу дед Балаш, иссякало, а народ все прибывал. Испытанные автоматчики, сопровождавшие Ватутина на фронтах, в прошлом все пограничники, способные остановить и задержать любого нарушителя порядка в районе расквартирования командующего фронтом, теперь в первый раз оказались в затруднении, понимая, что тут не остановишь окриком, угрозой оружия, а тем более огнем.

Но Ватутин, успевший покушать и давно уже спрашивавший, как живут односельчане, узнал от Лены, что пришли соседи, и вышел к ним навстречу, радушно приглашая зайти в хату.

Старики вошли первыми, а за ними набилась полная хата народу.

Николай Федорович обнял и расцеловал стариков, пожал руки соседкам, всех вспомнил, о каждом спросил, пригласил гостей садиться.

Евгеша Лыкова, с которой Ватутин вместе ходил в школу и пел в детском хоре, смело «резанула», глядя на генеральский китель:

— Ты теперь, Николай, как святой на иконе блистешь, до тебя доторкнуться страшно, а не то что притулиться к тебе.

Но сама же «притулилась» — обняла генерала и расцеловала.

И тут же одернул ее отец, дед Базар, сказав то, что думалось тогда ему, старому, по-своему оценивавшему подвиги воинов:

— Они теперь все святые, что генералы, что солдаты, которые жизнь кладут за нас.

Да, Ватутин был все такой же, приветливо улыбающийся, сердечный. Он сидел рядом с друзьями,

как говорил впоследствии дед Балаш, «без воображения о себе», шутил, смеялся, слушал стариков.

Дед Базар вспоминал, что, провожая Ватутина в солдаты, он предсказывал ему генеральство, и теперь очень гордился этим предсказанием, точно сам обеспечил земляку высокий чин; дед Балаш вспомнил, что дед Григорий Ватутин за 18 лет службы царю даже «лычка» (нашивки) не выслужил себе и, начав службу солдатом, кончил ее солдатом, а вот внук за те же 18 лет стал «полным генералом».

Соседи дивились, как это получилось, что самый смирный хлопец на селе, «ни разу громкого голоса не подавший», никого не обидевший, а вежливый и «до людей ласковый», стал таким боевым генералом.

И сразу после разительных сравнений, удивленных оханий соседи засыпали генерала множеством вопросов.

Спрашивали:

— Непустишь ты больше к нам фашистов?

— Когда с Гитлером кончите?..

Вопросы были адресованы прямо Ватутину как земляку, как генералу Советской Армии, лично подотчетному односельчанам, подотчетному народу. И он давал слово колхозникам гнать гитлеровцев на запад и прийти с победой в Берлин.

И старый дед Балаш, мудрый, всеми уважаемый, задал вопрос:

— Как живет Москва? Давно ли сам был в Кремле?

И долго слушали колхозники, ловя каждое слово, о том, что слышно в Москве, какие указания даны из Кремля о помощи населению, освобожденному из-под гитлеровского ига.

Земляки спрашивали Ватутина о международном положении, гневно судили о правительствах Америки и Англии, саботировавших открытие второго фронта.

Подруги жены генерала спрашивали о здоровье Татьяны Романовны и детей, показывали генералу своих ребятишек, а ребятам — своего генерала.

Колхозники рассказывали Ватутину о том, как собираются они восстанавливать колхоз, обещали провести снегозадержание, собрать золу, птичий помет, вывезти весь навоз на удобрение, собрать и отремонтировать уцелевший инвентарь. Давали слово трудиться не покладая рук.

Колхозники рассказали командующему фронтом, что они подобрали брошенных гитлеровцами раненых и больных коней, лечат их, обещали вернуть в армию здоровых коней и просили разрешения пока понемногу работать на них. Ватутин разрешил оставить лошадей, написал распоряжение выделить для них корм из трофейных запасов и пользоваться лошадьми, пока местный райвоенком не признает их годными для армии, и обещал помочь силами технической службы фронта отремонтировать тракторы местной МТС.

Огромное чувство уважения к народу, который пашет и сеет вслед за солдатами, невзирая ни на какие тяготы, наполняло сердце Ватутина.

Особенным уважением проникался Ватутин к женщинам — матерям, женам, сестрам фронтовиков, выполнявшим главную долю работы в колхозе. И становилось ясно при этом, что сила женская — материнская, всегда способная творить чудеса — теперь выросла многократно, потому что черпала соки не только в любви к детям, к семье, но и в убеждении, что мать и дети не одиноки сейчас, что советская власть всегда им поможет.

Великая сила духа советских колхозников предстала перед генералом в рассказе о том, как схваченный гитлеровцами, хорошо известный Ватутину председатель колхоза Щеголев не дрогнул перед смертью и только просил расстрелять его за селом, так,

чтобы не видела семья. Но фашисты казнили Щеголева в его же саду и пригнали к месту казни семью и всех жителей села. С приходом первых советских воинов колхозный бригадир Елена Авиловна, прозванная на селе «мать колхозная» за то, что первая вступила в колхоз и всегда была первой в труде, подняла Щеголева из могилы и вместе с другими колхозницами перенесла на кладбище. При этом впервые в своей жизни стали колхозницы у гроба в почетный караул. Стояли вместе с ними школьники, стояли древние старики, ходившие в бой еще на японца и даже на турка.

Безмерная стойкость русских людей, их ясный ум, сила и терпение сквозили во всех рассказах.

А внешне героини, сидевшие рядом с генералом, были простые, скромные женщины, каких он видел здесь всегда, женщины, вся жизнь которых — в житейских мелочах и в труде, вся жизнь которых — героизм.

Эту силу народа всегда ощущал Ватутин в своем родном селе и во всей стране своей. К этой силе он обращался сейчас, когда беседовал с земляками, и несколькими неделями раньше, когда писал свою листовку «К советскому населению временно оккупированных немцами областей»:

«Дорогие товарищи! Наши отцы, матери, братья и сестры! Для фашистских гадов наступил час расплаты.

Красная Армия бьет и гонит немцев на Дону, на Северном Кавказе и на Центральном фронте.

Бандитская армия Гитлера трещит по всем швам... Красная Армия успешно очищает советскую землю от фашистских захватчиков. На юге наши войска подходят к Донбассу. 14 февраля взяты Ворошиловград, Ростов и 16 февраля — Харьков. 18 января части Красной Армии прорвали блокаду Ленинграда... Теперь час вашего освобождения близок. Ждите прихода вашей родной

Красной Армии и всеми средствами помогайте ей в борьбе против гитлеровцев. Не давайте немцам увозить хлеб и угонять скот. Разрушайте мосты и дороги, по которым будут удирать немцы. Поджигайте немецкие склады с боеприпасами и продовольствием. Помогайте партизанам громить фашистских разбойников.

Красная Армия наступает.

Она несет вам освобождение от тяжелой фашистской неволи. Она несет вам радостную и счастливую жизнь на родной земле».

* * *

Быстро пролетели часы беседы полководца с родными и односельчанами.

Наступил момент, когда надо было ехать в штаб фронта.

Ватутин вышел из хаты вместе с матерью, сопровождаемый всеми гостями. Во дворе и на улице его ждали, чтобы проводить, все жители села. Наступила такая тишина, что слышно было, как ветер свистел в антенне радиостанции.

Масса народа плотно сдвинулась, окружив у машины генерала и его мать.

В этой тишине Вера Ефимовна, с новой болью почувствовавшая, что опять уходит в бой ее сын, всхлипнула.

Говорила извечное материнское:

— Хотя бы еще разок тебя увидеть, а там и помереть можно.

Генерал, бодрый, жизнерадостный, отшучивался:

— Незачем вам умирать, мама... Вот кончим войну, приеду к вам, тогда и отдохну.

Полководец прощался с матерью, с сестрами, с односельчанами, обещал им приехать в Чепухино после войны.

В эти минуты Ватутин верил, что приедет сюда, когда воцарится тишина на берегах Полатовки, над меловыми горами, над старыми дубовыми лесами, над краем, который видел набеги и татар и ногайцев, который дважды испытал нашествие армий германских империалистов. И который навеки отныне обрел тишину.

Бронетранспортер помчал Ватутина в штаб фронта — полководца ждала Курская битва.

Перед битвой на Курской дуге

Каждое сражение предъявляло Ватутину новые требования. Но были битвы, которые определяли собой целые этапы борьбы и явились историческими вехами Великой Отечественной войны. Эти битвы особенно требовали проявления разума, воли, таланта полководца.

В грандиозной битве под Курском, так же как под Сталинградом, проявилось выдающееся полководческое дарование Ватутина.

Значение битвы на Курской дуге определяется прежде всего стратегической обстановкой, сложившейся в результате победы советских войск под Сталинградом и зимнего наступления Советской Армии в 1943 году, когда немецко-фашистская армия была отброшена на сотни километров на запад.

Битва под Сталинградом, а также последовавшие за ней зимние бои подорвали силы гитлеровской армии. *«Из этого, однако, не следует, — писал И. В. Сталин в приказе № 95 после Сталинградской битвы, — что с гитлеровской армией покончено и Кроеной Армии остаётся лишь преследовать её до западных границ нашей страны. Думать так — значит предаться неумному и вредному самообольщению. Думать так — значит переоценить свои силы, недооценить силы противника и впасть в авантюризм. Враг потерпел поражение, но он ещё не побеждён. Немецко-фашистская армия переживает кризис ввиду полученных от Красной Армии ударов, но это ещё не значит, что она не может оправиться. Борьба с немецкими захватчиками ещё не кончена, — она только развёртывается и разгорается»*^[7].

Угроза катастрофы заставила гитлеровцев тотальной мобилизацией миллионов немцев пополнить потрепанные войска и сформировать десятки новых дивизии. Вся промышленность Германии и оккупированной Гитлером Европы работала на германскую армию, при этом гитлеровцы стремились к тому, чтобы их вооружение превзошло боевую технику Советской Армии.

Если осенью 1941 года под Тулой Гудериан пытался объяснить свое поражение тем, что немецкие танки по качеству уступают советским, то накануне битвы под Курском Гудериан, назначенный Гитлером генерал-инспектором танковых войск, делал все, что только мог, чтобы конструируемые еще с весны 1942 года фирмой Крупна танки типа «Т-VI» — «тигр» и «Т-V» — «пантера» превосходили советские по броне, вооружению и оптике.

Это были напрасные потуги, потому что танк «Т-34», также модернизировался, и против «тигров» и «пантер» встали наши новые орудия. Когда же на поля сражений вышел могучий красавец танк «ИС», участь фашистских танков была решена.

Но перед битвой на Курской дуге танковые войска гитлеровской армии были еще очень сильны. К середине войны фашистская армия получала более 20 000 танков в год (оснащение ста танковых дивизий). На укомплектованные «тиграми» и «пантерами» дивизии, особенно дивизии СС, Гитлер делал свою главную ставку.

Одновременно увеличивалась пробивная сила снаряда полевых орудий, улучшались баллистические качества противотанковых орудий. В это же время появилось самоходное орудие «фердинанд» и было изобретено сильное противотанковое оружие ближнего боя — фауст-патрон. Непрерывно модернизировались самолеты.

И по-прежнему надо всем господствовала стратегия наступления: как ни опасно было для Гитлера наступление, но переход к стратегии обороны был для него еще страшней.

К этому времени Япония, Испания, Турция и черные силы в Америке, Англии в страхе перед побеждающей Советской Армией значительно увеличили свою помощь Гитлеру, а задержав открытие второго фронта, американские и английские империалисты полностью развязали Гитлеру руки.

В этих условиях Советский Союз по-прежнему стоял один на один против фашистской Германии и подвластных ей государств, против агрессивных сил всего мира.

* * *

На этот раз ареной величайшего столкновения должна была стать Курская дуга и прилегающие к ней орловский и белгородско-харьковский плацдармы. Это произошло потому, что на исходе зимней кампании 1942/43 года здесь сосредоточились сильнейшие группировки войск, а фронт под Орлом, Курском и Харьковом принял своеобразное начертание, во многом предопределившее дальнейшие боевые действия.

Под Орлом фронт выдавался дугой на восток, здесь образовался так называемый орловский плацдарм, с которого противнику было выгодно наступать на Москву с юга. Гитлеровская пропаганда называла плацдарм «пистолетом, направленным в грудь Москвы».

С белгородско-харьковского плацдарма также открывались оперативно-стратегические направления для ударов на восток и северо-восток в сторону Москвы. Этот плацдарм запирал пути на юг и юго-запад и являлся, по мнению все той же пристрастной к лихим ярлыкам фашистской пропаганды, «бастионом Германии на Украине».

Между этими двумя плацдармами резко выдавалась на запад Курская дуга. Отсюда для советских войск открывалась возможность нанести фланговые удары на север — по орловскому плацдарму — и на юг — по белгородско-харьковскому плацдарму. Но в то же время Курская дуга была уязвима с флангов.

Казалось, что наступлением от Орла на Курск и от Белгорода на Курск можно отсечь всю Курскую дугу с находившимися на ней войсками двух фронтов: Центрального под командованием генерала Рокоссовского и Воронежского под командованием генерала Ватутина. Полагая, что начертание Курской

дуги дает возможность применить «Канны», германский генеральный штаб подвел на этот участок фронта свои основные, наиболее боеспособные войска.

Если в 1941 году германская армия наступала на огромном фронте от Белого до Черного моря и, продвинувшись на сотни километров, вышла к подступам

Москвы и Ленинграда, а в 1942 году, наступая на юго-западном направлении, прошла 500 километров и достигла Сталинграда и Кавказа, то летом 1943 года гитлеровцы намеревались наступать на фронте протяжением лишь в десятки километров силами более мощными, более оснащенными, чем в 1941-1942 годах.

Отрезав два фронта и объединив свои орловский и белгородско-харьковский плацдармы, гитлеровское командование рассчитывало открыть себе пути на восток, к Москве. Оно заблаговременно строило у Брянска концлагерь для русских военнопленных, планировало подачу железнодорожных эшелонов для вывоза их, обещало своим войскам миллион русских солдат в «мешке» под Курском.

Ставка Верховного Главнокомандования Советской Армии разработала оперативно-стратегический план, который предусматривал готовность советских войск на Курской дуге к жесткой обороне с последующим переходом в контрнаступление.

Сочетание обороны с контрнаступлением уже было победоносно применено советским командованием в 1941 году в битве за Москву и вторично принесло победу под Сталинградом. Но в 1943 году на Курской дуге этот способ был использован в отличных от прошлого условиях.

В 1941-1942 годах инициатива наступления принадлежала до известной поры гитлеровцам, и Ставка Верховного Главнокомандования, считаясь с преимуществом противника в количестве войск и в

технике, вела активную стратегическую оборону. Затем инициатива действий была вырвана у фашистского командования, и летом 1943 года Ставка имела возможность упредить противника. Однако она дала возможность противнику начать боевые действия, глубоко уверенная в возможности создания мощной обороны, в победоносной силе, которую таит сочетание обороны с контрнаступлением.

Так, Александр Невский, зная, что центр боевого порядка его войск выдержит сокрушительный удар войск, построенных таранящим клином, отдал инициативу наступления на Чудском озере немецким псам-рыцарям. Так, полководец Кутузов, осуществляя свою знаменитую стратегию обороны и контрнаступления, шел на Бородинское сражение, глубоко уверенный в стойкости русских солдат.

Здесь надо отметить, что Ватутин предлагал свой план, о котором писал впоследствии Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

«Предложение командующего Воронежским фронтом сводилось к тому, чтобы во взаимодействии с войсками Степного фронта, ударом на Белгород, Харьков упредить наступление противника и сорвать его сосредоточение.

Это предложение было отклонено Ставкой».

Ставка приказала встретить удар противника хорошо организованной обороной, измотать его при попытках прорыва и только после этого немедленно перейти в контрнаступление и добить основные силы врага.

Предложение Ватутина было для него не случайным — оно характеризовало его полководческое творчество и в то же время показывало, что Ватутин еще продолжает проходить школу советского полководческого искусства, в которой обязательно умение применять все формы борьбы.

Это не значит, что Ватутин не знал или не умел применять оборону. Он стремился всегда к наступлению не только потому, что в этом сказывался активный характер молодого генерала, а и потому, что верил в огромные силы советских войск в наступлении, потому, что знал, что для этого в стране есть огромные возможности. Стремление к наступлению отражает ту силу страны, которую ощущают наши генералы, планируя свои действия.

Верховное Главнокомандование Советской Армии учило наш генералитет решительному наступлению и активной обороне, но требовало экономить силы, учило побеждать малой кровью, и Ватутин продолжал проходить эту школу. Под руководством представителей Ставки продолжалось становление его как полководца.

Несокрушимая оборона — первое слагаемое стратегического способа борьбы, сочетающего оборону с контрнаступлением.

Сделать оборону непробиваемой обязан был на южном и юго-западном фасе Курской дуги Ватутин, а на северном и северо-западном фасе — Рокоссовский.

Ставка Верховного Главнокомандования предоставила им для этого все возможности. Титанические усилия советского народа обеспечивали победу Советской Армии.

На Воронежский и Центральный фронты прибыло сильнейшее пополнение, поступила боевая техника. Близ Курской дуги расположились могучие резервы Ставки, готовые решительно и быстро поддержать действия обоих фронтов.

Ватутину и Рокоссовскому были указаны вероятные направления главных ударов противника.

Боевая страда для Ватутина началась задолго до того, как раздались первые выстрелы сражения, —

командующий фронтом выигрывает сражение в значительной степени еще во время подготовки к нему.

Ответственность командующего Воронежским фронтом была велика. Располагаясь по дуге Курского выступа, соединения фронтов своими тылами сходились в центре. Армии, обращенные фронтом на запад, прикрывали тылы армий, оборонявшихся фронтом на юг, и наоборот. Такое расположение было чревато тем, что прорыв гитлеровцев на участке фронта одного соединения выводил их в тыл другим соединениям, а если бы противнику удалось выйти на тылы Воронежского фронта, он одновременно оказался бы в тылу у Центрального фронта. Против войск фронта гитлеровское командование сосредоточивало наибольшее количество сил, в том числе танковый корпус СС. В район Харькова продолжали прибывать все новые эшелоны танков, орудий, горючего. Отборные гитлеровские дивизии, потрепанные еще ранней весной, были отведены в тыл, доукомплектованы и теперь снова выдвигались к линии фронта

Как исследователь-палеонтолог по найденной кости, по отпечаткам в земле определяет строение скелета неизвестного животного, так Ватутин по разным отрывочным сообщениям, по замеченным деталям, по скудным показаниям пленных стремился проникнуть в конкретные планы фельдмаршала Манштейна. С учетом вероятных направлений главных ударов противника Ватутин расположил и свои фронтовые резервы.

Против танковых дивизий СС на возможном направлении их удара были поставлены дивизии, участвовавшие в Сталинградской битве, и разместились артиллерия большой мощности.

Уже эта группировка сил лишала противника шансов на быстрый прорыв обороны.

Правильно расположив силы, Ватутин всемерно укреплял их взаимодействие.

Очень тщательно занимался Ватутин укреплением местности. В течение апреля — июня на всей глубине обороны были построены рубежи: отрыты окопы общим протяжением в сотни километров; противотанковые рвы и сплошные минные поля преградили танкоопасные направления

От вопросов подготовки оперативной обороны целых соединений Ватутин шел к вопросам обороны самых мелких тактических подразделений: он интересовался и тем, как расположена дивизия и как установлено орудие.

Ватутин смотрел на подступы к обороне с огневых точек передовых подразделений глазами командующего фронтом и глазами опытного пулеметчика, знающего, куда ляжет каждая пуля.

Он допытывался у солдат, у офицеров, как каждый из них будет действовать в обороне, и спрашиваемый чувствовал, что нельзя ошибаться перед командующим фронтом, который хорошо знает применение каждого рода оружия, не потерпит немогузнайства и не простит обмана.

Офицеры говорили, что самое трудное для них — устоять под натиском вопросов Ватутина, а устояв, можно было быть уверенным, что устоишь и под натиском противника.

На подступах к обороне не осталось ни одного клочка непростреливаемой земли не только на главных направлениях, но и на всем протяжении Курской дуги.

Командиры соединений и частей обошли на танкоопасных направлениях все огневые точки. Они прошли, вернее проползли, к боевым охранениям и там проверили, как понимают свои задачи бойцы, командиры взводов, рот, как они оценивают обстановку

Представитель Ставки маршал Василевский лично проверил всю подготовку фронта к обороне, установил, точно ли соответствует положение войск и огневых средств на картах тому, что есть на местности, на переднем крае.

Еще никогда не было более научно подготовленной и точно организованной обороны.

Все, от бойца до командующего фронтом и представителя Ставки, не жалея труда, не щадя жизни, укрепляли оборону.

На примере организации обороны на Курской дуге, как и на множестве других примеров, стала особенно ясна принципиальная разница в ведении военных действий Советской Армией и армией любого буржуазного государства как в прошлом, так и в настоящем. Там — между истинным положением вещей и их отражением не только в высших, но и в низших штабах пагубная для войск, для победы диспропорция; в Советской Армии — предельно точное, насколько возможна точность на войне, совпадение, обеспечивающее руководству правильное принятие решений и управление войсками в бою.

Лев Толстой убедительно показал, как на поле боя происходит совсем не то, что представляют себе в штабе, — элемент времени, пространства, погода, а главное — противник, тысячи закономерных на войне случайностей вносят изменения в положение на поле боя.

И впервые в истории военного искусства совершенно иные законы ведения боевых действий и небывалые в истории армий люди — солдаты и военачальники определили положение, при котором высшее командование доподлинно знает, что творится на поле боя, смотрит на поле боя глазами стратега и глазами солдата.

Беспримерное в истории единство солдата и командования определило и единство оперативно-тактических решений и действий.

* * *

Строя и укрепляя оборону, Ватутин одновременно учил войска — готовил их к предстоявшему сражению.

Учились на фронте все. Ватутин собирал командармов, комдивов, командиров полков, разрабатывал с ними важнейшие вопросы вождения войск, обсуждал возможные варианты боевых действий. Войска учились искусству победы на самом поле сражения. На этих учениях Ватутин сближал командиров всех родов войск, добивался того, чтобы там, где не мог обрушить бомбу самолет, ударило орудие, туда, куда не попал снаряд, попала мина, пуля, вонзился штык. Он не только отдавал приказы и директивы, но и, показывая пример, требовал от командармов, чтобы они прислушивались к мнению комдивов, а те — к мнению командиров полков, батальонов. При этом Ватутина интересовало не только, как понимали подчиненные задачу, но и то, что они сами предлагали для укрепления обороны. Этот стиль работы командующий фронтом перенес в войска, помня, как интересовались его мнением и как учитывали его предложения в Ставке.

Партийный стиль взаимоотношений начальников с подчиненными поднимал и укреплял авторитет Ватутина, будил, вызывал к действию творческие силы командиров.

Его органическое стремление как можно лучше объяснить задачу, помочь подчиненным, имея всегда в виду их собственное мнение, снискало командующему фронтом всеобщее уважение и симпатию.

В то же время пожелания Ватутина принимались генералами, как приказы, за точность исполнения которых надо отвечать головой и воинской честью

перед Ватутиным, перед товарищами по оружию, перед солдатами, перед партией.

Перед Ватутиным были генералы и офицеры — люди могучих характеров, воли и разума, и для того чтобы руководить такими командирами, от командующего фронтом требовались еще более сильная воля, огромная военная эрудиция, личный авторитет; в то же время ими было легко руководить — это были уже испытанные военачальники, прошедшие школу Сталинградской битвы, хорошо знавшие свои войска и уверенные в их стойкости, умело направлявшие работу своих штабов.

Лично занимаясь обучением войск, Ватутин чувствовал себя в родной стихии. Он резко повысил требования к огневому делу, добивался, чтобы каждый наводчик и стрелок был готов к огневым дуэлям с врагом, где верный выстрел — победа, а промах — смерть. Все готовились к отражению танковых атак. В основу боевой подготовки легли новые уставы, разработанные во время войны и отражающие боевой опыт советских войск.

Необходимость учебы была особенно важна потому, что в войска фронта широко вливалось пополнение молодежи, еще не участвовавшей в войне. Эта молодежь равнялась на старших товарищей, группировалась вокруг героев Сталинграда, и те вели ее за собой. Ветераны войны, видевшие своими глазами разгром гитлеровских полчищ под Сталинградом, принесли с собой к Курску глубокую уверенность в окончательной гибели фашистской армии. И эта вера героев Сталинграда в свои силы, в победу передавалась молодым бойцам. Но Ватутин предупреждал некоторых командиров против зазнайства и пренебрежительного отношения к противнику.

Политические работники, укрепляя традиции сталинградцев, раскрывали значение сталинградской

победы, показывали, что она потребовала напряжения сил всех родов войск, что она — результат усилий всей Советской Армии, а не той или иной дивизии, той или иной армии, сражавшейся под Сталинградом.

Ватутин резко осуждал недооценку танков противника, предупреждал, что удар танковых дивизий неприятеля будет опасен, объяснял, что наш советский пехотинец бесстрашен в бою и что надо его вооружить так, чтобы он уверенно вступал в единоборство с «тигром» и «пантерой». Макеты «тигров» стояли в тылу полков, и солдаты изучали их уязвимые места. На пехоту бросались в «атаки» наши танки, а пехота «подрывала» их гранатами.

Ватутин добивался, чтобы солдат ясно представлял себе:

«Да, танк идет на мой окоп, но я подорву его противотанковой гранатой, а если не удастся, отбегу по траншее или присяду; танк пройдет надо мной, но я не задохнусь, не погибну в хорошо отрытом окопе, а потом распрямлюсь и вслед танку брошу вторую гранату. Если же я испугаюсь, выбегу из окопа, танк уничтожит меня».

Показывая пример всем командирам и солдатам, Ватутин становился рядом с новичком в окоп, на который тихо шел одиночный танк. Вначале именно одиночный и на тихом ходу, потому что известно, какое устрашающее впечатление производит лавина танков, мчащихся на людей (если это даже свои танки), как грозен рев моторов и грохот гусениц, какими убийственными кажутся сверкающие на солнце гусеницы, подминающие землю, срывающие своими траками ее верхний покров, отбрасывающие назад щебень, комья, траву, как смертоносно выглядят нацеленные на человека орудия и пулеметы, каким маленьким, слабым кажется сам себе новичок, видящий

литую массивную грудь танка, весь его окутанный дымом и пылью корпус.

Но Ватутин знал, как происходит в человеке перелом, когда, сжавшись, но преодолев страх, он пропускает над собой маслянистое брюхо танка, а после этого, ощутив себя живым, швыряет гранату, знал, какая громадная сила пробуждается в человеке, победившем в единоборстве тяжелый танк.

...Медленно, неотразимо шел танк на окоп, в котором стоял Ватутин. Командующий спокойно присел в окопе рядом с молоденьким солдатом, а когда танк проревел, проскрежетал над их головами, Ватутин распрямился и спокойно подал команду.

Страхивая с фуражки комья земли, улыбаясь, глядел генерал, как побледневший солдат решительно швырнул гранату.

А потом танк мчался к окопу на предельной скорости. Потом на роты, батальоны устремились лавины танков. Но молодым солдатам они были уже не страшны.

Солдат не боялся их потому, что был бесстрашен по своей природе, был обучен и рядом с собой всегда видел не только командира батальона и бригады, но и командиров соединений, и командующего фронтом Ватутина, и представителей Ставки Жукова и Василевского.

Генералы учили солдата ценить траншею, которая укрывает бойца от пуль, снарядов, авиабомб и танков. В тылу своих позиций войска совершали марши, преодолевали штурмовые городки, занимались физической подготовкой.

Ватутин, бывая на тактических учениях, добивался, чтобы каждый боец мог заменить другого, чтобы каждый человек в войсках стал на ступень выше и в бою мог заменить старшего: солдат — сержанта, сержант — старшину, старшина — лейтенанта, и чтобы

части, подразделения, вплоть до взвода и отделения, до каждого солдата, могли вести бой самостоятельно.

Училась пехота, училась артиллерия. Войска поняли, что сила обороны в ее способности отразить атаки танков. Представитель Ставки предупредил, что вопрос противотанковой обороны — главный в предстоящей битве, и артиллеристы не жалели сил, чтобы выполнить указания представителя Ставки. Им было нелегко организовать обучение, потому что артиллерийские стрельбы требуют специальных больших полигонов; подготовка артиллериста сложнее, чем подготовка пехотинца. И все же в тылу Воронежского фронта были созданы полигоны, на которых артиллеристы учились метко стрелять из орудий и минометов всех калибров.

Ватутин проверял не только меткость огня, но сколько и каких снарядов, особенно бронебойных, имеется на каждое орудие; требовал, чтобы артиллерия вела огонь даже тогда, когда танки противника подходят вплотную, и тогда, когда они вклиниваются в оборону. Командующий определял вместе с артиллеристами, каких и сколько орудий куда поставить, а для этого он должен был представить себе количество танков противника, которое тот сможет бросить на каждом направлении, то есть продумать возможные действия не только своих войск, но и танковых дивизий Манштейна.

По приказу Ватутина все танковые экипажи прошли пешком по всем направлениям возможных контратак.

Каждый танкист изучил местность на своем боевом курсе: механик-водитель осмотрел подъемы, канавы, обрывы, болота, запомнил ориентиры; башенный стрелок и радист-пулеметчик прикинули и измерили дистанции до возможных целей; командир танка определил видимость, ориентиры, возможные укрытия; командиры подразделений и частей установили, как

они развернут свои боевые порядки и где нанесут удар по врагу.

Солдаты шли по предстоящему боевому курсу. Перед ними на десятки километров расстилалась равнина, края ее сливались с линией горизонта, растворялись в дымчатой дали; неохватным куполом голубело небо, и ощущение безграничного простора и тишины овладевало каждым человеком, стоявшим на курской земле.

Иногда на далеком небосклоне проплывал самолет и чертил незримую кривую там, где казалось, небо опирается на землю, и тогда еще явственней становилось, как далеко протянулись поля -предстоящей битвы. В небе светило солнце, навстречу самолету плыли облака, они отражались легкими тенями на земле, и тени, как живые, скользили по полям.

Высокая рожь кланялась ветрам, колыхалась подобно легким морским волнам, ее палевый ковер был раскрашен буйным разноцветьем ромашек и васильков. Играя с солнцем, поблескивали воды реки Псёл, текущие среди желтых берегов.

Но местность только казалась равниной человеку, который просто любовался пейзажем. Эта же местность не была равниной для солдата, которому предстояло ползти по ней на животе, совершать перебежки, катить на руках орудие, вести танк. Солдат видел высоты, на которые будет невыносимо трудно взобраться во время атаки, видел ровные, сухие плато и топкие низины.

Но знал солдат, что широкую дорогу на Курск, по которой враг собирался ринуться к Москве, он обязан преградить.

И обманчиво было безлюдье, неправдоподобна тишина. В замаскированных окопах и землянках жили тысячи людей, в балках стояли танки и орудия, небольшие гряды кустов и узких перелесков скрывали

палатки медсанбатов, в скаты высот зарылись блиндажи штабов, пункты боепитания, а на вершинах небольших холмов у старых ветряных мельниц, неотрывно глядя в совершеннейшую оптику, таились наблюдатели.

Тишину будили лишь посвист птиц, водивших поднявшихся птенцов, да неумолчный треск кузнечиков. Щедрое лето не пожалело ярких красок, звуков, чудесных ароматов.

Солдаты знали, что на этих полях и ковровых лугах скоро будет рваться сталь машин, и они учились ходить по боевому курсу, чтобы эту цветущую землю прикрыть и отстоять.

Член военного совета

К этому времени относится совместная боевая деятельность Ватутина и Никиты Сергеевича Хрущева, который был членом Военного Совета Воронежского, а затем 1-го Украинского фронтов.

Чтобы понять значение работы товарища Хрущева, являвшегося не только членом Военного Совета, но и членом Политбюро Центрального Комитета партии, уяснить его роль как представителя партии и государства, его влияние на Ватутина, надо уяснить себе отношение Коммунистической партии к военному делу, ее роль в организации обороны СССР.

Изучая решения партии, высказывания ее вождей, руководителей Советской Армии, можно проследить, как глубоко и всесторонне занималась партия военным делом, как неизменно преемственна руководящая роль Центрального Комитета партии на всех этапах ее борьбы — от первых схваток пролетариата с царизмом до разгрома гитлеровского нашествия и организации обороны СССР после Великой Отечественной войны.

Историческое значение военного дела определил В. И. Ленин.

«Возьмите военное дело, — писал Владимир Ильич в 1905 году. — Ни один социал-демократ, знакомый хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений»^[8].

Оценивая роль партии в гражданской войне, В. И. Ленин в отчетном докладе IX съезду партии говорил: «И

только благодаря тому, что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи, и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены, — только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двухкратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить»^[9].

В дни Великой Отечественной войны «партия выступила как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков, — говорится в тезисах Отдела пропаганды и агитации Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК КПСС «Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза (1903–1953)» — Своей организаторской работой партия направила к общей цели все усилия советских людей, подчинила все силы и средства страны делу разгрома врага. Партия мобилизовала рабочий класс, крестьянство, интеллигенцию на самоотверженное преодоление трудностей, организовала мощный трудовой подъём, поставила народное хозяйство на службу фронту, превратила страну в единый боевой лагерь»^[10].

Постоянная закономерность руководства партии проявляется с первых лет ее существования в том, что партия посылает своих лучших представителей на решающие направления вооруженной борьбы, которую ведет народ.

По этой непреложной в истории партии закономерности секретарь Центрального Комитета партии, член Государственного Комитета Обороны Г. М. Маленков находился в Сталинграде в самые критические дни его обороны, мобилизовывал и направлял силы на защиту города, на отражение гитлеровских полчищ.

По этой же закономерности членами Военных Советов важнейших фронтов были товарищи Булганин, Жданов, Каганович.

И по этой закономерности Н. С. Хрущев, будучи секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Украины, глубоко вникал в жизнь Киевского военного округа, помогал его командованию и с первых дней войны стал членом Военного Совета Юго-Западного направления.

* * *

Для Ватутина работа в штабе Киевского военного округа под непосредственным руководством товарища Хрущева была одновременно партийной школой. Он учился у Хрущева партийному подходу ко всем жизненным явлениям, учился беззаветно выполнять указания Центрального Комитета нашей партии, указания правительства.

В борьбе с последствиями преступной деятельности разоблаченной троцкистско-бухаринской банды шпионов, вредителей и изменников Родины, а также в ходе освобождения Западной Украины от польских панов войсками Киевского военного округа раскрывался Ватутин, и Н. С. Хрущев по достоинству оценил его глубокую партийность и работу до самозабвения.

Деятельность Ватутина в этот период обогащала его как военачальника, закаляла как коммуниста. Он принимал активное участие в общественной и политической жизни Украины.

Ватутин всегда уважал Н. С. Хрущева, а теперь его уважение к нему стало еще более глубоким.

Ватутин знал, что с первыми выстрелами войны Хрущев уже был на западной границе в районе Львова. Он представлял себе, как много сил вложил Хрущев в организацию первого контрудара по врагу у Ростова, контрудара, приведшего к освобождению Ростова и давшего возможность нашим войскам отбросить гитлеровцев на запад, что вынес товарищ Хрущев с первого до последнего дня обороны Сталинграда, будучи членом Военного Совета Сталинградского фронта.

И Ватутин понимал, что переживает Хрущев сейчас, стоя у границы Украины, еще стонущей под

гитлеровским игом, зная, что партия и правительство требуют не только быстрейшего освобождения всей Украины, спасения украинского народа от гибели, но и возрождения хозяйства, восстановления нормальных условий жизни советских людей.

Уже были приняты решения партии о помощи районам, освобожденным от оккупации, уже работники Совета Народных Комиссаров и Центрального Комитета Коммунистической партии УССР собрались в штаб фронта, чтобы с первого часа освобождения украинских земель выполнять решения партии.

В то же время было известно, что на Украину приехал отъявленный гитлеровец Заукель и что он вывозит все работоспособное украинское население в Германию на фашистскую каторгу. Было известно, что на Украине орудует Гиммлер, уничтожая детей, женщин, стариков и выполняя директиву Гитлера «сожженная земля», что эсесовцы оставляют после себя пепел сел, руины городов, отравленные колодцы.

Две силы — с одной стороны, силы мрака, ненависти, истребления народа, с другой — силы великой любви к народу, силы его спасения — стояли, разделенные линией фронта.

Сознание того, что он, Ватутин, возглавляет сил спасения и должен выполнить требование стратегии: участвовать в разгроме врага в решающих сражениях лета 1943 года, спасти украинских людей от гибели и фашистского рабства, волновало душу командующего Воронежским фронтом. И то, что в этом благородном деле ему будет помогать член Политбюро ЦК Коммунистической партии Н. С. Хрущев, что вместе с ним Ватутин будет решать важнейшие оперативно-тактические вопросы, радовало командующего фронтом, придавало ему еще большую уверенность в успехе.

Ватутин всегда верно представлял себе роль члена Военного Совета, и у него с членами Военных Советов всегда было и четкое разделение функций и полное единство действий. Ватутин понимал, что наряду с ним Хрущев отвечает за операции фронта как член Военного Совета и вместе с тем как член Политбюро ЦК нашей партии он несет особенную и еще более высокую ответственность перед партией и народом

* * *

Творческому содружеству генералов, командовавших войсками, с генералами — политическими работниками будут посвящены яркие страницы истории Великой Отечественной войны, но значение этого содружества не всегда понимают читатели за рубежом, тем более, что буржуазные военные теоретики, фальсифицирующие историю Советской Армии, искажают и роль члена Военного Совета.

Военные теоретики, генералы любой армии капиталистического государства никогда не поймут мыслей советского генерала, никогда не смогут себе представить, почему генерал армии Ватутин, командовавший одним из важнейших фронтов, окончивший две военные академии, уже прославившийся в Сталинградской битве, с радостью принимал советы и помощь члена Военного Совета.

Генералам армии капиталистических стран не дано этого понять, потому что для них непостижима сама природа Советской Армии, потому что вся история всех армий не имела таких генералов, какими являются партийные работники — члены Военных Советов.

Буржуазные военные теоретики, может быть, и учитывают, что современный полководец прежде всего организатор высшего типа, но им, конечно, не дано понять, что генералы, политические работники Советской Армии, воспитанные советской школой государственной деятельности на гигантском строительстве социалистического хозяйства, и являются именно такими организаторами, которым по плечу вопросы стратегии и оперативного искусства. Таких организаторов нет ни в одном капиталистическом

государстве и не может быть ни в одной империалистической армии. Буржуазные военные теоретики не понимают, что вождение миллионных армий в современной войне требует от полководца качества вожака масс и что эти качества есть у советских генералов, прошедших под руководством Центрального Комитета партии великую школу классовой борьбы, , решавших в этой борьбе задачи завоевания власти, перестройки общества, — задачи, которые по своему характеру, масштабу и трудностям не мыслились никакому фельдмаршалу на протяжении всей военной истории.

* * *

Но не только опыт политической, классовой борьбы, который так ценен для полководца, помогал нашим генералам-политработникам. Им помогало умение проникать в специфическую сущность военного дела, в оперативно-тактическое искусство. Это объясняется партийным подходом наших генералов к военной науке, их личным боевым опытом и пониманием военного искусства, которое они обрели в ходе войны.

Военное искусство не является искусством за семью печатями, оно доступно не только военным профессионалам.

Несомненно, что полководец обязан иметь глубокие знания военной науки, должен иметь военное дарование и быть профессионалом военного дела. Но марксистский метод оценки явлений войны, опыт партийной работы вооружали и генерала-политработника, для которого военное дело не было профессией, умением верно оценивать обстановку на фронте.

Незнание страха и беспощадность в борьбе с врагами, готовность принять на себя всю ответственность за решение, трезвость мышления, способность глубоко анализировать обстановку, находить в ней главное, конкретность директив, умение видеть, как их осуществит исполнитель-солдат, способность смотреть правде в глаза при неудаче, неусыпная бдительность, борьба с беспечностью и ротозейством, чувство нового — все это основа партийной работы и это же основа подлинного искусства вождения войск.

И все это помогает, когда дело идет о таких сугубо военных вопросах, как оценка сил противника,

принятие решения, куда, как и какими силами нанести удар. Ибо за этими решениями, за картами и схемами стоит реальная, а не условная и нередко уставами не предусмотренная обстановка, видны силы врага, не преувеличенные и не преуменьшенные, а осуществляют решения люди, разные по своим личным качествам.

Далее, проникновение в военное искусство — это прежде всего проникновение в конкретную суть боя и в поведение человека в бою.

Благодаря своему партийному опыту и чутью Н. С. Хрущев понимал, на что способен солдат, офицер или генерал в том или ином бою и как лучше помочь советскому человеку осуществить свое стремление победить врага. И член Военного Совета стремился мобилизовать всю боевую технику на помощь солдату. Он требовал от командиров и политработников особенно чуткого и внимательного отношения к солдату. Органическое, реальное понимание жизни обеспечивало Н. С. Хрущеву и проникновение в военное искусство. Партийный подход товарища Хрущева ко всякому делу и блестящие качества Ватутина-полководца дали то боевое творческое содружество командующего фронтом и члена Военного Совета, которого требовала партия.

* * *

И еще одну сторону полководческого искусства постиг Ватутин. Эта сторона сближала его с Н. С. Хрущевым, придавала влиянию члена Военного Совета особую силу и характеризовала самого Ватутина как генерала-коммуниста.

Стало истиной, что Великую Отечественную войну ведет не только армия, но весь народ и оборону страны организует правительство. Это выражает характер Советского государства и характер и масштаб современной стратегии, определяет действия фронтов и каждого командующего.

Ватутин хорошо знал, что и в прошлых войнах, которые вели Суворов, Кутузов, суть полководческого искусства заключалась не только в том, чтобы правильно оценить намерения и силы противника, его позицию и верно решить, как нанести удары — правым флангом или левым, или центром, пехотой или кавалерией; и тогда вопросы использования сил страны определяли возможности полководческого искусства. Но если в ту эпоху Суворов в Италии был предоставлен самому себе, а Кутузов у Бородина и Тарутина решал все самостоятельно, то характер современных операций, их взаимосвязь, их зависимость от резервов страны таковы, что действия фронтов планирует и ими руководит Ставка.

Давний закон войны — действуй в интересах высшего соединения — приобрел остроту, какой он никогда не имел.

Ватутин видел, что фронтовая операция планируется Ставкой с учетом сил и возможностей не только данного фронта, а и с учетом резервов страны, с учетом возможностей военной промышленности, видел,

как планирование Ставки и соответствующее снабжение обеспечивали продвижение вперед войск того или иного фронта.

Ватутин не раз испытывал, как в самые критические моменты борьбы ему приходило на помощь пополнение, которое посылал советский народ. Прибывали танки, орудия, самолеты, направленные Ставкой, — единая государственная стратегия, осуществляемая Ставкой Верховного Главнокомандования, определяла развитие событий на фронте.

При этом роль Ставки не сводилась только к планированию и общему руководству. Современные средства борьбы — стратегическая авиация, быстро подвижные наземные войска — давали возможность Ставке влиять на ход сражения, а современные средства связи позволяли ей ориентироваться в событиях, совершавшихся на поле боя, и немедленно на них реагировать, твердо ими управлять.

Ватутин видел, что все это по своим масштабам, по своему характеру, по организационным принципам соответствует тому же государственному руководству строительством, развитием культуры СССР, которое он постигал до войны. Именно руководство правительства и Центрального Комитета Коммунистической партии, обеспечивавшее мобилизацию всех сил страны, осуществлявшее единое плановое их применение в ходе социалистического строительства, теперь направляло ход войны.

Государственный подход к делу стал в народе законом жизни, вошел в плоть и кровь партийных руководителей, и в том и была их сила, что исходили они в своих решениях из интересов государства.

Ватутин ощущал, как положение Н. С. Хрущева, одного из руководителей партии, придает его решениям и действиям государственную широту и

уверенность и как глубоко проникнуты они чувством ответственности за народ, за государство.

И, воспринимая этот государственный подход, Ватутин продолжал проходить ту партийную школу, школу государственности, идеи которой Н. С. Хрущев, представитель партии и государства, осуществлял на фронте. Постигая силу партийного, государственного руководства, Ватутин не возвеличивал своих доблестей и таланта, заслуг своего фронта, а находил удовлетворение в признании их партией, ее Центральным Комитетом. Вместе с этим к Ватутину, молодому генералу, приходили качества государственного деятеля, те качества, без которых генерал не может успешно руководить войсковыми массами в современной войне.

Ватутин стремился всегда уяснить себе, чего требует от него Ставка, и с чувством величайшей ответственности выполнял эти требования.

* * *

Важнейшую роль в подготовке войск к сражению играл Н. С. Хрущев как руководитель большой, мощной организации коммунистов Воронежского фронта.

Каждая фронтовая операция всесторонне обеспечивалась партийно-политической работой, и не было такого плана политического обеспечения, над которым подолгу не склонялись бы утверждавшие его Н. С. Хрущев и Н. Ф. Ватутин.

Рассматривая и решая под руководством товарища Хрущева партийные вопросы, Ватутин воспитывался, рос как генерал — политический деятель, и это усиливало роль командующего фронтом.

Для Ватутина утверждение плана политического обеспечения операции, подготовленного Политическим управлением фронта, было не формальным исполнением обязанности. Он видел в работе фронтовых политорганов конкретное воплощение руководящей роли партии и поэтому придавал важнейшее значение плану партийно-политической работы. На Военном Совете обсуждались все разделы плана до мельчайших деталей, партийная работа органически связывалась с боевыми действиями войск.

Ватутин видел прежде всего живые силы коммунистов и комсомольцев, которых насчитывалось на Воронежском фронте не тысячи, даже не десятки, а сотни тысяч человек. И он ясно представлял себе, что значит, когда сотни тысяч самых смелых, самых преданных народу воинов по приказу командиров, по его, командующего фронтом, приказу первыми поднимутся в бой, увлекая за собой солдатские массы.

Ватутин правильно оценивал, что значит иметь в боевом порядке фронта, во всех его подразделениях,

партийные организации, готовые отвечать за каждого идущего в бой солдата, за свои подразделения, за весь фронт.

Он знал, что значит в трудную минуту боя, когда сражены командиры, призыв партийного вожака:

«Командование принимаю на себя. Вперед, коммунисты, за мной!»

Он знал, что тысячи самых боевых и опытных коммунистов будут собраны Политуправлением фронта на курсы партийных организаторов рот, батарей и что там же будут учиться их заместители.

Глядя на план, Ватутин хорошо представлял себе, как накануне битвы во всех без исключения подразделениях фронта соберутся коммунисты на собрания, чтобы обсудить вопрос о задачах коммунистов в бою и чтобы принять в ряды партии лучших бойцов. И он знал, что чем трудней и опасней становилась обстановка на фронте, тем сильнее было стремление беспартийных воинов в партию. Член Военного Совета гвардейского соединения генерал Попель докладывал Военному Совету, что в дни жесточайших боев в партию вступило в два раза больше гвардейцев, чем в дни затишья на фронте. Такие же донесения поступали из других соединений. И далее представлял себе Ватутин, как после боя снова соберутся на партсобрания коммунисты, чтобы обсудить итоги минувшего дня и свои новые боевые задачи.

Вечно живая, всегда действующая в борьбе, всегда вперед смотрящая и ведущая вперед вставала перед Ватутиным Коммунистическая партия, и один из мощных отрядов ее был решающей силой фронта, которым командовал он, Ватутин.

Сила командующего фронтом умножалась благодаря правильной расстановке на фронте партийных кадров, которую определяли Военный Совет

и политорганы фронта. Тысячи самых испытанных коммунистов переводились в роты первого эшелона, принимающего на себя первый удар врага, включались в штурмовые группы, в разведывательные подразделения, шли туда, где грозила наибольшая опасность, где особенно требовалось проявление инициативы и нужна была наибольшая самоотверженность.

Для Ватутина расстановка командных кадров была не только административной, но и партийной задачей, а политорганы распределяли партийные силы в зависимости от оперативно-тактических задач, которые решались соединениями фронта.

Перед Ватутиным и Хрущевым, перед штабами и политорганами были не только части с определенной нумерацией, ожидающие пополнения до штатной численности, а стоял человек, воин, которого надо направить в часть, учитывая его способности и оперативно-тактические задачи, которые предстоит решать.

Это относилось ко всем звеньям фронта, от низших до высших. И то, что Н. С. Хрущев помогал в расстановке Командных кадров, включая командующих соединениями, одаренных военачальников, людей с твердыми характерами и яркой индивидуальностью, укрепляло авторитет решений Ватутина.

Прочно связанный с войсками фронта линиями командования и штабов, Ватутин получал через политорганы еще одну надежную линию связи и очень ею дорожил. Он повседневно ощущал помощь политорганов в том, что они вместе со штабами проверяли боевую готовность войск, доводили до каждого бойца приказы командующего.

Ватутин ощущал, как в результате работы политорганов с самых низов идут к нему сведения о

состоянии войск, и глубочайшее знание положения в войсках помогало ему принимать верные решения.

Он видел, что к нему на фронт пришли массы людей, оставившие мирный труд, и что и для них боевая деятельность была служением Родине еще более самоотверженным, чем раньше. Ватутин убеждался, что солдаты, привыкшие к организованности, к партийному руководству, тянулись к коммунистам, а партийные работники, направлявшие мирную, трудовую деятельность этих людей, отлично их понимали, умели организовывать и вести за собой.

Многие из пришедших на фронт людей впервые взяли в руки оружие; сроки на обучение войск были короткие, военные профессии надо было осваивать быстро, бойцы должны были в ходе боев овладеть смежными военными специальностями, и все зависело от того, как они будут организованы и сплочены.

И здесь тысячи коммунистов помогали командирам учить солдат обороне и наступлению, борьбе с «тиграми».

Стрелковое дело, тактические занятия, овладение боевой техникой — все это были партийные вопросы, которыми жили коммунисты. Не было такого вопроса у солдата, будь то вопрос о тактике немецких танков или о международном положении, на который солдат не нашел бы ответа у коммунистов.

Перед битвой Политуправление собирало политработников всех родов войск, и с ними беседовали Н. С. Хрущев и Н. Ф. Ватутин. Политработники уходили в войска, вооруженные указаниями командующего фронтом и члена Военного Совета.

Тысячи коммунистов, агитаторов, чтецов газет, редакторов боевых листов разъясняли массам солдат приказы командования, рассказывали о положении на фронте,, в стране, во всем мире, были пропагандистами идей партии.

Месяц за месяцем, год за годом вели подчиненные Ватутину войска ожесточенную вооруженную борьбу с врагом, и месяц за месяцем, год за годом шла ожесточенная идеологическая борьба с врагом, особенно обостряющаяся на войне, перед лицом смерти. И, все глубже постигая силу политической пропаганды, командующий фронтом советовал, какие статьи печатать во фронтовой газете, продумывал, какие беседы лучше провести с солдатами, утверждал намеченные планом политобеспечения темы бесед: «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков», «О могуществе Советского государства», «Наш командир» — о лучших командирах подразделений, по которым надо равняться другим, о задаче освободить Советскую Украину, о славном украинском народе, освобождение которого из фашистской неволи стало делом жизни каждого советского воина...

* * *

Не только руководство политическим воспитанием воинов и помощь Н. С. Хрущева в решении оперативно-тактических вопросов, в расстановке командных кадров были важны и ценны для Ватутина, — неоценима была работа члена Военного Совета по организации и руководству тылом фронта.

Для политработников Советской Армии не было более важных обязанностей, чем политическое воспитание и забота об удовлетворении материально-бытовых нужд и культурных запросов солдат.

Известно, что успех в современной операции решается не только сражениями колоссальных войсковых масс, но и организацией труда десятков тысяч людей во фронтовом тылу, рациональным использованием тысяч и тысяч машин.

Современная война требует четкой организации снабжения, ремонта, восстановления, эвакуации, строительства путей, питания, обмундирования войск. Обеспечить все это — значит проявить черты организатора высшего типа, черты подлинного полководца. В современной операции военачальник не просто производит статистический подсчет того, что требуется армии, но и творит при этом так же, как при управлении сражением. Для советского генерала Ватутина было аксиомой, что, не обеспечив материально операции фронта, невозможно решать вопросы собственно вождения войск, что и то и другое — слагаемые полководческого искусства.

Партия всегда уделяла большое внимание вопросам тыла.

«Что такое армия без крепкого тыла? Ничто»^[11], — говорил И. В. Сталин в своей речи о трех особенностях

Красной Армии.

Это положение относилось к взаимосвязи армии с народом, характеризовало значение всей страны как тыла Вооруженных Сил, определяло стратегию нашей армии.

Докладывая ЦК партии о причинах падения Перми, И. В. Сталин и Ф. Э. Дзержинский как на одну из важнейших причин указывали на то, что тыл был совершенно не обеспечен.

Организованная работа путей сообщения, обеспечение армии обозами, питанием, обмундированием расцениваются в отчете Комиссии ЦК как необходимые условия боеспособности армии.

В своем приказе № 195 И. В. Сталин ставил в 1943 году Советской Армии задачи по разгрому гитлеровских полчищ и требовал «поднять работу войсковых тылов на уровень требований, предъявляемых современной войной, твёрдо помнить, что от полного и своевременного снабжения войск боеприпасами, снаряжением, продовольствием зависит исход боевых операций»^[12].

Члены Военных Советов, участвуя в решении всех оперативно-тактических вопросов, помогая в деле снабжения войск всем необходимым, облегчали командующим фронтами и армиями условия для полководческого творчества.

Хрущев и Ватутин занимались вопросами обеспечения операций наряду с вопросами управления войсками в бою.

Сосредоточение фронтовых запасов, маневр ими, переброска тыловых учреждений, перераспределение боеприпасов, горючего, хлеба интересовали Военный Совет так же, как сосредоточение и маневрирование боевых соединений.

Чтобы понять всю ответственность этой работы, надо себе представить, что один выстрел всех войск фронта равен поездом боеприпасов, и Хрущев и Ватутин по своему опыту знали, как с каждой минутой боя пустеют склады боеприпасов.

Войска фронта нуждались в горючем, тысячи цистерн шли в распоряжение Военного Совета, и надо было их принять, сохранить, подать войскам.

Служба технического обеспечения становилась одним из решающих факторов победы, и ею занимались лично Ватутин и Хрущев.

Они следили за тем, где находятся танки и в каком они состоянии, всегда учитывали, где эшелоны с танками, идущие к фронту, какие из них уже на подходе, какие только миновали предгорья Урала, какие еще грузятся на заводах.

Внимательно следили Ватутин и Хрущев за ремонтом танков и других боевых машин.

В ходе войны уже определились коэффициенты потерь, и, глядя на ведомость машин, генералы знали примерно, сколько машин потребуют ремонта в первый день боя, во второй, третий, сколько отремонтируют сами экипажи, какие надо будет выслать на поле боя ремонтные средства и сколько машин надо эвакуировать с поля боя на ремонтные предприятия фронта.

Как и во всем, предельно конкретно представляли они себе подбитую в бою машину, оставшуюся на поле боя, и знали, что уставшему в бою экипажу сейчас, в ночь после боя, нужно всего лишь немного помочь силами слесарей подразделения технического обеспечения, запасными частями, чтобы отремонтировать машину, которая сможет догнать соединение и снова вступить в бой. Таких машин на полях сражений было немало, и своевременный ремонт

их определял жизнеспособность, дальнобойность танковых соединений.

Видели они также массы машин, неспособных двигаться дальше, и намечали, где близ полей сражений разместить ремонтные средства, которые могли бы восстановить танки, орудия, всю боевую технику.

Получая массу боевой техники, невероятное количество средств обеспечения, Ватутин должен был все это расчетливо, талантливо использовать в бою. Во фронтовом тылу смыкались усилия промышленности, питающей фронт, и воюющих войск, и он, Ватутин, обязан был направить эти силы к победе. Огромные войсковые массы, сотни тысяч людей нужно было накормить, одеть, обуть, эвакуировать раненых.

И то, что Ватутин решал все эти задачи совместно с Н. С. Хрущевым, в огромной степени облегчало командующему управление войсками фронта.

Ватутин хорошо знал, что за положением солдата, за его бытом на фронте следит Центральный Комитет партии, и понимал, что именно поэтому советский воин был обеспечен всем необходимым так, как не был обеспечен солдат ни в одной из войн раньше. Как бы ни складывалось положение на фронтах, в каких бы тяжелых боях ни «находились войска, солдат получал патроны и хлеб, снаряды и самолеты, танки и горючее.

Командиры и политические работники всех степеней обеспечивали солдату все, что было положено ему государством, чтобы солдат был накормлен, одет, обут, находился по возможности в тепле, чтобы в землянке горел свет, чтобы с передовых позиций солдат ходил в баню.

Хрущев и Ватутин контролировал», как работают хлебозаводы, хлебопекарни, проверяли, как пойдет хлеб бойцу.

Военный Совет фронта собирал совещания ответственных политических работников и командиров по вопросам питания; в соединениях занимались курсы поваров, проводились конкурсы на лучшее приготовление пищи, соревнования на лучший пищевой блок.

Задачи питания солдат стояли в ряду важнейших партийных задач. Тот же член Военного Совета гвардейского соединения генерал Попель, который докладывал Политическому управлению фронта о партийной работе в соединении, докладывал и о питании бойцов и утверждал для применения в частях «Памятку по организации питания» с разделами: составление меню-раскладок, сохранение витаминов в пищевом блоке, увеличение их в пищевом рационе и т. д.

Но задача Военного Совета фронта заключалась не только в том, чтобы получить из центра продукты и целесообразно их распределить, — продукты для бойцов и фураж заготавливались в некоторой части силами самого фронта.

Тыл фронта заготавливал хлеб, косищ сено, убирал посевы там, где население было угнано гитлеровцами, осваивал пустовавшие земли, восстанавливал мельницы, крупорушки.

Тыл фронта имел свои военные подсобные хозяйства, сеял хлеб и травы, сажал картофель, заготавливал дрова, выращивал овощи.

У каждой армии были сотни гектаров посевов, и это усиливало снабжение войск, улучшало питание раненых.

Великая символика проявлялась в том, что на освобожденной земле можно было видеть, как пахут бойцы на тракторах, а порой на полях, где танки ходили в атаки; эти же танки после ремонта, при

невозможности использовать их в бою, тащили за собой плуги, вздымали пласты залежавшейся земли.

Слияние усилий народа и армии заключалось не только в том, что народ питал армию, но и в том, что армия заботилась о нуждах народа.

При уборке урожая Военный Совет фронта учитывал потребности войск и определял, сколько можно послать хлеба осажденному Ленинграду, отгрузить Москве, передать населению освобожденных районов.

Фронт с каждым днем уходил все дальше на запад, но руководители Советской Армии, ее воины, куда бы они ни пришли с боями, всюду помнили о своем долге перед государством. Защищая свой народ, освобождая население от оккупации, они несли ему и хлеб.

Ежедневно Хрущев и Ватутин проверяли санитарную службу фронта, интересуясь всем, начиная с предохранения бойцов от эпидемии и кончая лечением раненых в полевых госпиталях. Как ни в одной армии, ни на одной войне, в Советской Армии в период Великой Отечественной войны был высок процент раненых, вернувшихся в строй, причем многих не посылали в глубокий тыл, что загрузило бы транспорт и затруднило бы бойцам возвращение в свое соединение, а лечили в своих фронтовых госпиталях.

В крайне трудных, напряженных условиях руководили Хрущев и Ватутин тылом фронта.

Войска фронта, его тылы располагались на территории, освобожденной от врага, где были разрушены города, села, взорваны железнодорожные мосты, увезены рельсы, минированы и испорчены шоссейные дороги, порвана телефонная и телеграфная связь, уничтожены телеграфные столбы.

Если к этому добавить, что войска действовали и зимой, когда снегопады, метели останавливали движение, и в осеннюю и весеннюю распутицу, а территория фронта и его тылов была равна среднему

европейскому государству, то можно себе представить, каких усилий требовала организация тыла от командования фронта! И потому так была неоценима и важна роль члена Военного Совета, представителя партии и государства, роль политического аппарата, всех коммунистов фронта.

Работники ЦК Коммунистической партии Украины, политический аппарат фронта обеспечивали быстрое восстановление партийных и советских органов на освобожденной территории, они устанавливали твердый порядок в тылу сражающихся войск, что так важно для их победы.

Они вели работу среди освобожденного населения, привлекали его на помощь фронту. Десятки тысяч людей поднимались по призыву Военного Совета и, организованные партийными работниками, шли на строительство дорог и мостов, на борьбу со снежными заносами, распутицей, половодьем. Тысячи новых бойцов вливались в ряды наступающего фронта.

* * *

Ватутин видел, как идеи партии, директивы Ставки, как его — Ватутина — приказы, отданные во исполнение этих директив, благодаря работе политорганов глубоко овладевают солдатскими массами и становятся победоносной движущей силой.

Авторитет Хрущева для Ватутина, для всех войск фронта был непререкаем, но Никита Сергеевич не подавлял и не заслонял авторитета командующего фронтом.

С присущим ему политическим тактом и человеческой теплотой товарищ Хрущев укреплял и поднимал авторитет Ватутина. Ватутин обретал все большую уверенность в своих действиях, ибо его решимость опиралась на авторитет, на силу партии.

Не принижать значение командира, а поднимать и укреплять его авторитет всегда требовала партия от политических работников. Нарушение единоначалия и самостоятельности партия всегда осуждала и считала пагубным. Всем своим авторитетом член Военного Совета укреплял единоначалие, добивался железной дисциплины на фронте.

Член Военного Совета, являясь представителем партии, государства, помогал командующему, разделял с ним всю ответственность, контролировал выполнение директив и приказов, но при этом командующий фронтом являлся полновластным руководителем войск, полководцем в самом полном и глубоком смысле этого понятия.

Ставка решала все вопросы стратегии, руководила операциями фронтов. Военный Совет фронта осуществлял директивы Ставки. Командующий фронтом пользовался широкой инициативой в исполнении

директив Ставки и мог широко применять свои знания, развернуть свой талант.

Генерал армии Ватутин готовит и водил в сражения массы войск, какие выпадало водить очень немногим генералам. Он организовывал и направлял силы боевой техники, сокрушавшие в одной операции укрепления и сооружения, каких не сокрушали полководцы других времен за всю войну.

Ватутин и Хрущев ездили в Ставку, где командующий фронтом докладывал план операции.

Вместе с Верховным Главнокомандованием доклад слушали руководители партии и правительства. Молодой генерал докладывал в их лице всей партии, всему народу и чувствовал, как внимательно слушают его и спрашивают, все ли подготовлено для победы, и в то же время чувствовал, что на помощь ему для достижения победы руководители партии и правительства мобилизовали могучие силы и средства.

Перед Ватутиным были руководители Центрального Комитета партии, «авторитет которой объединял все ведомства и учреждения», по лозунгу которой шли миллионы, поднимался весь народ и обрушивал всю свою мощь на врага там, где в данный момент требовало дело победы.

С планом, утвержденным Ставкой, одобренным и поддержанным партией и народом, возвращались Н.Ф. Ватутин и Н. С. Хрущев в войска.

Их видели вместе в армиях, в дивизиях, в полках, среди солдат в дни подготовки к сражению и в самые тяжелые дни боев на самых решающих и опасных участках битвы.

Воины об их большой партийной дружбе, радовались этому, и вера в командование фронта, в успехах битв в победу еще более крепла.

История войн не знала такого доверия солдатских масс своим генералам, какое оказали солдаты

генералам Советской Армии. Сила этого -доверия к генералу была непоколебима, потому что советский генерал завоевал его в бою и потому что на него распространялось доверие масс своему правительству, Коммунистической партии, ее Центральному Комитету.

На Курской дуге

Все приготовления к сражению на Воронежском фронте были давно закончены, а оно все не начиналось.

Иногда после долгой напряженной работы разведки казалось, что время наступления гитлеровцев определилось, а потом появлялись новые, совершенно другие данные. Манштейн вместо подготовки к наступлению укреплял оборону и совершал различные передвижения частей. Вдумчивой работой в штабах и смелыми поисками советские разведчики определяли истинные цели перегруппировок противника, потом все снова шло насмарку, потому что... гитлеровское командование само точно не знало, когда оно начнет наступление.

Победой под Курском Гитлер хотел заставить мир забыть о поражении немецко-фашистских войск под Сталинградом, но его самого страшит Сталинградский разгром. А наступать было надо, так как промедление снижало боевой дух солдат и подрывало веру в «фюрера», который обещал летние победы. «Фюрер», по показаниям пленных, то требовал, чтобы дивизии были готовы к наступлению еще в апреле, то намечал наступление на май и переносит его на июнь.

Так прошли апрель, май, миновал июнь. Еще 1 июля в сводке Информбюро сообщалось: «В течение ночи на 1 июля на фронте ничего существенного не произошло».

Наконец Гитлер собрал в своем «вольфшанце» под Винницей совещание, чтобы обсудить план операции «Цитадель» (так условно называлась операция наступления на Курок).

Перед этим Гудериан обобщил опыт первых боев «тигровых» батальонов и инспектировал все танковые дивизии. Начальник генерального штаба Цейцлер

обосновал неизбежность успеха наступления. Манштейн — незадачливый «спаситель» Паулюса, искавший случая реабилитировать себя после поражения под Сталинградом, потребовал усиления своих войск лишь двумя пехотными дивизиями и обещал Гитлеру победу.

Гитлер, заявлявший в апреле, что при напоминании о необходимости наступать на Курск у него «сосет под ложечкой», теперь расхрабрился. В секретном письме, адресованном только генералам, Гитлер писал, что он дает им лучшие войска и лучшее оружие и что в предстоящей битве Россия будет сокрушена. Он заявил, что настоящее наступление не может не удался потому, что даже отход на старые позиции будет поражением Германии, и что он, Гитлер, не примет от своих генералов донесений о невозможности наступать.

2 июля И. В. Сталин специальной телеграммой предупредил фронты об ожидаемом переходе противника в наступление в период между 3 и 6 июля.

Теперь Ватутину оставалось узнать точно день и час начала наступления, обозначаемый в штабах германской армии литерами «X» и «Y», и лишить наступление противника внезапности. На это были нацелены усилия всех штабов, всех разведывательных органов. Летчики воздушных сил Воронежского фронта законно гордятся тем, что их настойчивое наблюдение с воздуха за всеми передвижениями гитлеровских войск дало возможность Ватутину определить готовность противника к наступлению. К тому же на обоих фронтах — Центральном и Воронежском — были взяты пленные, которые дали очень важные показания.

Ватутин лично опрашивал пленных.

Пленные рассказали: им накануне читали приказ Гитлера, в котором «фюрер» заявлял, что германская армия переходит к генеральному наступлению на Восточном фронте, что удар должен иметь решающее

значение и послужить поворотным пунктом в ходе войны « что это будет последнее сражение за победу Германии.

Кончался приказ словами: [«вперед по трупам, пленным не брать».

Пленные сообщили также, что на нейтральной полосе они разминировали свое минное поле, через которое пойдут в наступление немецкие войска.

* * *

4 июля в 16.00 артиллерия противника открыла огонь по боевому охранению войск генерала Чистякова.

Огонь бушевал 10 минут, а затем из района Томаровки на север, на боевое охранение двинулись 100 танков и пехотная дивизия.

Ватутин должен был определить, какую цель преследует Манштейн. То ли это начало общего наступления, то ли демонстрация, то ли атака с ограниченными целями — уничтожить боевое охранение, занять более выгодное положение для генерального наступления на этом же направлении?

Оказалось верным последнее предположение Ватутина. Оттеснив боевое охранение, противник стал подтягивать танковые и пехотные дивизии. Всю ночь продолжались бои, и в эту ночь было окончательно раскрыто время начала атаки: 5.00 5 июля 1943 года.

Войска противника были готовы для генерального наступления. Пехота, артиллерия, танки в густых предбоевых порядках стали близ переднего края. Здесь же располагались их штабы с радиостанциями, всеми средствами управления. Войска были уплотнены до предела...

И вдруг, ровно за час до того, как на советские войска должен был обрушиться шквал артиллерийского огня, заговорили советские орудия.

Вот что писал об этом в своем дневнике командир 19-й танковой дивизии генерал Шмидт, дивизия которого должна была первой атаковать нашу оборону:

«Для наведения моста для танков был использован предмостный плацдарм у Белгорода.

За несколько недель здесь уже было все готово, и прежде всего 60-тонные мосты для «тигров». Тяжелые

металлические части были подтащены вплотную к берегу и замаскированы в камышах.

Под прикрытием темноты, в ночь перед атакой сотни рук саперов должны были, соблюдая тишину, собрать фермы консольного моста для «тигров».

На южной переправе все было готово для наводки 24-тонного моста.

Местность благоприятствовала подводу дивизий и оборудованию наблюдательных пунктов и огневых позиций.

19-й танковой дивизии на направлении главного удара корпуса обеспечивалась мощная огневая поддержка (в частности, полком 6-ствольных минометов).

Многообещающим должно было быть огневое воздействие артиллерии по передовой системе укреплений противника.

В то время как (накануне X-дня действия нашей артиллерии ввиду пристрелки стали оживленнее, в расположении противника царила такая тишина, что было ясно: противник все-таки ничего не замечает...

Как выяснилось позже, противнику задолго до начала был известен X-день и Y-время вплоть до последнего изменения на 10 минут.

С напряженным вниманием ожидали мотострелки, танковые экипажи, приданные роты «тигров» и артиллеристы более 20 батарей назначенное Y-время, тогда как на обоих мостах с наступлением темноты саперы принялись за работу, а за ними притаились ударные отряды, готовые к прыжку под командованием своих батальонных командиров, вооруженные огнеметами и прочими средствами ближнего боя.

Мосты для «тигров» были готовы. В это время русские начали проявлять внимание и открыли хорошо лежащийся беспокоящий огонь артиллерии и минометов и фланкирующих пулеметов по переправам.

Несмотря на темноту, огонь был очень точный, так что одна надувная лодка, нагруженная до отказа, была потоплена прямым попаданием снаряда. Саперы тотчас понесли тяжелые потери, так как под каждой распоркой стояло по 40–60 человек.

Ровно в указанное Y-время русские открыли из большого количества орудий всех калибров заградительный огонь, который свидетельствовал о большом сосредоточении вражеских батарей.

Из сорока реактивных орудий, введенных в бой перед участком дивизии, русские засеяли огнем все овраги, которые могли быть использованы как пути сближения. О продолжении наводки моста для «тигров» не могло быть и речи. Русские громили огнем наши исходные позиции...»

В это же время Ватутин отдал приказ авиации генерала Красовского действовать.

Сотни советских бомбардировщиков обрушились на аэродромы противника, где эскадра генерала Удет готовилась к вылету, чтобы бомбить советские войска. Этим самым наши летчики в первые часы битвы лишили вражескую авиацию возможности атаковать передний край обороны Воронежского фронта, его наблюдательные пункты, штабы и узлы связи, лишили танковые дивизии противника поддержки с воздуха.

Манштейн понял, что русские раскрыли начало наступления и что Ватутин первый нанес удар артиллерией и авиацией, лишив его, таким образом, важнейшего козыря — внезапности.

Но отказаться от наступления он уже не мог, на него давила своя же огромная группировка войск, сосредоточенная для атаки, изменить назначение которой было уже невероятно трудно.

Рассчитывая на сокрушающую силу удара своих войск, Манштейн отдал приказ наступать. Отборные дивизии фашистской армии ринулись из района

Томаровка на север и северо-восток к шоссе Белгород —
Обоянь, на Курск.

* * *

С первых же минут сражение приобрело крайне ожесточенный характер. Бои шли на стокилометровом фронте.

Командармы коротко сообщали, что советские войска дерутся с небывалым героизмом, но и сквозь сдержанные донесения Ватутин угадывал: подобного натиска они никогда не испытывали.

С каждым часом борьбы, по ее накалу на том или ином (направлении, по количеству и роду войск, брошенных на эти направления, по показаниям пленных, оценкам, которые делали генералы и офицеры уже сражавшихся частей и соединений, Ватутин все полнее и глубже уяснял обстановку.

Да, группировка противника была определена верно. На Воронежский фронт двинулись танковый корпус СС, 48-й танковый корпус, 3-й танковый корпус, 52-й армейский корпус, 11-й армейский корпус — главные силы группировки противника на белгородско-харьковском плацдарме.

Уже участвовали в сражении известные Ватутину по прежним боям танковые дивизии СС — «Адольф Гитлер», «Райх», «Викинг» и «Тотенкопф» («Мертвая голова»). Это были дивизии головорезов, оснащенные боевой техникой, лучшей во всей германской армии, сформированные из отрядов личной охраны «фюрера», и командовали ими самые оголтелые фашисты.

Тот факт, что большинство дивизий, брошенных гитлеровцами на Воронежский фронт, было танковыми (из восемнадцати атаковавших дивизий — десять танковых и одна моторизованная), говорил о том, что Манштейн предполагает не только сразу атаковать

главными силами, но быстро развить успех и молниеносно прорваться в глубину обороны фронта.

Наземные войска противника поддерживались авиацией также известного Ватутину авиакорпуса генерал-фельдмаршала Рихтгофена.

Вскоре определились два важнейших направления атак противника: вдоль шоссе на Обоянь — Курск и на город Короча. На первом противник грозил выйти к Курску по кратчайшему пути, на втором — угрожал отрезать Воронежский фронт от Юго-Западного и вскрыть фланг Воронежского фронта.

Командующий безошибочно установил, что из этих двух направлений главное — обояньское, здесь противник ввел в бой шесть танковых дивизий, в том числе все четыре дивизии СС и две пехотные дивизии.

Это успокаивало Ватутину, потому что подтверждало правильность прогноза Ставки Верховного Главнокомандования и решений, принятых Военным Советом фронта, который построил здесь сильные укрепления и сосредоточил главную группировку Воронежского фронта.

И все же опасность была очень велика. Войска генерала Чистякова сражались в передовых траншеях, они сожгли десятки немецких танков, но остановить танковую лавину не смогли. Они лишь сдерживали, замедляли ее наступление.

Теперь Ватутину нужно было установить, какую тактику применит противник и что он, командующий фронтом, должен в ходе боя противопоставить врагу.

* * *

Командующий фронтом выехал в дивизии.

Пикирующие самолеты пролетали над его мчавшейся машиной, кружили над расположением соединения генерала Чистякова. Грохотали артиллерийские орудия и минометы. По мере приближения Ватутина к сражающимся войскам мимо него все чаще стали пролетать с характерным шорохом «болванки» — снаряды, которыми стреляли немецкие танки.

Своей авиацией, артиллерией и танками противник навалился главным образом на соединение Чистякова, куда теперь спешил Ватутин.

И вот перед командующим фронтом открылось поле сражения на Курской дуге.

Много полей сражений помнил Ватутин, много боев наблюдал он, но то, что было здесь, отличалось от всего виденного им раньше.

Занятое войсками фронта поле сражения казалось безлюдным, — таковы все поля сражений современной войны: современные боевые порядки войск очень разрежены, люди укрыты в траншеях, дотах, блиндажах или просто замаскированы.

Но на той части поля, которая находилась у противника, были танки, танки и танки... Ватутин видел их на всем пространстве, которое охватывал бинокль. Между танками двигались бронетранспортеры с пехотой, самоходные орудия, бежали цепями и группами автоматчики.

Самолеты с воем носились над полем боя. Все на земле грохотало. Разрывы снарядов поднимали гейзеры земли.

Ватутин оценивал поле боя в двух планах: таким, каким оно выглядело с его наблюдательного пункта, и таким, каким видел поле солдат из окопа, перед которым близко оказался враг.

Командующий фронтом насчитал около трехсот танков, более 100 танков на километр фронта обороны. Он представил себе, сколько орудий и минометов приходилось на километр фронта, сколько авиабомб, снарядов, пуль, осколков вонзается в каждый метр обороны...

Он видел, как загорались, дымили, останавливались десятки фашистских танков, разваливались бронетранспортеры, падали вражеские автоматчики. Но вперед мчались все новые и новые танки, подкатывали новые бронетранспортеры с пехотой.

Темп наступления врага усиливался.

Эта кажущаяся неотразимость натиска, не прекращавшегося ни на час с самого рассвета, и была опасна. Ватутин хорошо знал врага, готового идти к победе по трупам своих солдат хоть на одном танке. Это был метод авантюристов, играющих ва-банк, но метод опасный для обороны, тем более что у врага было много танков.

Пристально вглядываясь в поле битвы, Ватутин набрасывал на листке блокнота боевой порядок противника и делал свои пометки.

Вот в первом эшелоне, построившись в виде буквы П, медленно идут танки с непомерно длинными стволами орудий. Иногда они выползают на высоты и, пренебрегая обстрелом обороняющихся, ненадолго останавливаются, выбирают цели и методично бьют по ним. Это «тигры» и «пантеры». Уничтожая на выбор наиболее опасные цели, гитлеровские молодчики ведут себя нагло, вызываяще. Следом за ними ползут «фердинанды», стреляющие чаще всего с места и главным образом по нашей артиллерии.

Во втором эшелоне, прикрытые «тиграми», мчатся средние танки, а среди них и позади идут бронетранспортеры с пехотой. Пехоту подвозят в самую зону огня, и, выпрыгнув на землю, немецкие пехотинцы оказываются в положении, при котором им так же опасно бежать назад, как и ползти вперед. И они ползут. Ползут балками, полем, маскируясь за скатами, во ржи, просачиваясь к узлам сопротивления.

Одновременно на атакуемых узлах сопротивления сосредоточивается артиллерийско-минометный огонь. Сюда же пикируют вражеские бомбардировщики.

Командующий фронтом разгадывает тактику врага. Враг пытается авиацией и «тиграми» уничтожить и придавить все живое на переднем крае обороны и в это же время дать возможность новым эшелонам танков с пехотой приблизиться и ворваться в глубину обороны, затем он перенацеливает свою авиацию и «тигры» «а еще более глубокие объекты обороны и снова повторяет этот прием.

Но планомерность этого натиска не всегда удастся, и противник вынужден часто менять свою тактику.

Он то совершает один лобовой удар, то чередующиеся фронтальные атаки, то при неудаче быстро отказывается от лобового (наступления и ведет разведку в поисках слабых мест в обороне.

Натиск противника казался страшным, но наша оборона его одерживала и противник нес тяжелые потери. Сказывалась та подготовка, которую провели советские войска перед битвой.

Ватутину было ясно, что надо выбить прежде всего «тигров» и «пантер» и нарушить этим устои боевых порядков врага.

Гвардейские стрелковые дивизии держались героически, но Ватутин приказал им еще чаще контратаковать врага, отсекал его пехоту от танков.

Ватутин мог быть удовлетворен ходом боев.

Враг не прорвал оборону, а вдавил ее всего лишь на 3-4 километра, заплатив за этот «успех» страшной ценой.

Уже сгорело свыше 200 немецких танков, и черный дым долго пятнал голубое небо; свыше 200 «Юнкерсов» и «Мессершмиттов» догорало на курской земле, более 10 тысяч фашистов лежало на ней мертвыми.

Но на карте к исходу дня одна за другой появлялись все новые и новые цифры и обозначения: прямо перед центром обороны 200 танков противника, еще в одном пункте 80 танков и там же, чуть поодаль, 50, на подходе к фронту с юга на север две огромные колонны — 172 танка и еще южнее 200 танков, на фланге обороты 100 танков.

И еще... И еще... группы артиллерии, колонны танков, скопление пехоты не установленной численности.

На горизонте возникли неясные очертания какого-то скопища строений, казалось даже, что это населенные пункты, крупные села. Но их не было на карте, а в стереотрубу, в сильный бинокль можно было разглядеть, что это огромное скопище танков, автомашин, самоходных орудий, штабных фургонов.

Эти таборы медленно ползли к нашим позициям, грозя затопить их. Они надвигались, прикрытые с воздуха массами истребителей.

В сражение вступили более тысячи танков, массы пехоты и артиллерии противника.

Отражая их натиск в первый день боя, Ватутин одновременно планировал ввод в сражение своих фронтовых резервов.

Как ни велики были потери противника, как ни героически дрались войска Воронежского фронта в первый день битвы, но решающая схватка была еще впереди.

Неискушенный человек, наблюдавший деятельность Ватутина в сражении, мог бы подумать, что командующий войсками не так уж сильно влияет на ход сражения, что решают сражение войска. Это было бы глубоким заблуждением.

Ход сражения, его развитие зависят как от войск, так и от их командующего, от силы его полководческого ума и воли.

Внешне, например, кажется очень простым, неэффективным решение использовать танковые соединения в обороне, а после победы Воронежского фронта это решение признали верным. Но тогда там, на Курской дуге, в обстановке нараставших ударов гитлеровской армии все было во сто крат сложнее и требовало от Ватутина чутья подлинного полководца.

Известно, что танки всегда считались средством атаки, а соединение танков — подвижным средством наступления, контрударов. В условиях, когда противник наступал танковыми дивизиями, Ватутину полагалось бы немедленно ответить контрманевром своих танковых войск. Для этого Ватутин должен был держать танковые соединения в готовности немедленно совершить быстрый марш-маневр и нанести контрудар.

Становясь же в оборону, танки теряли важнейшее качество — подвижность. Ватутин лишал себя мощной силы для быстрого контрудара.

Примеры использования танков в обороне уже были в Отечественной войне, но никогда еще в оборону не становились целые соединения, а Ватутин решился на это, так как был глубоко убежден, что разгадал и дальнейший план Манштейна: главные танковые силы противника должны были пойти с утра в наступление по тому направлению, на котором стали в оборону фронтовые резервы. Допусти Ватутин ошибку, пойд

противник в другом направлении, танковые соединения не успели бы совершить маневра и остановить врага.

Но Ватутин оказался прав.

В этом случае расположение танковых соединений в обороне давало огромные преимущества. Масса танков становилась стальным костяком всего фронта. Оперативно-тактическая оборона приобретала непробиваемую устойчивость.

Приказ командующего фронтом застал танкистов в полной боевой готовности.

С рассвета 5 июля командиры танковых соединений генералы Катуков и Кравченко находились в штабах на наблюдательных пунктах стрелковых дивизий, принявших на себя первый удар.

Они внимательно следили за наступлением противника, присматривались к его тактике, и когда, был получен приказ Ватутина, танкисты уже знали, что и как им надо делать.

В ночь с 5 на 6 июля танковые соединения вышли на указанный рубеж.

* * *

Сведения, полученные ночью, подтвердили, что Ватутин не ошибся в своих предположениях. Манштейн рассчитывал быть в Курске 9 июля — на четвертые сутки наступления. Следовательно, можно было ждать, что с каждым днем удары противника будут усиливаться и что ближайшая его задача — захватить город Обоянь, находящийся на шоссе Белгород — Курок.

С утра 6 июля главные силы танкового корпуса СС, оттеснив пехоту Чистякова, стали приближаться к рубежу обороны, занятому танкистами генерала Катуква.

Танкисты ждали эту атаку еще на рассвете 6 июля, но до 8 часов утра танков противника не было, и это очень беспокоило генералов, опасавшихся, не предпримут ли танковые дивизии обходного маневра. Но когда километра за три-четыре от переднего края на горизонте появились облака пыли и над расположением танкового соединения Катуква загудели вражеские самолеты, стало ясно, что противник нацеливает свой удар на танковое соединение генерала Гетмана.

Артиллерийскую подготовку гитлеровцы не производила, но начали сильнейшие атаки авиацией. Под ее прикрытием приближались танки. Они шли густыми строями, точно не в боевом, а в предбоевом порядке.

Ватутин наблюдал близко атаку противника — и видел поведение наших танкистов, действия генерала Гетмана.

По всем телефонам последовал приказ Гетмана не стрелять до приближения танков противника. А вражеские танки подползали все ближе и ближе.

Командиры частей убеждали генерала, что пора открыть огонь, но командир соединения был спокоен. Он не хотел, чтобы противник преждевременно узнал о его силах.

Наконец наступил момент, когда генерал решил, что пора открыть огонь, и тогда с дистанции 400–500 метров ударили пушки истребительно-противотанковых полков, танковые орудия.

Перед фронтом соединения находилась долина, уходящая вдаль амфитеатром, так что танки противника, спускаясь к переднему краю соединения, были видны как на ладони. Они прорвались к переднему краю обороны, прикрытому небольшой речкой, и, уткнувшись в нее, остановились под губительным огнем.

Атака корпуса СС захлебнулась. Танки повернули назад, оставив на поле боя более 30 костров.

Через два часа атака повторилась. На этот раз танковые дивизии шли широкими и редкими цепями, спускаясь с амфитеатра.

Теперь танки противника уже точно знали передней край обороны, видели на нем огневые точки, авиация засекла их в глубине обороны и непрерывно бомбила. Командующий фронтом видел, что танки противника идут на этот раз тактически правильнее, и в то же время угадывалось, что в результате первой неудачи противник потерял уверенность в своем успехе.

К тому же теперь и наша тяжелая артиллерия пристрелялась по боевым порядкам танков и пехоты противника и среди них гремели разрывы, подобные тяжким обвалам в горах. Все закрывалось пылью, а когда из ее колеблющейся стены выскакивали танки, их боевые порядки «были уже не те, что раньше, и когда облака пыли опускались, на земле появлялись новые костры горящих танков.

После двух отраженных атак по всему переднему краю танкового соединения Гетмана понеслись торжествующие крики. Бойцы, недавно пришедшие в армию, воины, которые в начале войны были юношами, не испытывавшими тягот отхода, но слышавшими о нем от старших, кричали вслед отступающему — противнику: «Это вам не сорок первый год!».

Ватутин улыбался, радуясь, что молодежь, находившаяся в обороне рядом с испытанными, закаленными солдатами, не дрогнула в первый важнейший момент боя.

Вскоре противник переменял направление удара.

Две волны танков, густые, накатывающиеся издалека, так, что когда они приближались к переднему краю, конца их еще не было видно, грозили танковому соединению генерала Кривошеина.

Этот удар более пятисот танков на узком фронте был очень опасен.

Часть танковых дивизий противника пробилась в боевые порядки танкового соединения.

На одном из участков более сорока «тигров» проникло в глубину, и казалось, что они все сомнут и истребят. И все же при этом на флангах не было снято из боевых порядков соединения ни одного орудия, не сдвинулся из капониров ни один танк, а у прорвавшихся «тигров» обнажились уязвимые борта. Истребительные противотанковые полки ударили по прорвавшимся «тиграм» — танки запылали. Но и здесь противник, не считаясь с потерями, продолжал гнать свои танки вперед. Танки появились даже у наблюдательного пункта генерала Кривошеина, и все же генерал уверенно и энергично продолжал управлять боем соединения.

Несколько танков противника оказалось у командного пункта генерала Гетмана. Генерал находился в овраге, по краям которого курсировали

«тигры». Гетман, как всегда спокойный, расчетливый, управлял боем соединения.

Ватутин видел, как в критические часы битвы перед лицом смертельной опасности наши генералы сумели сохранить управление войсками. Это обеспечило командиру соединения генералу Катукову возможность не только остановить противника, но стремительными контратаками выбить его из боевых порядков и нанести танковым дивизиям СС тяжелые потери.

Ватутин не сомневался в том, что танковое соединение генерала Катукова устоит и отразит натиск. Осенью 1941 года полковник Катуков остановил танки Гудериана, рвавшие с юга на Москву. Это он раскрыл тогда ситу танков в обороне, которую теперь Ватутин применил уже в оперативном масштабе. Тогда специальным приказом И. В. Сталин отметил успех Катукова, и его бригада стала первой в Советской Армии гвардейской танковой бригадой. Теперь на Курской дуге стояла в обороне уже не одна бригада, и об эту оборону разбились атаки немецких танковых дивизий СС.

Потерпев на участке соединения Катукова неудачу, противник к исходу дня перенес всю тяжесть своих атак на соединение генерала Кравченко. Но и тут не прорвал оборону.

Наступила ночь на 7 июля.

Противник продолжал атаки. Ему удалось просочиться в стык между танковыми соединениями генералов Катукова и Кравченко, фланги танковых соединений стали обнажаться. Ватутин бросил на участок прорыва резервное соединение генерала Черниенко и закрыл врагу путь на Обоянь.

7 июля сражение продолжалось с нарастающей силой: к противнику подошли новые резервы.

Гитлеровцы сосредоточили на очень узком фронте 300 танков, поставив в голове атакующих десятки

«тигров». (Опять атаки танков сопровождались массированными ударами авиации. Населенные пункты и высоты переходили из рук в руки.

Одновременно противник усилил натиск на соседнем участке и, вгрызаясь в оборону, к исходу третьего дня битвы проник в глубину на 35 километров.

Как ни тяжело было это признать, но Ватутин точно, правдиво донес о положении в Ставку Верховного Главнокомандующего.

Ставка подтвердила свои требования: измотать противника на подготовленных рубежах и не допустить его прорыва до тех пор, пока не начнутся наши активные боевые действия на других фронтах.

Это еще раз напомнило Ватутину, какую огромную ответственность несет он за исход битвы, за развитие дальнейших операций всей Советской Армии.

Наступило 8 июля — четвертый день великой битвы под Курском. Манштейн хотя и добился некоторых территориальных тактических успехов, но всей глубины обороны не прорвал. План Манштейна срывался. После четырех суток битвы противник должен был овладеть Курском, а корпус СС на исходе четвертых суток едва приблизился к Обояни.

Гитлеровцы снова пошли в лобовое наступление прямо вдоль шоссе на Обоянь.

Фашистская авиация не только поддерживала атаки танков, но для того, чтобы проложить им дорогу, устроила на Обояньском шоссе бомбежку точно по конвейеру. Шесть часов непрерывно, стоя за стаей, появлялись над шоссе немецкие бомбардировщики, обрушивая на оборону тысячи тонн бомб.

Казалось, что все живое» будет сметено. Действительно, войска, оборонявшие шоссе, несли тяжелые потери. Но никто не оставил своих позиций, никто не дрогнул.

Все время над полем битвы висели немецкие самолеты наблюдения, и вскоре удалось установить их назначение: они должны были срочно донести германскому командованию о начале отхода советских войск. Но все радиogramмы с этих самолетов сообщали, что отхода русских не наблюдается. Наоборот, в радиogramмах немецких танковых и пехотных дивизий все чаще появлялись сообщения о потерях, о невозможности продолжать атаки, крики о помощи, тревожные сигналы о контратаках русских танков.

Радиogramмы противника верно отражали действительность. Оборона не устояла бы, если бы была только позиционной, пассивной. Ватутин сочетал упорную, жесткую оборону с активными маневренными действиями.

Противник, неся потери в лобовых атаках, все время искал лазейки, рокировал свои дивизии с фланга на фланг, метался с одного направления на другое. Ватутин непрерывно следил за происками врага, немедленно противопоставлял свои резервные части его обходящим частям, сковывая действия Манштейна.

Когда противник, выбирая новые направления атак, сосредоточивал подавляющий перевес сил, Ватутин контрударами по флангам заставлял гитлеровское командование снимать с избранного направления десятки танков для прикрытия флангов и таким образом ослаблял ударные группировки врага.

Сражение требовало от Ватутина предельного напряжения сил, тонкого понимания замысла противника, риска. Надо было маневрировать резервами, снимать части с менее опасных направлений, которые, в свою очередь, также могли оказаться под ударом.

Ватутина можно было видеть всюду. Его машина появлялась в боевых порядках дивизий, проходила

сквозь высокую рожь к передовым наблюдательным пунктам и снова мчалась в штабы армий.

Обстановка на важнейших направлениях менялась так быстро, что, находясь в штабе фронта, трудно было реагировать на изменение обстановки, требовалось отдавать распоряжения на самом поле боя, как раньше говорили в кавалерии, «с седла».

В то же время Ватутин не мог надолго отрываться от штаба фронта, потому что надо было управлять ходом событий на всем огромном пространстве.

Оставаясь в таких случаях в штабе, Ватутин посылал в войска своих надежных помощников генералов Иванова, Варенцова, Штевнева, Петрова, которым он доверял любое задание. Туда же, на опаснейшие направления, по заданию Военного Совета выезжали работники Политического управления фронта.

Чем кризиснее становилось положение, тем собранней, решительнее действовал Ватутин.

9 июля отличалось высшим напряжением битвы. К этому времени на севере Курской дуги наступление противника против Центрального фронта стало явно выдыхаться. Гитлер не хотел с этим мириться, он исступленно толкал своих генералов вперед, и Манштейн, все больше и больше ожесточаясь, не щадя своих войск, гнал их в пекло сражения.

В этот день танковые дивизии СС атаковывали оборону пятнадцать раз.

Опасность была еще очень велика, сил у противника было много, но прорвать фронт обороны фашистам не удавалось. Они ее только оттесняли, неся огромные потери.

В этот день фотообъективы самолетов-разведчиков зафиксировали в расположении наступающего противника 280 подбитых танков; по черным дымам,

резко проявившимся на пленке, можно было подсчитать 200 горевших танков.

Кто понимает, что значит подбить и поджечь танк с мощной броней, какой силы и меткости огонь надо против него сосредоточить в бою на больших дистанциях, какие качества надо проявить людям в ближнем бою — и артиллеристу, вступившему в огневую дуэль с танком, и пехотинцу, поднявшемуся на «тигра» с гранатой, — тот может себе представить, что потребовалось от обороняющихся войск, которые из тысячи атаковавших танков уничтожили почти 300.

Надо подчеркнуть, что наибольшая часть танков противника была уничтожена нашей артиллерией.

Артиллеристы Воронежского фронта были вооружены новейшими орудиями и хорошо подготовлены к борьбе с вражескими танками.

Борьбу с танками вели все орудия — от сверхтяжелых до специальных противотанковых, о которых шла грозная слава: «длинный ствол — «тигру» короткая жизнь...» Огонь пушек в лоб наступающим танкам сочетался с тяжелыми навесными ударами из орудий большой мощности по скоплениям боевой техники.

Артиллеристы не раз вступали в смертную огневую дуэль с танками еще под Москвой и Сталинградом. Они бесстрашно выкатывали навстречу вражеским танкам свои пушки.

Сержант Данилов, подбивший пять танков под Сталинградом, встретил атаку шестнадцати танков на Курской дуге и сжег из них еще пять. Восемь танков уничтожило орудие старшего сержанта Краснова, четырнадцать танков подбило орудие Курган-Малиева.

Искусство ведения огня и героизм показали в битве под Курском все артиллеристы, от бойца до генерала.

Когда наблюдатель на командном пункте командира артиллерийского полка Павла Белецкого в

тревоге воскликнул — «Масса танков наступает прямо на батареи полка!», он тут же услышал замечание командира: «Не масса, а сто двадцать в первом эшелоне и шестьдесят во втором, надо докладывать точно».

Замечание было сделано спокойным голосом, хотя на каждое орудие шло в атаку более пятнадцати танков.

Когда на одной из батарей был выведен из строя почти весь личный состав, к орудиям стали офицеры штаба полка, а командир полка майор Ревин под огнем управлял стрельбой батареи.

Особенную роль в отражении танковых атак сыграли противотанковые артиллерийские бригады Героев Советского Союза Купина и Чевола, артиллеристы Героя Советского Союза Петрова и артиллерийский полк Чапаева — сына легендарного героя гражданской войны.

Истребителей танков ценили и любили все войска фронта; общевойсковые командиры старались не отпускать их со своих участков. Но роль противотанковой артиллерии была так велика, что задачи ей ставил сам командующий. Успех артиллерии обеспечивала организаторская работа опытных, грамотных, боевых генералов артиллеристов Турбина, Полуэктова и других, руководимых генералом Баренцевым.

В великой битве под Курском советские артиллеристы, отражая массированные танковые атаки, еще раз доказали, что бесстрашный, хорошо слаженный расчет орудия может выйти победителем в борьбе с танком, а батареи и полки артиллерии, правильно управляемые, «прикрытые своей пехотой от нападения вражеских автоматчиков, защищенные минными полями, недоступны для танковой атаки.

При этом надо отметить, что немецкие танки уничтожались всеми родами советского оружия, и оборона на Курской дуге потому и была непробиваема, что опиралась на усилия всех родов войск.

Отражая артиллерией и танками массированные атаки противника, командование фронтом наносило ему сильнейшие удары своей авиацией, перед которой была поставлена задача завоевать господство в воздухе, без чего немыслим успех на земле.

В распоряжении командующего фронтом находились мощные соединения новейших бомбардировщиков, истребителей, штурмовиков, которые он противопоставил воздушным эскадрам фашистской авиации.

Чтобы возместить потери, понесенные при первом налете советской авиации, Гитлер пригнал новые эскадрильи ассов из Германии, стянул к Курской дуге самолеты с аэродромов Крыма и Белоруссии.

Налеты вражеских бомбардировщиков производились также из-под Смоленска, Брянска и других отдаленных аэродромов.

Для гитлеровского командования, которое сделало ставку на удар танков и авиации, господство своей авиации было совершенно необходимо, ибо без этого не могли продвинуться немецкие танковые дивизии.

Над Курской дугой завязалось ожесточенное воздушное сражение. В воздухе схватились истребители о истребителями, бомбардировщики с крестом и свастикой пикировали на нашу оборону и попадали под удары наших истребителей; советские бомбардировщики и штурмовики наносили удары по наступающему противнику, низко над землей проносились самолеты-разведчики. На всех ярусах кружились, взмывали ввысь, падали вниз воздушные машины. Стоял сплошной гул моторов и грохот стрельбы. Неискушенному глазу трудно было разобрать

с земли, что творилось в небесах, а неискушенному человеку, если бы он смотрел с самолета вниз, было бы непонятно, что творится на земле, где, казалось, перемешались танки, орудия, автомашины, пехота.

В этом видимом хаосе битвы Ватутин уверенно, целенаправленно наносил удары врагу в воздухе и с воздуха.

Маневр и удар — душа операции, способ борьбы, излюбленный Ватутиным. Успех этого способа во многом зависел от действий авиации — самого гибкого средства боя.

С наступлением темноты вся наша ночная бомбардировочная авиация налетала на овраги, перелески, кусты, где скапливались ночью силы противника, лишала их сна и отдыха, деморализовала, наносила тяжелые потери.

Час за часом, день за днем продолжалось сражение за господство в воздухе.

Советские летчики, отразив первые, самые сильные и опасные удары истребителей, с каждым днем наращивали удары, и перевес все больше клонился на сторону советской авиации.

В то время как Манштейн и здесь пытался первым ударом «всеми силами» сокрушить советскую оборону, Ватутин противопоставил этому авантюрному плану план, идеей которого была опять-таки активная оборона с последующим переходом в контрнаступление.

Полк за полком, дивизию за дивизией поднимал в воздух Ватутин. На аэродромы Воронежского фронта слетались свежие соединения истребителей из резерва Ставки, и на самом решающем этапе битвы на земле советские летчики полностью завоевали господство в воздухе, лишили гитлеровские воздушные эскадры возможности прокладывать дорогу своим танковым дивизиям.

В этом столкновении масс боевых машин, в пекле огня, как всегда героически, сражались советские пехотинцы, отсекавшие пехоту противника, следовавшую за танками, парализовавшие ее продвижение.

Происходило важнейшее для успеха обороны явление — был рассечен боевой порядок наступавших войск, разобщены усилия разных родов войск гитлеровской армии.

А советские войска еще раз показали победоносную силу взаимодействия на поле боя всех родов войск. Это взаимодействие было обеспечено выучкой, которую прошли перед битвой войска фронта. В основе оперативно-тактического взаимодействия лежала идея братства советских людей, защищавших свою землю, традиция взаимовыручки, которая живет всегда в Советской Армии.

Нарастал, близился кризис великой битвы.

Манштейн вынужден был признать, что пробиться по кратчайшему направлению вдоль шоссе на Обоянь — Курок невозможно.

Это направление было прочно закрыто Ватутиным.

Гитлеровскому командованию необходимо было организовать новый сильный удар, в противном случае дело кончалось срывом всего летнего наступления. И потому гитлеровское командование, несмотря на тягчайшие потери, не только не отказалось от наступления, но подтянуло с других фронтов свежие дивизии, усилило ударную группировку и решило изменить направление удара.

* * *

В Ставке Верховного Главнокомандования Советской Армии ждали летней кампании спокойно и уверенно.

Когда обозначились направления главных ударов гитлеровской армии, стало окончательно ясно, что события на Курской дуге развернутся благоприятно для наших войск.

Но силы врага были еще очень велики. И Ставка Верховною Главнокомандования с первого часа битвы зорко следила за оперативными происками гитлеровского командования.

Еще шла борьба «а первом рубеже обороны, еще никто не мог сказать, как она развернется, а на второй день битвы танковому соединению генерала Ротмистрова и стрелковому соединению генерала Жадова было приказано перейти из резерва Ставки в распоряжение Ватутина. Танковое соединение Ротмистрова находилось в сотнях километров от Курской дуги и долго там обучалось. Пополненное, хорошо обученное, оно представляло собой грозную силу.

Получив директиву Ставки, танкисты стремительно двинулись к полю битвы.

Быстро, скрытно и организованно совершило танковое соединение марш в сотни километров.

Неукротимый порыв танкистов обеспечил готовность соединения к бою после большого и стремительного марша, сохранил полную и немедленную боеготовность машин и экипажей, и Ротмистров доложил Ватутину о готовности танкистов вступить в бой.

Для командующего фронтом вновь наступил ответственный момент.

Похоже было, что фельдмаршал Манштейн принял новое решение, ослабил атаки вдоль шоссе на Обоянь и повернул свою главную танковую группировку на новое направление. Куда, с какой целью — на это должен был ответить Ватутин.

Манштейн мог перенести центр тяжести своего наступления на Корочу, мог нацелиться еще глубже — на Старый Оскол, Воронеж или, подтянув свежие силы и перегруппировавшись, снова обрушиться на прежнем, обояньском направлении.

Как всегда в оборонительном сражении, перед командующим фронтом неумолимо стоял вопрос: где противник наносит свой главный удар и куда поставить свой резерв, чтобы парализовать планы противника и разбить его?

Все силы и средства разведки были направлены на то, чтобы раскрыть замысел Манштейна, и постепенно обстановка стала проясняться.

Манштейн действительно снял с прежнего направления основные наземные силы, а его авиация перенесла центр тяжести удара в район станции Прохоровка; туда же потянулись косяки «юнкерское», а главное — наша воздушная разведка донесла, что к той же станции двигается тысяча танков противника.

Основная группировка противника, наступавшая с юга строго на север, вдоль шоссе, теперь поворачивала на северо-восток, чтобы, продвигаясь вдоль железной дороги Белгород — Обоянь — Курск, выйти в район станции Прохоровка, захватить переправы на реке Псёл и затем, базируясь на прохоровском плацдарме, ударить на Обоянь с востока и снова выйти на шоссе Обоянь — Курск. Противник намеревался прорваться к Курску в обход главной группировки фронта, в ее глубокий тыл.

Ватутин приказал генералу Ротмистрову выйти в район Прохоровка — Прелестное; туда же он направил танковые соединения генералов Бурдейного и Попова. Против фашистских танковых полчищ сосредоточилась мощная группировка советских танков. Здесь же встали стрелковые дивизии генерала Жадова. В боевых порядках пехоты и танков заняли огневые позиции артиллерийские полки и истребительные противотанковые бригады. Решающие резервы Ставки оказались в нужном месте и в нужный момент.

Немногочисленные стрелковые части, оборонявшие прохоровское направление, узнали о приближении масс танков противника. Пехотинцы были уверены, что они не останутся одни, что командование не допустит гибели солдат в неравном бою, но до самой ночи на поддержку к пехоте, занимавшей командные высоты, никто не подходил.

Всю ночь и утро горели вокруг деревни, дымились поля спелой пшеницы, занявшейся пламенем от подожженных танков. А когда к шести часам утра исчез под лучами солнца туман, припали к земле пожары, поднялись, открывая поля, облака дыма, наши пехотинцы увидели, что все пространство позади них занято советскими танками.

В 7 часов утра 12 июля, когда уже горячее июльское солнце опять обещало долгий знойный день, с тихих берегов реки Псёл из района села, носящего поэтическое название — Прелестное, двинулись на запад колонны советских танков.

В это же время, ее зная о появлении на фронте свежих советских танковых сил и пехоты, гитлеровское командование двинуло на восток, на захват прохоровского плацдарма, свои танковые дивизии. Они шли вначале плотной массой, даже не перестраивая боевые порядки, заняв огромную равнину, шли

медленно, безостановочно, и казалось, эту психическую атаку остановить было невозможно.

Как только фашистские танкисты, увидев советские танки, стали на ходу перестраиваться и развивать ход, массы «Т-34», как по команде «все вдруг», стальными волнами ринулись на предельных скоростях в атаку и врезались в расположение «тигровых» масс.

В этом проявилось стремление советских танкистов максимально использовать преимущество своих танков в маневре и выгоды удара из орудия в ближнем бою против «тигров» и «пантер». Это был единый порыв наших воинов к бою на самых близких дистанциях, где возрастает смертельная опасность, но дело идет о полном уничтожении врага.

Гвардейские полки, бригады, корпуса, ставшие знаменитыми в битвах за Москву и Сталинград, носившие славные имена «Сталинградский», «Донской», «Зимовниковский», «Тацинский», устремились на танковые дивизии СС «Адольф Гитлер», «Райх», «Викинг», «Тотенкопф» и другие, «прославившиеся» жестокостью и зверством, наглостью и мародерством.

Танки сталкивались лоб в лоб, таранили один другого тысячепудовой массой, стреляли в упор — башня в башню.

В боевых порядках танков и на флангах грохотали самоходные орудия, в небе летали стаи самолетов.

Все смешалось. Из-за дыма и пыли издали трудно было разобрать, где свои и где чужие.

Но с наблюдательных пунктов видели, как из глубины к обеим сторонам спешили новые колонны танков, как они вливались в район схваток, в зону уже чадающих черным дымом взрывающихся машин, сами вели огонь, сталкивались и откатывались друг от друга, снова сближались, стреляли, горели.

С каждым часом зона костров все расширялась по фронту и в глубину, местами скапливались, сгущались десятки костров, и среди них сотни танков продолжали ожесточенную стрельбу.

Встречное танковое сражение, в котором участвовали две тысячи танков, длилось полдня... Оно продолжалось и потом, то замирая на некоторых направлениях, то вспыхивая с новой силой.

Долог, очень долог изнурительно жаркий июльский день, и весь этот день советские войска атаковали, били врага.

К вечеру на всем поле боя валялись опрокинутые орудия, остовы сгоревших автомашин, черные корпуса танков, и всюду трупы, трупы...

Гитлеровцы не выдерживают. Откатывается назад их пехота, бежавшая за танками, отползают «тигры» задних эшелонов, все заметней увеличивается пространство между ними и подбитыми горящими «тиграми» первых эшелонов, а в это время свежие эшелоны «Т-34» усиливают натиск.

Не сразу и не всюду, а сначала на отдельных направлениях под ударами танкистов Кириченко, Бурдейного, Бахарова противник стал пятиться, искать рубежей, укрытий, чтобы перейти к обороне, по прежнему огрызаясь частым огнем и время от времени лихорадочно кидаясь в атаки.

Весь день горело, скрежетало великое сражение, все силы бросил враг в его грохочущее пекло, но успеха не добился.

Всю ночь обе стороны провели в маневрировании, рокировках, перегруппировках; всю ночь Ватутин укреплял стыки, организовывал взаимодействие своих соединений.

13 июля сражение продолжалось, но оно уже распадалось на ряд частных ожесточенных боев,

носивших то встречный характер, то характер наступления на перешедшего к обороне противника.

В ночь на 14-е противник снова пытался найти слабые места в нашей обороне, но всюду был отбит.

14 июля во второй половине дня фотограф одной из наших авиационных частей, обрабатывая фотопленку, заметил, что на ней проявились свежееотрытые окопы. Когда Ватутин взглянул на фотографию, не почувствовал, как с его плеч сползает гигантская тяжесть: противник на всем фронте переходил к обороне.

День 12 июля вошел в историю Великой Отечественной войны как день кризиса битвы на Курской дуге.

«Я находился на наблюдательном пункте на крыше одного из домов и наблюдал в бинокль за движением своих войск, — показывал впоследствии взятый в плен командир танковой дивизии СС «Мертвая голова» бригадефюрер Гельмут Беккер. — Все танковые дивизии развернулись точно по плану и двинулись, уверенные в успехе наступления. В этот момент я заметил на горизонте тучи пыли. Нельзя было разглядеть, кто их поднял, но они все увеличивались в размерах, а вскоре из этих туч стали появляться русские танки. «Это русские двинули свои резервы», — сказал я своему начальнику штаба и понял, что теперь наступление будет сорвано и что битву за Курок мы проиграли».

В тот же день, 12 июля, Ставка ввела в битву не только танковые резервы на решающем обояньском направлении. Был определен момент кризиса борьбы не только под Курском, но и на всем советско-германском фронте, и по приказу Ставки в наступление перешли ждавшие сигнала Западный и Брянский фронты.

Крах танкового наступления противника на Курской дуге явился началом катастрофы наступления

гитлеровской армии в летней кампании 1943 года, крахом наступательной стратегии Гитлера, началом общего победоносного контрнаступления Советской Армии.

* * *

Характерной чертой полководческого искусства Ватутина была его активность, стремление не давать противнику ни отдыха, ни срока. Так он действовал во всех операциях. Так произошло и на этот раз.

Если в ходе обороны Ватутин непрерывными контратаками сковывал противника, наносил ему потери, заставлял разбрасывать силы, то едва лишь фашистские войска попытались перейти к обороне, как Ватутин сильными ударами стал отбрасывать их на юг.

Гитлеровские дивизии отходили медленно, прикрываясь танковыми арьергардами.

Враг был еще очень силен.

И все же натиском с фронта и фланговыми ударами Ватутин заставил фашистское командование поспешно отвести свои части к исходному рубежу, с которого противник 5 июля начал наступление.

Гитлеровцы шли на Курск с приказом «вперед по трупам, пленных не брать!», а возвращались, оставив тысячи пленных, шагая назад по трупам десятков тысяч своих солдат.

Через двадцать суток после начала гитлеровского наступления войска Воронежского фронта снова вернулись в свои передовые траншеи, в которых они приняли первый удар врага, подошли к своему первому оборонительному рубежу, ставшему теперь таким значительным и еще более родным. Советские воины вернулись сюда, гордые тем, что не только отразили натиск, какого никогда не испытывали никакие войска в мире, не только отбросили противника в исходное положение, но сорвали его план взять реванш за Сталинград, развеяли фашистскую легенду о том, что германская армия летам всегда побеждает.

Оборонительная операция под Курском создала наивыгоднейшие условия для перехода наших войск — от обороны к контрнаступлению.

Сразу же, как только войска противника перешли к обороне на своем старом рубеже, Ватутин, не прекращая атак, стал готовить Воронежский фронт к решительному контрнаступлению.

Охваченные наступательным порывом, войска фронта рвались к новым боям. Надо было не дать противнику времени на приведение в порядок и усиление своих битых дивизий, не дать ему времени снова прочно занять оборону.

Но в этот момент Воронежский фронт получил указание Ставки прекратить атаки.

Можно было не сомневаться в том, что войска Воронежского фронта выполнили бы приказ Ватутина и сразу же после выхода на свои прежние рубежи прорвали оборону противника. Но какой бы это далось ценой? Оборона врага, построенная на большую глубину, была очень прочна.

Все это учитывала Ставка. Она знала также, что наступательный порыв наших войск очень велик, но уже 20 дней и 20 ночей наши войска не выходили из тяжелых боев; они понесли потери, нуждались в пополнении, в восстановлении боевой техники.

Казалось, целесообразней было дать войскам Воронежского фронта передышку и планомерно подготовить прорыв обороны. Правда, при этом получал передышку и противник, — он тоже мог укрепить свои силы.

Но 12 июля началось контрнаступление советских войск на других фронтах.

Перешли в контрнаступление Западный фронт под командованием генерала Соколовского, Брянский фронт под командованием генерала Попова, вел

наступление Центральный фронт под командованием генерала Рокоссовского.

Удары этих фронтов разваливали оборону противника на огромном протяжении. Чтобы отразить эти удары, противник мобилизовал все свои наличные резервы. Но фронты начинали наступление не сразу, а последовательно, и противник, бросив все резервы против Западного и Брянского фронтов, вынужден был снимать войска с других фронтов, чтобы остановить русских также и на Южном и Юго-Западном фронтах. Все наспех собранные дивизии противника уничтожались по частям, металась без пользы с одного направления на другое, теряя время в поездках и всюду опаздывая.

Пустив в ход все свои резервы, сняв дивизии, откуда только было возможно, гитлеровское командование, заметившее, что Воронежский фронт остановил свое наступление, стало перебрасывать дивизии с белгородско-харьковского плацдарма на орловский плацдарм и в Донбасс.

Цель, поставленная Ставкой: ударами на ряде направлений расшатать оборону противника, заставить его израсходовать свои оперативные резервы и сокрушить фронт обороны, была достигнута, общее контрнаступление успешно развивалось.

И вместе с этим гитлеровское командование израсходовало резервы, находившиеся против Воронежского фронта, ослабило свою оборону и там.

Вот почему Ставка приказала Ватутину остановиться, и он, получив средства усиления, должен был подготовить вместе с генералом Коневым наступление на харьковско-белгородский плацдарм.

Действия обоих фронтов объединял представитель Ставки маршал Жуков.

На Левобережной Украине

То, что через несколько часов после начала атаки становится ясным и кажется единственным верным решением каждому дилетанту, — где и как нанести главный удар противнику, где, какими силами, каким способом прорвать его оборону, — требует от полководца перед началом наступления мобилизации всего опыта и знаний.

Получив директиву Ставки, Ватутин снова склонился над картой театра военных действий. Опять, напрягая все силы, с чувством огромной ответственности вынашивал командующий фронтом новое решение.

Ему была ясна общая задача — вместе с войсками генерала Конева прорвать оборону противника и наступлением на запад, юго-запад рассечь харьковско-белгородскую группировку противника, обойти с запада и отрезать Харьков, окружать и уничтожать гитлеровские войска на Левобережной Украине.

Ватутин перешел к планированию операции наступления. Организовать эту операцию было нелегко: требовалось нанести удар по основной группировке противника, не обходя ее, а рассекая и уничтожая. Трудность состояла и в том, что перед основной оборонительной полосой противника находилось предполье и надо было определить, где проходит истинный передний край, пробиться к нему через предполье и безостановочно прорывать оборону дальше в глубину.

И снова час за часам, дни и ночи напролет видели Ватутина склоненным над картой с циркулем, линейкой и карандашами, и также без отдыха работали все отделы штаба.

За этой внешне «чертежной» работой и арифметическими подсчетами Ватутин и его штаб видели местность и время суток, бои и кровь, жизнь и смерть тысяч людей, движение масс, добивались на огромном пространстве объединения усилий, синхронизации ударов сотен тысяч солдат, тысяч танков, орудий, самолетов.

В точном математическом анализе вырисовывалась победа.

Ватутин, опытный генерал, обладал творческим воображением — полководческим предвидением событий.

И он знал: как ни трудно было положение противника на других направлениях, харьковско-белгородский плацдарм Гитлер будет удерживать во что бы то ни стало. Гитлеровская армия, проиграв стратегически, была еще сильна на отдельных участках и могла отчаянно сопротивляться.

Повинуясь творческому планированию, ночами совершалась перегруппировка советских войск, и в глубокой тайне они изготовились для наступления.

На направлении главного удара стало гвардейское стрелковое соединение генерала Жадова.

Ватутин и Хрущев видели героическую Сталинградскую пехоту в боях на прохоровском плацдарме, знали, что это соединение достойно сражалось под Сталинградом, и теперь ему поручалась ответственная, почетная задача — прорвать оборону противника и обеспечить ввод в прорыв мощных танковых соединений фронта.

На участок прорыва была подведена артиллерия генерала Варенцова, сюда нацеливалась авиация генерала Красовского и на этом же направлении сосредоточились соединения генералов Чистякова и Манагарова.

Утром 4 августа, в день, указанный Ставкой, тысячи орудий и минометов ударили по переднему краю и по всей тактической полосе обороны врага. Это был удар небывало возросшей силы советской артиллерии. Он был спланирован так, что для противника не оставалось возможности укрыться, переждать артиллерийскую подготовку, ему не оставлялось никакой надежды на спасение...

Могуче и грозно работала артиллерия генерала Королькова, потом наступала мертвая тишина, вслед за которой раздавался страшный рев и грохот реактивных снарядов и снова били и били орудия и минометы всех калибров.

Сверху оборону штурмовала авиация генерала Каманина

Высоко поднималась вздыбленная снарядами и бомбами сухая земля, медленно опадала вниз, но в воздухе оставалась высокая сплошная и непроницаемая завеса пыли. Солнечным августовским утром в расположении противника стало темно.

В точно указанный планом час, минута в минуту, генерал Жадов отдал приказ пехоте начать наступление, и генералы Родимцев и Козлов подняли свои стрелковые дивизии в атаку.

Удары нашей артиллерии ошеломили противника настолько, что его батареи не отвечали даже тогда, когда артиллеристы перенесли огонь и в атаку пошли пехота и танки.

Ошеломила не только уничтожающая сила ударов, но и внезапность.

Противник был захвачен врасплох. Как ни готовился он к отражению удара, но удар пришелся в момент, когда на переднем крае происходила смена дивизий. Фашистское командование не могло себе представить, что после кровопролитной битвы на Курской дуге

войска Воронежского фронта будут способны так скоро перейти к новому наступлению.

Советские войска прорвали тактическую полосу обороны противника.

Но участок прорыва был очень узок. На его флангах гитлеровцам удалось удержать крупные узлы сопротивления — Томаровку и Борисовку, имевшие сильные гарнизоны. С их стороны можно было ждать опасных атак по флангам наступающих войск. Противник мог закрыть прорыв и отсечь брошенные в глубину танковые соединения.

И все же Ватутин решительно и быстро, мастерски ввел в прорыв крупные танковые соединения генералов Катукова и Ротмистрова. Теперь к ним перешла главная роль в наступлении. Танкисты вырвались на оперативный простор и, громя резервы противника, спешившие заткнуть образовавшуюся брешь, в первый же день наступления перерезали основную дорогу, связывавшую белгородскую и томаровскую группировки.

Задача первого дня — труднейшего и многоопределяющего, — предусмотренная планом, была выполнена.

То, что не удалось гитлеровской армии, ее сильнейшим танковым дивизиям СС, которые в первый день наступления продвинулись с огромными потерями лишь на три-четыре километра, блестяще осуществили войска Ватутина.

Этот пример отлично иллюстрирует всю разницу между наступлением гитлеровской армии и Советской Армии.

Наступление Воронежского фронта началось и развивалось в условиях, подготовленных оборонительным сражением на (Курской дуге и контрнаступлением Западного, Брянского, Центрального, Юго-Западного, Южного фронтов,

сокрушавших вражескую оборону на протяжении 800 километров, сковавших и теперь уничтожавших ее резервы. Находясь в системе этих фронтов, Воронежский фронт мог действовать решительно и успешно.

При этом некоторые фронты, наступая последовательно, притянули на себя резервы противника, а Воронежский и Степной фронты, наоборот, ударили одновременно и еще больше дезориентировали гитлеровское командование.

Войска Воронежского фронта разворачивали действия на основе советской науки о наступлении и на основе оперативного искусства и тактики, резко отличных от тактики гитлеровской армии и превосходивших ее. Развитие наступления Советской Армии питалось все время могучими резервами страны.

Ударная группировка Воронежского и Степного фронтов была настолько сильной, что смогла сразу взломать оборону противника и развить тактический успех в успех оперативный.

Все это создавало совершенно иное качество наступления.

Несмотря на полный успех обороны в первый день битвы, второй день начался ожесточенными контратаками противника.

Подтягивая к участку прорыва свои крупные наземные резервы, гитлеровское командование одновременно бросало в контратаки находившиеся поблизости всевозможные части — учебные, саперные, тыловые, а главное, атаковало головные соединения Воронежского фронта своей тяжелой бомбардировочной и истребительной авиацией.

Белгородский, борисовский, томаровский узлы сопротивления продолжали оставаться в руках противника.

Ватутин, направив часть сил для блокады и уничтожения этих узлов сопротивления, решительно двигал вперед свои танковые соединения, которым вскоре удалось создать угрозу рассечения харьковской группировки противника.

Теперь гитлеровское командование, понявшее всю опасность, которую создало продвижение войск Ватутина, начало стягивать крупные силы.

Ватутин видел, что фланги и тылы его танковых соединений, ушедших далеко вперед, были открыты. И, несмотря на это, Ватутин приказал танкистам пробиться еще глубже в тылы противника. Это был риск, основанный на понимании природы борьбы, при которой чем глубже удар, тем беспомощней становится враг, тем выгодней не топтаться на месте, заслоняясь от контратак врага, а смело атаковать.

Смелый риск и расчет Ватутина принесли успех. Танковое соединение Катуква прорвалось в тыл противника, захватило город Богодухов, рассекло всю харьковско-белгородскую группировку врага надвое, овладело складами и базами с горючим, пополнило свои запасы и получило возможность, не дожидаясь подхода своих тылов, действовать дальше.

Ватутин ускорял наступление и стрелковых соединений. Они овладевали опорными пунктами, которые при стремительном прорыве наших танковых соединений в глубь обороты противника остались в его руках. Не уничтожив эти опорные пункты, не выкурив врага из каждой деревне, не сняв его засады, нельзя было обеспечить общего успеха операции.

Приходилось, развивая наступление, быстро сосредоточивать к очагам обороны пехоту, артиллерию, танки, нацеливать авиацию, в ходе маневра организовывать взаимодействие родов войск.

В этих боях проявилось дарование командиров соединений, которым Ватутин предоставил широкую

инициативу действий, проявились возможности всех родов войск.

Стрелковые полки генерала Бакланова прорвались в тыл противника, отрезали пути отхода 19-й танковой дивизии генерала Шмидта.

Гитлеровцы отчаянно пробивались через заслоны советских войск. В таких случаях, чуя смерть, фашисты озверело рвутся из окружения и очертя голову, не считаясь с потерши, идут в атаку. И теперь они атаковали десятки раз, в бой бросались офицерские группы, но вырваться фашистам не удалось. Большинство их было перебито, взято в плен.

Убит был и командир 19-й танковой дивизии генерал Шмидт, бросивший при бегстве свое генеральское обмундирование и личный дневник, в котором он описал неудачу (наступления гитлеровских войск на Курской дуге).

Особенно упорно цеплялись гитлеровцы за крупные населенные пункты Томаровка, Борисоека, Грайворон, Ахтырка и другие, но и здесь под ударами наших войск, под массированными налетами авиации и артиллерии вынуждены были отступить, неся большие потери.

Мощная группа нашей артиллерии совершила огневой налет на скопление противника у Ахтырк». Огонь велся из тяжелых орудий и реактивных установок всего три минуты, но в небывалом темпе. Это был, как рассказывали очевидцы, страшный гром с ясного неба, поразивший 10 тысяч солдат и офицеров противника. После этого налета гитлеровцы в течение нескольких дней хоронили убитых и вывозили из Ахтырки поезда с ранеными.

Войска противника, оборонявшие Харьков, оказались в опаснейшем положении. Дальнейшее продвижение Воронежского фронта рассекло последнюю коммуникацию, шедшую от Харькова на юго-запад. Это угрожало войскам, находившимся в

Полтаве, — советские войска нависали над всеми фашистскими войсками на юге Украины. К этому времени Степной фронт, сокрушая укрепления, построенные противником к северу от Харькова, с ожесточенными боями прорвался к городу. С востока и с юга подходили войска Юго-Западного фронта.

Как ни важны для противника были орловский плацдарм и рубеж на реке Миус, как ни опасно было положение на других направлениях, отовсюду снимались войска и перебрасывались на харьковско-белгородский плацдарм.

На исходе недели наступления войск Ватутина сопротивление противника резко возросло.

Наши танкисты, вклинившиеся в глубокий тыл вражеской обороны, ежечасно вносили изменения в обстановку.

Появление новых танковых дивизий СС, их ожесточенные атаки в разных направлениях еще более резко меняли обстановку.

Противник не только отстаивал направление на Полтаву и дорогу из Харькова на юго-запад как свой единственный путь к спасению, но решил уничтожить прорвавшиеся советские танковые соединения.

Снова столкнулись гвардейские танковые соединения с танковыми дивизиями СС. Это было единоборство пока еще равных сил. Победили советские танкисты.

Сквозь все тяготы борьбы проносил Ватутин свой план, осуществлял свою волю, навязывая ее врагу.

Бои развернулись на широчайших просторах Левобережной Украины,, принимали многообразные формы и требовали непрерывного маневрирования войск и широкой инициативы начальников всех степеней.

В то же время снабжение войск резко усложнилось, войска рассредоточивались на ряде направлений, наши

дивизии переслоились с частями противника. Обстановка временами бывала настолько неясной, особенно по ночам, что — нашим разведчикам приходилось в темноте иногда по разговору солдат, а иногда, ощупывая танки, определять свои это или чужие. В таких условиях самостоятельность действий наших соединений одновременно требовала твердого управления, непрерывной, единой целенаправленности. В противном случае действия Воронежского фронта распались бы «а ряд частных боев и не привели бы к общей цели.

Ватутин чаще, чем обычно, бывал в эти дни в войсках. Бои шли неделю за неделей — 20 суток. Перед этим Ватутин 20 суток руководил оборонительной операцией, затем 10 суток готовил наступление. Но он не поддавался усталости.

Днем и ночью появлялся генерал в штабах своих войск, на месте знакомился с положением, ориентировал командиров в обстановке на всем фронте, ставил новые задачи, организовывал взаимодействие.

Манштейн все еще пытался уничтожить главную группировку Воронежского фронта, охватывающую Харьков, или в крайнем случае обеспечить своим войскам свободный, организованный отход за Днепр.

И в этих боях вновь наглядно сказалась вся порочность гитлеровской стратегии. Некоторые частные тактические успехи гитлеровское командование принимало за возможность продолжать борьбу. Оно не желало признать, что, гонясь за тактическими победами, начисто проигрывает оперативно и стратегически. Удары танковых дивизий противника были еще опасны, но эти дивизии перемалывались в боях на левом фланге и в центре Воронежского фронта, тесно взаимодействующего со Степным фронтом, который в это время овладел Харьковом и наносил все возрастающие удары по

противнику, оттягивая часть его сил с Воронежского фронта. А на правом фланге Воронежского фронта развертывались многообещающие события. Наступавшие там соединения сломали сопротивление противника и открыли себе путь на запад.

С наибольшим успехом действовало соединение генерала Москаленко, которое быстро расширило прорыв обороны и решительно двинулось к Днепру.

Ватутин снова проявил гибкость управления войсками. Он немедленно усилил соединение генерала Москаленко танковыми частями генералов Полубоярова, Попова, Алексеева, артиллеристами генерала Королькова и поддержал авиацией, которая своими массированными ударами по врагу прокладывала путь нашим войскам.

Чтобы остановить опасное для немцев продвижение правого крыла Воронежского фронта, Манштейн непрерывно рокировал свои части на север, в то время как Ватутин, опережая Манштейна, рокировал на север, к своему правому флангу, резервы.

Войскам Воронежского фронта был дан приказ:

«Никакой передышки врагу! Вперед, на запад»

Успеху правого фланга Воронежского фронта способствовало то, что Ватутин умело воспользовался выгодной обстановкой, быстро рокировал часть своих резервов к правому флангу и смело двинул правофланговые армии на запад, к Днепру. Этому способствовало и то, что сосед Воронежского фронта — Центральный фронт под командованием Рокоссовского — в это же время также успешно развивал стремительное наступление на запад.

Харьковско-белгородский плацдарм был сокрушен объединенными усилиями Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов, и все они двинулись на Полтаву, Днепропетровск, Кременчуг, очищая Левобережье Украины от гитлеровских захватчиков.

Правофланговые армии Ватутина, а затем и весь фронт Ставка нацелила на Киев.

Ватутин получил директиву Ставки развивать стремительное наступление, форсировать Днепр и развернуть борьбу за Киев, за Правобережье Украины.

В сражениях за Днепр, за Киев

Разбитые в сражении под Курском, на Левобережье Украины, под Смоленском, в Донбассе, гитлеровские армии отступали на запад, за Днепр.

Несмотря на это, фашистская пропаганда заговорила о предстоящем поражении Советской Армии и о своей победе во второй мировой войне.

Потерпев поражение в летних наступательных боях на Курской дуге, гитлеровское командование перешло от стратегии наступления к стратегии обороны. Оно решило остановить советские войска на рубеже Днепра и начать затяжную борьбу, тяжелую, кровопролитную для наступающих советских войск.

Фашисты рассчитывали, что заинтересованные в затяжке войны империалисты Соединенных Штатов Америки и Англии пойдут на сговор о мире за счет Советского Союза, и уже вели с ними тайные переговоры.

Враги СССР исключали возможность форсирования Советской Армией Днепра с ходу сразу же после двухмесячного непрерывного наступления, во время которого советские войска с тяжелыми боями прошли почти 400 километров. Гитлеровские стратеги строили свои планы, не отдавая себе отчета в том, что им уже не дано планировать дальнейший ход войны. Ход войны планировало и направляло Верховное Командование Советской Армии.

Противник еще пытался оказать организованное сопротивление на рубеже рек, взрывал за собой мосты, уничтожал железнодорожные пути, отравлял колодцы и водоемы, непрерывно бомбил головные части наших войск. Против Ватутина на киевском направлении действовали двадцать дивизий, в том числе танковые и

моторизованные. Левый фланг Воронежского фронта вместе со Степным еще продолжал бои с полтавской группировкой противника.

В это время Ставка передала в распоряжение Ватутина танковое соединение генерала Рыбалко, стрелковые соединения генералов Черняховского, Пухова, кавалерийские части.

Очищая от гитлеровцев Левобережную Украину, Воронежский фронт успешно развивал наступление.

Великий наступательный порыв охватил советские войска.

— Украина зовет!

— На Киев!

— Топить вражью свору в Днепре!

— Слушай, Днепр! Сквозь бури боев идут к тебе советские воины!

Эти лозунги читал боец в газетах, листовках, на перекрестках военных дорог. Эти лозунги жили в душе каждого солдата.

Партийные и комсомольские организации фронта развернули широчайшую работу в массах. Лучшие коммунисты находились в передовых отрядах, шедших в авангарде войск фронта.

Коммунисты призывали к выполнению приказа командования, воспитывали чувство массового героизма. Они рассказывали воинам о положении на фронтах Отечественной войны и о трудовом подъеме, которым жила вся Советская страна. Это вдохновляло бойцов, звало к подвигам.

«Урал и Сибирь в твоём втором эшелоне, боец», — писали фронтовые газеты. А коммунисты рассказывали о новых победах советской индустрии, и победы эти были тем более наглядны, что из глубины страны шли эшелоны с танками, самолетами, орудиями, боеприпасами, продовольствием, горючим, снаряжением, обмундированием...

В те дни печать и радио передали Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда за особые заслуги перед Советской Родиной и доблестной Красной Армией членам Государственного Комитета Обороны товарищам Г. М. Маленкову, В. М. Молотову, А. И. Микояну. Войска знали, что руководители партии и правительства возглавляют дело обеспечения Советской Армии всем необходимым для разгрома врага, что, отмечая этой наградой их самоотверженный труд, народ отмечает величайшие успехи в укреплении могущества нашей Родины.

И. В. Сталин отдал приказ о представлении к награде высшими орденами и званием Героя Советского Союза всех отличившихся при форсировании Днепра.

Президиумом Верховного Совета был издан Указ о переименовании города Переяславля в Переяслав-Хмельницкий, где триста лет назад Переяславская Рада, руководимая Богданом Хмельницким, утвердила вечный союз украинского и русского народов; одновременно был издан Указ об учреждении ордена Богдана Хмельницкого.

Теперь, когда народы Советского Союза снова шли на помощь стонущей под игом немецко-фашистских поработителей Украине, когда главные силы Воронежского фронта прорывались к городу Переяслав-Хмельницкому, когда партизаны сообщали, что в этом городе, как и во всех городах оккупированной Украины, фашисты уничтожают украинских людей, когда бойцы воочию видели пепелища украинских сел, трупы детей, женщин и стариков, мудрые решения Советского правительства, отражающие историческую поступь народа, выражающие его вековые чаяния, с новой силой вдохновляли советских воинов на подвиги.

Наступление Советской Армии развернулось на протяжении двух тысяч километров. В центре этого

гигантского наступления шли к среднему течению Днепра, развивая успех, поддерживая друг друга, фронты Центральный, Воронежский и Степной, ставшие теперь 1-м Белорусским, 1-м Украинским и 2-м Украинским фронтами.

Каждый день, иногда по несколько раз в день, Москва салютовала фронтам, и каждый салют вызывал новый подъем в сердцах воинов.

Раненые не хотели уходить в госпитали.

Газета «За честь Родины» рассказала о том, как Ватутин, обгоняя трактор с орудием, увидел на лафете тяжело раненного бойца, остановился и обратился к нему:

— Что, брат, тяжело? В госпиталь тебе надо! Раненый, приподнявшись на локоть, ответил:

— Ось подывлюсь трохи на Днипро, тоди и в госпиталь.

Ватутин стал убеждать бойца ехать в госпиталь и тогда за раненого вступился старший сержант:

— Разрешите ему, товарищ генерал, остаться. Он родился тут, не хочет умирать, не увидев Днепра.

— Вылечится, выздоровеет и увидит Днепр, — настаивал Ватутин.

Именно в те дни напряженного наступления Военный Совет 1-го Украинского фронта решил развернуть сеть новых госпиталей в Сумской области, максимально приблизить их к войскам. В решении Военного Совета специально указывалось об оборудовании военно-автомобильных дорог медицинскими пунктами, банями, комнатами для ночлега, напоминалось начальникам дорог, чтобы они не забыли сделать на контрольно-пропускных пунктах, где скапливаются раненые, приставные лесенки, по которым раненому солдату легче подняться на автомашину.

Специальным приказом Ватутин и Хрущев указывали некоторым командирам на недостатки в обеспечении солдат вещевым довольствием, а через два дня новый приказ требовал усиления заготовок продовольствия и улучшения питания бойцов.

Неустанной заботой был окружен солдат, героически шедший с боями на запад, с волнением подсчитывающий ежедневно сотни, потом десятки километров, которые осталось ему пройти до Днепра.

Впереди войск 1-го Украинского фронта, ломая сопротивление вражеских арьергардов, безостановочно двигались танковые соединения генерала Рыбалко.

Стремительно шли к Днепру стрелковые соединения генерала Москаленко, которым суждено было сыграть важную роль в развернувшихся событиях.

То, о чем говорили командиры, политработники, то, а чем мечтал каждый солдат, — выполнить волю партии, освободить Украину, — теперь воплотилось в конкретную, но труднейшую задачу: выйти к Днепру, перешагнуть его и начать бои на Правобережье.

Люди забыли об отдыхе, о еде, не останавливались ни днем, ни ночью.

События внесли большие поправки в план штаба фронта. Как это часто бывает на войне, когда не только неудача, но и успех вызывает свои сложности, победоносное продвижение солдат к Днепру, перекрывшее максимальные скорости, заданные штабами, породило новые трудности.

Войска в своем стремлении вперед оторвались от баз снабжения, и никакие, даже наивысшие, темпы восстановления железных дорог не могли обеспечить движение поездов непосредственно за наступающими войсками.

А это привело к тому, что мощные переправочные средства и тяжелые конструкции днепровских мостов,

перевозившиеся в разобранном виде, не могли поспеть к началу форсирования Днепра.

Ватутин снова стоял перед трудной дилеммой.

Он мог подождать восстановления железных дорог, подвоза тяжелых переправочных средств и затем, подготовившись, начать форсирование, но при этом упустить время, дать возможность противнику укрепиться.

Ватутин отдал приказ войскам форсировать Днепр с ходу.

Он хорошо знал способность наших войск совершать то, что кажется невозможным. Учитывалось и то, что тяжелые переправочные средства могут быть подвезены, а мосты построены вскоре же после форсирования.

Характерно, что в это время Манштейн отдал приказ своей разведывательной авиации обнаружить, где следуют переправочные средства 1-го Украинского фронта. Противник искал их глубоко в тылу, на отдаленных от войск железнодорожных станциях, полагая, что без понтонных парков советские войска не смогут форсировать Днепр.

Но советскому генералу Ватутину было известно Другое.

Сражаясь на Северо-Западном фронте, Ватутин видел тысячи и тысячи рабочих, колхозников, служащих, строивших оборонительные рубежи для войск фронта. Его штаб с самого начала войны получал поддержку от партизанских отрядов, действовавших в тылу врага на территориях Ленинградской, Псковской областей, в лесах Белоруссии. Тысячи и тысячи советских людей поднимались в зимнюю вьюгу из казачьих станиц на Дону, чтобы расчистить пути войскам Ватутина, шедшим на разгром полчищ Манштейна.

Сейчас, ведя свои войска к Днепру, Ватутин знал, что их ждут там отряды украинских партизан.

Коммунистическая партия, организовавшая массы советских людей на борьбу в тылу врага, мудро и целенаправленно вела их на помощь Советской Армии.

Еще в 1942 году, в дни тяжелых боев в Сталинграде, в Новороссийске, у Моздока и Ржева, руководители партии, организаторы партизанской борьбы, думали о том, что на Украине и в Белоруссии нужна будет нашим войскам помощь партизан.

Весь мир замер тогда, ожидая, чем кончатся тяжелые бои под Москвой и на Кавказе, каков будет результат великой битвы на Дону и на Волге.

В это время командиров партизанских отрядов вызвали в Кремль на совещание с руководителями партии и правительства, и там было решено еще шире развернуть партизанскую борьбу и укрепить партизанские базы в Приднепровье.

Задолго до форсирования Днепра партизанские отряды получили указания разведать переправы на Днепре, подготовить и скрыть от противника переправочные средства, встретить Советскую Армию и помочь ей форсировать Днепр.

И теперь партизаны готовы были помочь Советской Армии не только разведкой и переправой; удерживая прибрежные леса, они заставили противника переправляться через Днепр в безлесных районах.

Двигая главную группировку 1-го Украинского фронта в район города Переяслав-Хмельницкого, южнее Киева, Ватутин знал, что там действует надежный отряд партизан имени Чапаева, руководимый Примаком и Ломако, а направляя армии правого крыла фронта севернее Киева, Ватутин помнил, что в междуречье Десны и Днепра сражается с гитлеровскими захватчиками другой сильный отряд партизан.

* * *

Успешное форсирование рек всегда считалось особым проявлением полководческого искусства генералов и доблести солдат, но редко стояли войска перед такой рекой, как Днепр, и никогда еще танковые соединения не форсировали с ходу такие реки.

Танковыми соединениями командовал генерал Рыбалко.

Рыбалко прошел солдатскую школу в первой мировой войне. В гражданскую войну он был политическим работником Первой Конной армии. Одаренный ясным, острым умом, Рыбалко быстро ориентировался в любой обстановке. С большим успехом водил он соединения в бои в зимнем наступлении 1943 года. С честью вышел из неудачных боев за Харьков в конце зимы 1943 года. Победоносно провел летом 1943 года наступление на орловском плацдарме и после отдыха войск стремительно вел их теперь к Днепру.

За 23 года до этого Рыбалко участвовал в знаменитом рейде Первой Конной армии по тылам армии Пилсудского, захватившей Киев и панически бежавшей из него под ударами конармейцев.

Танкисты готовы были форсировать Днепр и повторить этот рейд: ударить на Белую Церковь, на Житомир, пойти по следам Первой Конной армии.

Бесстрашный в бою, с большим чувством партийной ответственности, Рыбалко всегда готов был отвечать за свое смелое решение. Во время наступательного марша Рыбалко постоянно находился в войсках. Этого же он требовал от подчиненных ему командиров.

Сейчас, идя к Днепру, Рыбалко поручил командование передовым отрядом одному из лучших

генералов — командиру соединения Зеньковичу.

На предельной скорости вел Зенькович свой отряд к Днепру, и чем ближе он подходил к реке, тем тише становилось вокруг. Далеко позади на флангах остались разбитые части противника, уничтожаемые советской пехотой, а те, что уцелели, сломя голову бежали к переправам у Киева, где партизанам еще не удалось овладеть побережьем.

Здесь же, южнее Киева, где шли танкисты, исчезли даже маячившие против них подвижные арьергарды противника.

Танкисты мчались прибрежными лесами и с каждым километром все внимательнее вглядывались в карты, напряженной смотрели сквозь чащу леса, волнуясь, скоро ли Днепр. Они уже чувствовали его близость, уже влажный ветер ласково обдувал их разгоряченные лица.

И Днепр открылся им, переливаясь в лучах утреннего солнца, плеща на перекатах волнами, тихо катя их к отмели, навстречу победителям...

— Здравствуй, Днепр! Мы пришли, твои освободители! — оказал солдат, черпая руками искрящуюся воду.

В этот миг из глубины леса к танкистам бросились сотни вооруженных людей — неповторимо радостные, взволнованные, обнимали они танкистов, жали им руки, целовали.

Командир партизанского отряда Примак подошел к командиру передового танкового отряда, хотел четко по уставу его приветствовать, но слезы радости сдавили партизану горло, и, подавив спазмы, он только произнес:

— Как мы вас ждали, братья!

Партизаны сразу же построились во взводы, роты, чтобы вместе с танкистами форсировать Днепр, драться на его правом берегу. Они извлекали лодки со дна реки,

доставали их из-под стогов сена, с чердаков. Тут же жители прибрежного села сколачивали плоты и, не задумываясь, снимали для настила ворота, двери хат, отрывали доски полов, готовили переправы.

Зенькович построил свой отряд на берегу. Волны могучей реки катились перед танкистами. Противоположный берег круто вздымался на 70–100 метров над зеркалом реки, казался неприступным. Маленькие хатки белели вдали на фоне голубого неба.

В строю стояли молодые бойцы. Почти все комсомольцы. Когда командир спросил, кто из них первым сможет форсировать Днепр, все они, как один, шагнули вперед.

Разрешение получили Петухов, Иванов, Сысолятин, Семенов — уральский, сталинградский, вологодские комсомольцы. Василию Сысолятину и Николаю Петухову было по восемнадцать лет, Ивану Семенову девятнадцать, самому старшему, Василию Иванову, двадцать лет.

Маскируясь, они сбежали к воде. Там на лодке их ждал партизан. Уключины лодки были обмотаны тряпками, чтобы не слышно было скрипа. Комсомольцы достигли середины реки, перешли остров и сели во вторую лодку, приготовленную партизаном.

Теперь герои оказались на виду у врага. Вода вокруг лодки пузырилась от пуль. Разрывы мин поднимали смерчи воды. Лодку бросало из стороны в сторону, осколком расщепило корму, Семенова ранило в руку. Храбрецы налегли на весла, достигли мелководья, старший группы Петухов скомандовал: «За мной!»

Скрытые в «мертвом пространстве», не простреливаемом с отвесного берега, бойцы выбрались из воды. Перед ними был крутой подъем. Становясь на плечи друг другу, автоматчики взобрались наверх.

Четыре советских солдата из танкового соединения Рыбалко первыми ступили на правый берег Днепра. Они

были одни против многочисленных врагов, занимавших оборону.

Перебегая от холма к холму, маскируясь, ведя огонь из автоматов, бросая гранаты, бойцы добежали до окраины села Григоровка, в которой располагался саперный батальон противника. Автоматчики укрылись на чердаках окраинных хат и, продолжая вести огонь, дали -возможность отряду Зеньковича незаметно форсировать Днепр южнее Григоровки.

О подвиге героев поэт Александр Безыменский сложил песню, которую напечатала армейская газета «Во славу Родины»:

Поправив бинты перевязки кровавой,
Спросил командир боевой
– Кто первым рванется на берег, на правый,
– Сквозь толщу стены огневой?

–

И, сталь автомата воинственно тронув,
Шагнул Сысолятин вперед,
И с ним Иванов, Петухов и Семенов —
Лихой комсомольский народ.

Под грохот и свист огневой непогоды
К высотам плененной земли
Невзрачную лодку днепровские воды
Широкою грудью несли.

Четыре засады под зеленью спрятав,
Бойцы залегли за селом,
И хлынул на немцев огонь автоматов
Косым перекрестным дождем.

Четыре героя на берегу правом
Врага отвлекали стрельбой,
А наши полки навели переправу

И ринулись в яростный бой.

Им путь освещало веселое солнце,
Несли их тугие ветра
И пели про подвиг орлят-комсомольцев
Могучие воды Днепра.

Всем четверем комсомольцам-солдатам было присвоено звание Героя Советского Союза, их мраморные бюсты были установлены в Киевском историческом музее. К солдатам обратился с письмом Военный Совет фронта:

«Гвардии рядовым, комсомольцам Николаю Петухову, Ивану Семенову, Василию Сысолятину, Василию Иванову.

Горячо поздравляем вас с замечательным подвигом.

Ваша героическая переправа через Днепр, цепкое закрепление на правом берегу, готовность, не щадя жизни, отстаивать каждый клочок отвоеванной родной земли и неукротимо двигаться все дальше вперед — на запад — служит примером для всех воинов.

Вам выпала великая честь вызволять родную Украину, славный Киев из гитлеровской неволи, сражаться на Днепре — решающем рубеже, где мы должны сломать хребет фашистскому зверю.

Вы действуете, как суворовцы — смело, ловко, стремительно, и потому побеждаете.

Благодарим за честную солдатскую службу. Желаем дальнейших боевых успехов.

Командующий войсками Воронежского фронта генерал армии **Н. Ватутин.**

Член Военного Совета Воронежского фронта генерал-лейтенант **Н. Хрущев**

23 сентября 1943 года».

Подоспевшие на помощь четверем героям советские автоматчики захватили Григоровку и начали наступление на запад. Скоро появились фашистские самолеты. Прикатили автомашины с пехотой. Показались танки. Разгорелась борьба за плацдарм.

Впоследствии Иванов рассказывал, как он, оглянувшись, увидел, что погиб его друг Петухов, упал с раздробленным коленом Сысолятин, второй раз был ранен Семенов.

Геройски погиб в этом бою генерал Зенькович.

Командир батальона доложил Рыбалко, что батальон занимает восточную окраину Григоровки. Рыбалко спросил, почему не было донесения об оставлении центра и западной окраины села.

Комбат объяснил, что бойцы не оставили своих позиций, они геройски погибли, а живые продолжают борьбу.

Вместе с мотопехотой отважно дрались за плацдарм местные жители — партизаны. Плечом к плечу сражались отцы, сыновья, братья, женщины и подростки. Под огнем они перевозили с левого берега бойцов, доставляли патроны, эвакуировали на левый берег раненых.

Правее соединения генерала Рыбалко к Днепру подошло соединение генерала Москаленко.

Форсирование Днепра началось на широком фронте, в нескольких пунктах.

Плыли на понтонах, в рыбацких лодках, на плотках, сбитых из бочек, на сшитых плащ-палатках, набитых соломой, на бревнах. Советские воины захватили село Великий Букрин и расширили плацдарм, вошедший в историю войны под названием «букринский плацдарм».

На левом берегу колхозники вместе с саперами валили в лесу деревья, готовили сваи и уже строили мосты через Днепр для танков и тяжелых орудий.

А к противнику подходили все новые подкрепления.

На его стороне была разветвленная сеть хороших дорог, по которым гитлеровское командование со всех сторон гнало к Днепру дивизии и непрерывно атаковывало ими плацдарм.

Противник располагал у Киева большими аэродромами, на которых базировались его истребители и бомбардировщики, рвавшие теперь к плацдарму и переправам через Днепр.

В сентябре в штаб Манштейна приехал Гитлер. Были созваны фашистские генералы, которым Гитлер заявил, что больше нельзя отдавать ни пяди территории, что нужно держаться и побороть сталинградский психоз, что отныне Днепр будет рубежом, разделяющим обе армии. За отход от Днепра Гитлер приказал расстреливать каждого солдата и офицера и грозил смертью генералам. Сюда, к Днепру, он гнал все новые резервы.

Главная группировка 1-го Украинского фронта сделала то, что казалось невозможным: с ходу форсировала Днепр, захватила плацдарм на западном берегу, построила в неслыханно короткий срок мосты и перебросила на плацдарм танки и орудия.

Но развить наступление советские части на этот раз не смогли.

Правда, противнику не удалось ликвидировать плацдарм, захваченный Советской Армией, но гитлеровцы сумели его прочно блокировать.

* * *

В те дни, когда на плацдарме южнее Киева разгорелась напряженная борьба, такая же схватка завязалась и севернее Киева. Там переправлялись на правый берег стрелковые соединения генерала Чибисова и дрались за расширение плацдарма в крайне невыгодных условиях. Перед ними поднималась вверх крутая стена берега.

Взять эту твердыню с востока было невозможно. Тогда удар решили нанести еще севернее, где был пологий берег. Нашим войскам удалось переправиться и занять на правом берегу плацдарм до пяти километров в ширину и до двенадцати в глубину. Сюда, на помощь пехоте, спешили танки соединения генерала Кравченко. На пути к Днепру танкистам преградила дорогу Десна, широкая в этой местности, с не ровным руслом и быстрым течением. Она значительно уже Днепра, но чтобы ее форсировать, нужны тяжелые паромы или мосты.

«Родина приказывает нам быть на правом берегу реки!», «На волны Днепра!», «На запад!» — говорили командиры, политработники и агитаторы бойцам Слова эти повторялись в те дни как приказ, как клятва на всем тысячеверстном протяжении Днепра И сотни командиров, десятки тысяч бойцов стремились претворить их в жизнь.

Танкист лейтенант Пичко бросился в воду. За ним нырнул механик-водитель Кузьмин. Они исследовали дно и убедились, что если пересекать реку не прямо, а под углом и при этом обходить ямы и глубокие места, то можно перейти ее вброд. Танкисты обогрелись, снова вошли в воду и отметили вехами весь брод, тянувшийся почти на 200 метров.

Еще никогда и нигде танковые войска не преодолевали таких водных преград по дну.

Механиков-водителей собрали на берегу, объяснили им их задачу. Всю ночь экипажи готовились к необычному маршу. Расчет был на русскую смекалку, на технические знания, на опыт и боевую отвагу танкистов.

На рассвете лучшие механики-водители первыми вышли на берег, спустили свои танки в воду и пошли по Десне. Они вели машины вслепую, а сверху из башни наблюдал командир танка и определял направление.

Все танковое соединение генерала Кравченко проделало невиданный марш через Десну. Казалось, необычайные миноносцы стремительно идут по реке.

Неподалеку на легких понтонах переправлялась мотопехота, и один из стрелков изумленно кричал: «Смотрите, товарищи, что наши танкисты творят!»

Форсировав Десну, переправившись на пароме через Днепр, танкисты генерала Кравченко вышли на плацдарм. Его надо было расширить и удержать, чтобы отсюда начать наступление на Киев.

Расширить плацдарм можно было, атаковав противника с помощью пехоты. Но танкисты решили действовать иначе. Они форсировали и третью реку у Киева — болотистую Ирпень, вышли на ее западный берег и подошли к Киеву с северо-запада.

Тогда сильная группа фашистской пехоты и танков ударила от Киева на север, вдоль правого берега Днепра, стремясь отсечь советские войска от переправ, ликвидировать плацдарм и уничтожить находившиеся там советские стрелковые соединения.

Соединение Кравченко, в свою очередь, ударило на восток, к Днепру, отрезав от Киева наступающую на север вражескую группировку. Удар был нанесен ночью, через лесной массив, и оказался неожиданным и губительным для противника. Гитлеровцы бежали,

потеряв тысячи убитыми и ранеными, много орудий и минометов.

Теперь на обоих плацдармах установилось равновесие возможностей. Получилось так, что гитлеровцам не удалось сбросить армии Ватутина в Днепр, а советские войска прочно удерживали плацдармы, но не могли наступать дальше.

Ватутин усилил резервами свои войска на букринском плацдарме. Туда были доставлены боеприпасы, войска тщательно изготовились и начали наступление снова, чтобы прорвать оборону противника, получить свободу маневра и развернуть операции по освобождению Киева.

Ватутин стоял на командном пункте. Он видел, как с запада густым строем шли бомбардировщики противника. Сотни тяжелых бомб падали на плацдарм, сотрясая берег Днепра. Рядом с бомбами разрывались снаряды и мины, окутывая людей и атакующие танки пылью и дымом.

Противник успел захватить выгодный рубеж обороны. С его высот был виден и простреливался весь плацдарм с переправами на Днепре.

Наша пехота наступала снизу вверх, от берега на вздымающиеся над ним высоты. Она героически отвоевывала сотню за сотней метров, но прорвать рубеж противника не могла.

Советские танки, поддерживавшие пехоту, не могли развернуться для маневра, потому что на местности, изъеденной глубокими, оврагами, оставались только узкие дефиле, по которым приходилось наступать в узких боевых порядках.

На левый берег и на мосты непрерывно летели немецкие снаряды.

Командующему фронтом было невыразимо трудно признать, что и второе наступление терпит неудачу.

Ватутин спустился в блиндаж генерала Москаленко. Здесь же были генералы Трофименко и Рыбалко. Все склонились над картой плацдарма.

Оценивая свои действия, Ватутин считал, что он сделал все возможное для победы.

Войска форсировали широчайшую реку Европы, форсировали, как это и требовалось, от начала до конца со всей энергией, настойчивостью и решительностью. Завоевали два плацдарма севернее и южнее Киева, и, кроме этого, еще два плацдарма южнее Киева удерживали небольшие части войск генерала Москаленко.

На плацдармах сосредоточились крупные силы танков и артиллерии. С восточного берега артиллерия большой мощности, поддерживая действия войск на плацдарме, вела непрерывное единоборство с тяжелой артиллерией противника.

Как всегда, умело и героически действовала авиация фронта. Она боролась за господство в воздухе, сражалась с авиацией противника, не допуская ее к плацдарму и переправам, и в сотнях воздушных боев уже было сбито триста с лишним гитлеровских самолетов.

А решающего успеха все не было.

Долго, томительно долго стоял склоненный над картой командующий фронтом. За дверью блиндажа грохотал бой, поблизости рвались снаряды, сквозь щели между бревнами наката на оперативную карту после каждого взрыва тихо струился желтый песок.

Командиры соединений ждали решения командующего.

Хорошо зная свои войска, зная генералов Рыбалко, Москаленко и подошедшего им на помощь генерала Трофименко, Ватутин был уверен, что они не попросят разрешения остановить атаки. Ватутин понимал, что сделать это должен он...

Тяжелые часы переживал Ватутин: он должен был доложить в Ставку о неудаче.

Ватутин понимал, что неудача наступления еще не означает общей стратегической неудачи. Фронты, руководимые Ставкой, вышли к Днепру на семисоткилометровом фронте, от устья реки Сож до Запорожья, и захватили плацдармы на западном берегу.

То, что войска 1-го Украинского фронта, им руководимые, форсировали Днепр, удержали плацдармы, то, что многим солдатам и генералам присвоено звание Героя Советского Союза, не успокаивало Ватутина, а, наоборот, подчеркивало возможности фронта.

И тогда И. В. Сталин пришел на помощь командующему фронтом.

Он указал Ватутину новое решение.

Да, наступление на букриноком плацдарме надо признать неудачей 1-го Украинского фронта, но неудачей тактической. Сложившуюся обстановку требовалось использовать для победы оперативно-стратегического масштаба.

Действия советских войск на букриноком плацдарме притянули к нему главные силы киевской группировки противника и его резервы с ближайших фронтов. Надо было дальнейшими атаками сковать эти силы и убедить гитлеровское командование в том, что Ватутин по-прежнему ищет решения вопроса южнее Киева. В то же время, сняв с букринского плацдарма соединение Рыбалко и основную массу артиллерии и скрытно, молниеносным маневром перебросив их на северный плацдарм, можно было создать там подавляющий перевес сил и, ударив оттуда на юг, освободить Киев.

Риск, конечно, был очень большой. Если противник заметит этот маневр, он обрушится на ослабленный

букринский плацдарм и поставит его в тяжелое положение.

Маневр был сопряжен с тем, что предстояло переправляться с букриского плацдарма обратно на левый берег Днепра, а севернее Киева снова на правый берег и по пути переходить реку Десну.

Решить должно было искусство маневра, которым отличались и Ватутин и Рыбалко.

Наступление с северного плацдарма имело свои трудности: Киев прикрыт с севера лесным массивом, дачным районом Пуща Водица, превращенным в полосу засек, завалов, противотанковых рвов, укреплений. Оборона Киева была усилена двумя мощными рубежами, концы которых упирались в реки Днепр и Ирпень. Севернее Киева и в самом городе находилось шесть пехотных и три танковые дивизии.

Ватутин обязан был решительно и быстро прорвать всю оборону противника, иначе гитлеровское командование могло снять войска с букринского направления, перебросить их севернее Киева, и тогда маневр и новое наступление происходили бы в более трудных условиях.

* * *

С новой энергией взялся Ватутин за осуществление директивы Ставки. Сотни танков соединения Рыбалко «сотни орудий поднялись осенней ночью и начали стремительный ночной марш с южного плацдарма на северный. Их движение заглушала канонада, открытая батареями, оставшимися на букрином плацдарме,

С утра над Днепром поднялся туман, в его густой пелене противник не видел перемещения наших войск. Одиночные вражеские самолеты, пытавшиеся вести разведку, не пропускались нашими истребителями за линию Днепра.

Генерал Рыбалко лично руководил марш-маневром. Все штабы частей, все политработники контролировали дисциплину и маскировку марша.

В назначенные сроки все танки и орудия переправились через Десну и Днепр, сосредоточились на северном лютетском плацдарме и замаскировались.

На плацдарме стало тесно. Плотно расположились войска, боевые машины.

Войска рвались в бой за Киев. Солдаты клялись освободить столицу Украины. Генерал Черняховский писал Верховному Главнокомандованию: «За два с лишним года я никогда и ничего не просил. Сейчас прошу об одном — дать мне направление на Киев».

Лозунг политического управления фронта — «Судьба Киева в твоих руках» — владел сознанием всех воинов.

Первыми осуществили его в бою летчики 1-го Украинского фронта.

Киев еще был в руках гитлеровцев. Они изгоняли киевлян из домов, целые кварталы, особенно в центре,

были заняты эсесовцами, опутаны колючей проволокой; туда не допускались жители.

Киев был в фашистском плену, но небо над Киевом принадлежало советским летчикам. Они свободно проносились над городом, сжигали, сбрасывали на землю гитлеровские самолеты, и жители Киева и окрестных сел радовались подвигам советских соколов — первых предвестников скорого освобождения.

* * *

По плану разгрома гитлеровской группировки и освобождения Киева намечалось нанесение сильных ударов.

Подготовка к наступлению была быстро закончена, но беспокойство не покидало Ватутина до самого последнего момента. Он ни на минуту не забывал, что маневр и удар с северного плацдарма могут быть разгаданы противником. Поэтому, чем ближе было наступление с лютежского плацдарма, тем активней действовали войска, оставленные на букринском плацдарме, чтобы держать гитлеровцев в напряжении именно здесь.

Противник методично обстреливал северный плацдарм из тяжелых орудий.

Загорались дома в населенных пунктах. Войска зарывались в землю, солдаты укрывали в блиндажах детей, стариков. Еще строже становилась маскировка, и, стиснув зубы, под огневым налетом ждал солдат часа атаки, чтобы расправиться со злобным врагом.

Наступило 3 ноября 1943 года.

Из-за Днепра, сгоняя с плацдарма легкую дымку, поднялось солнце, осветило вершины могучих деревьев, скрывавших за собой древнейший город Руси, любимый народами Советского Союза Киев.

Ровно в 8.00 над Днепром, над рекой Ирпень загремела канонада.

Началась артиллерийская подготовка, в три раза более мощная, чем при прорыве обороны у Сталинграда.

Над лесом появилась авиация, разрывы бомб и снарядов рушили укрепления, валили огромные деревья, уничтожали оборону противника.

Генерал-фельдмаршал Манштейн, не веривший в возможность наступления крупных войсковых соединений через лесной массив севернее Киева, теперь пытался организовать сопротивление. В первую очередь он поднял в воздух эскадрильи своей авиации. Их встретили наши истребители, и над лесами, над водами Днепра и Ирпени началась сильнейшая воздушная схватка.

Пехота генерала Москаленко, наносившая удар на главном направлении, и поддерживающие ее танки генерала Кравченко пошли в атаку. Завязался тяжелый лесной бой.

Противник понес значительные потери от огня нашей артиллерии и авиации, но, пользуясь маскировкой в лесу, завалами, которые легко минировать, все-таки задерживал наступление. На лесных просеках, на полянах ползали «пантеры» и «тигры», подстерегавшие выход наших танков «Т-34», и лесное эхо далеко разносило грохот боя.

На утро второго дня к гитлеровцам стали прибывать танковые дивизии.

Манштейн, убедившись, что он прозевал маневр советских войск, что теряет свои позиции, гнал к Киеву резервы со всех направлений. Их задерживала ударами с воздуха наша штурмовая авиация.

Но Ватутин должен был спешить: Манштейн мог вновь организовать оборону на тыловых рубежах, тем более, что прорывать ее в лесу или на окраине города исключительно трудно. Необходимо было, не теряя ни часа, прорвать оборону еще глубже. На одном из участков это удалось, и все же весь день противник отчаянно сопротивлялся.

К вечеру разгорелся бой в тихом дачном поселке Пуща Водица, у белого здания детского санатория. Под ударами соединения генерала Москаленко здесь, в обороне врага, образовалась брешь.

Ватутин решил бросить в ночное наступление все танковое соединение генерала Рыбалко.

Рыбалко повел танки при полном свете всех фар и прожекторов, установленных на машинах; огонь вели все орудия и пулеметы.

Сказочно феерическая и потрясающе грозная картина возникла в дремучем лесу у берегов Ирпени, севернее Киева.

Глухой ноябрьской ночью, в непроглядной тьме леса вдруг встали гигантские стены света и, погнав перед собой тьму, обнажая укрепления противника, двинулись вперед.

А за лесом полыхал пожар. Это горел Киев. По танковым рациям было передано: во что бы то ни стало спасти город!

Гитлеровцы увидели меж гигантских дубов и сосен, казавшихся сейчас неправдоподобными, громады советских танков, извергавших трассирующие снаряды и разноцветные цепочки пуль.

С нарастающей силой танкисты атаковали противника, и он не выдержал натиска.

Танковое соединение Рыбалко прорвалось западнее Киева, рассекло дороги Киев — Коростень, Киев — Житомир, и противник почувствовал, что над ним захлопывается крышка западни.

Северо-западнее Киева развивало успех соединение генерала Черняховского.

В это время войска генерала Москаленко вместе с танкистами генерала Кравченко и чехословацкой бригадой ворвались в Киев.

На рассвете 6 ноября над зданием Центрального Комитета Коммунистической партии Украины взвилось красное знамя. Сама природа точно радовалась вместе с народом победе над врагом — утро встало солнечное, свежее. Ясно было голубое небо над Украиной.

У противника оставался один путь отступления — на города Васильков и Фастов. Но на юго-западной окраине Киева врага настигли тяжелые снаряды нашей артиллерии, а по всему пути бегства гитлеровцев преследовала ваша авиация.

Одна из сложнейших и трудных битв Великой Отечественной войны — битва за Киев — завершилась победоносным маневром и трехдневным сокрушительным наступлением.

6 ноября 1943 года, в канун годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, радио передало приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина генералу армии Ватутину:

«Войска 1-го УКРАИНСКОГО фронта в результате стремительно проведённой операции со смелым обходным манёвром сегодня, 6 ноября на рассвете, штурмом овладели столицей Советской Украины, городом КИЕВ — крупнейшим промышленным центром и важнейшим стратегическим узлом обороны немцев на правом берегу ДНЕПРА.

Со взятием КИЕВА нашими войсками захвачен важнейший и наивыгоднейший плацдарм на правом берегу ДНЕПРА, имеющий важное значение для изгнания немцев из правобережной Украины...»^[13].

Докладывая о положении в Киеве, Н. С. Хрущев писал И. В. Сталину:

«...Сейчас из окрестных лесов, болот, оврагов и кладбищенских склепов возвращаются большими группами киевляне. Они производят тяжелое впечатление от пережитых ужасов, издевательств и лишений. С непередаваемым волнением встречают жители города бойцов Красной Армии.

Мы сейчас занимаемся установлением порядка в городе, учетом сохранившегося имущества и

восстановлением важнейших отраслей городского хозяйства.

Частично взорванный немцами водопровод через несколько дней удастся восстановить, и мы дадим городу воду. Уцелевшее на заводах электрооборудование даст возможность через несколько дней обеспечить подачу городу около 1000 киловатт электроэнергии, чего хватит для первой очереди водопровода и освещения. На хлебозаводах сохранилось некоторое оборудование и несколько печей. Кроме того, будет использовано около 50-ти мелких хлебопекарен. Все это даст нам возможность через несколько дней организовать выпечку хлеба.

Принимаем все меры, чтобы как можно скорее построить железнодорожный мост через реку Днепр...».

7 ноября тысячи киевлян праздновали победу Великой Октябрьской социалистической революции, праздновали свое освобождение — победу Советских Вооруженных Сил над ордами фашизма.

* * *

В Киеве еще горели дома, еще пехота только достигла южной окраины города, а Ватутин уже развернул фронт на запад и юго-запад.

Обойдя и отрезав Киев, танковое соединение Рыбалко повернуло на юго-запад и стремительно шло главными силами на город Фастов.

Почему именно туда направил Ватутин удар танков?

Фастов — крупный узел на железной дороге, идущей с северо-запада на юго-восток по всему Правобережью почти параллельно течению Днепра. Такое рокадное направление дороги обеспечивало гитлеровскому командованию маневр резервами вдоль всего фронта.

Надо было рассечь коммуникации противника и тем самым обречь его войска на оперативное истощение, на потерю боеспособности.

Фастов был одним из самых важных железнодорожных узлов на коммуникациях противника, и туда Рыбалко нацелил соединения, которыми командовали генерал Панфилов и полковник Якубовский.

В это время Манштейн направил к Фастову 25-ю танковую дивизию генерала фон Шелла. Эта дивизия долго обучалась и отдыхала во Франции и Норвегии. Шелл, друг Гудериана, его коллега по рейхсверу и военному министерству, долгое время изучал в Америке вопросы моторизации и перед войной был главным консультантом Гитлера по моторизации фашистской армии.

Назначенный командиром дивизии, мечтавший об орденах и славе, он стремился на восточный фронт. Гудериан снабдил его дивизию лучшими танками, и

теперь Шелл спешил к Фастову. Фон Шелл вел 146-й и 147-й гренадерские полки, 9-й танковый полк и танковый истребительный батальон. В Фастове в его распоряжение поступали танковый полк дивизии СС «Райх» и резервные батальоны.

Навстречу Шеллу бежали из Киева разбитые там гитлеровские части, но 25-я танковая дивизия храбро шла на восток. Вдруг на танкетку, в которой ехал командир дивизии, ринулся из ночной тьмы русский танк «Т-34». Шелл едва спасся от его гусениц. В завязавшемся ожесточенном ночном бою фон Шелл пытался управлять своей дивизией, но Герой Советского Союза молодой полковник Якубовский, ученик генерала Рыбалко, командуя передовым отрядом, нанес первое поражение матерому фашистскому генералу. Подоспевшие танковые соединения, направленные в атаку генералом Петровым, вскоре сожгли почти все танки 25-й танковой дивизии.

Генерал Шелл пешком добрался до Белой Церкви и там прибил к штабу соседнего корпуса, еще не подвергшегося удару русских.

Гудериан меланхолично записал в своем дневнике, что ему «пришлось расформировать достойную сожаления 25-ю танковую дивизию», руководимую его другом, которую они оба так долго готовили к победам.

А соединения генерала Рыбалко не только упредили гитлеровские танковые дивизии, спешившие к Фастову с запада, но и обогнали поезда, шедшие туда же из Киева. И фашисты, избежавшие окружения в Киеве, попадали в руки танкистов на станции Фастов.

Вскоре кавалерийские соединения 1-го Украинского фронта взяли Житомир.

Вся Советская страна 7 ноября радостно отметила победы 1-го Украинского фронта. Войсковые части получили наименование Киевских, Житомирских,

Фастовских. Тысячи воинов были награждены орденами. Генералу Рыбалко и другим генералам, ~ офицерам и бойцам Советское правительство присвоило звание Героя Советского Союза.

После захвата Фастова Ватутин поставил генералу Рыбалко задачу продолжать наступление на юго-запад, захватить город и железнодорожный узел Казатин.

Рыбалко должен был рассечь вторую железнодорожную коммуникацию на Украине, шедшую вдоль фронта противника, и еще более важную, чем первая. Этот удар ставил войска противника в критическое положение.

Новая победа давалась танкистам легко, потому что деморализованный и разбитый под Киевом противник поспешно отходил на запад, юго-запад. Надо было теперь неотвязно его преследовать, чтобы на плечах отступавших ворваться в Казатин.

В это время Рыбалко доложил по телефону Ватутину, что наступать на Казатин он не может и просит разрешения перейти в Фастове к обороне.

Подлинное военное чутье, талант и опыт помогли генералу уловить в атмосфере событий изменения, которые не были заметны неопытному глазу.

Рыбалко первый допрашивал пленных 25-й танковой дивизии. Из их ответов он понял, что дивизия была поднята в Осло по тревоге, мчалась курьерскими поездами по Европе, обгоняя эшелоны с пехотными дивизиями, также спешившими к Киеву, что из Берлина стремительно двигалась танковая дивизия СС «Адольф Гитлер» и что должны подойти еще другие танковые дивизии.

— Следовательно, — сделал вывод Рыбалко, — атаки 25-й танковой дивизии — это не частный эпизод, а сосредоточение новой крупной танковой группировки. С какими целями? Очевидно, не обороняться, а наступать. Для арьергардных боев гитлеровцы не

расходуют свежие танковые дивизии, особенно дивизии СС.

Рыбалко был на поле боя и видел разгром 25-й танковой дивизии. Если доложить о бое, сообщив о потерях противника, то командующий фронтом может с одинаковым успехом сделать двоякий вывод: или 25-я дивизия пыталась только остановить наступление советских войск и была разбита во встречном бою, или дивизия хотела наступать дальше на Киев.

Рыбалко понимал, что важен не только отчет о потерях, о занятой территории, но и доклад о самом характере боя.

А он видел, что гитлеровцы атакуют так же, как они атаковывали, преследуя решительную цель и, главное, уверенные, что их поддержат другие дивизии. Поэтому тот факт, что 25-я танковая дивизия была разбита, не давал повода успокаиваться.

То едва уловимое в атмосфере, что носится вокруг, когда меняется фронтовая обстановка, и что совершенно незаметно неискушенному в боях человеку, улавливал опытный и талантливый Рыбалко.

К тому же он оценивал не только обстановку на фронте своего соединения, но смотрел значительно дальше. Он видел, что Житомир занят нашей кавалерией, не имеющей больших масс танков и орудий, что на фланге и позади наших танковых сил недостаточно артиллерии.

Танковое соединение, конечно, могло пойти вперед и захватить Казатин, но оно отдалялось тогда от важнейших направлений Житомир — Киев, Фастов — Киев, по которым противник мог пойти на Киев.

Все это было верно, однако Ватутин не дал генералу Рыбалко разрешения окончательно перейти к обороне.

Командующий фронтом также был прав.

Известно, что даже роте нужно время на переход от наступления к обороне. Еще труднее перейти к обороне

полку и дивизии, и очень сложен этот переход для корпуса, армии. Тем более не может скоропалительно изменять свои действия фронт.

Для того чтобы остановить наступление всего фронта, доложить об этом решении Ставке, командующий должен был иметь гораздо больше данных, чем имел их Рыбалко, тем более что другие соединения фронта успешно продолжали наступление.

И, как это часто бывает, оперативную задачу можно было решить двояко: защищать Киев, расположив войска в обороне, или, продолжая наступление и овладев Казатином, сорвать сосредоточение новой группировки противника и отбросить врага на запад.

Полководец Суворов учил своих генералов: «Я командую вправо, ты видишь — надо влево — меня не слушай — ты ближний!» Правда, как правило, Суворов всегда сам был «ближним», сам всегда наблюдал после боя. Задача командующего фронтом в настоящее время сложнее, чем во времена Суворова, — он не может всюду быть «ближним», он должен верить тем генералам и офицерам, которые сами наблюдают поле боя. Но Ватутин был генералом суворовского стиля, он стремился сочетать в себе качества руководителя «ближнего» и «дальнего», то есть оценивать обстановку издали, на всем фронте, в то же время лично наблюдать за ходом боевых действий.

Ватутин обещал Рыбалко приехать в Фастов и разрешил перейти к обороне на одну ночь, с тем чтобы быть готовым с утра возобновить наступление, если опасения не подтвердятся. Ночь должна была окончательно определить решение.

К вечеру генерал Красовский, получив все данные воздушной разведки за день, доложил Ватутину о сосредоточении новых резервов противника.

В ту ночь танковое соединение генерала Кравченко шло на юг в направлении Белая Церковь. Одна из его

частей под командованием полковника Овчаренко не-
ожидание ворвалась в расположение танковой
дивизии противника, разгромила штаб и захватила
оперативные документы. По документам Овчаренко
установил, что перед ним находится танковая дивизия
СС «Райх». Дивизия эта спешно перебрасывалась с
букринского плацдарма к Фастову.

Захваченные документы подтверждали также, что к
Фастову движется почти вся группировка,
находившаяся у Букрина, и, кроме того, из Германии,
Франции, Норвегии и Югославии спешно направляются
к Житомиру и Казатину свежие танковые и пехотные
дивизии

Гитлер, увидев, что теряет рубеж Днепра, стал
собирать резервы и теперь двинул их на Украину,
приказав любой ценой взять Киев и сбросить советские
войска в Днепр.

Ватутин доложил обо всем в Ставку, и войска 1-го
Украинского фронта получили указание перейти к
обороне.

Снова завязалось крупнейшее сражение за Киев, за
Правобережье Украины. Противнику удалось овладеть
Житомиром и развить наступление вдоль шоссе
Житомир — Киев.

У Фастова, южнее шоссе Житомир — Киев,
гитлеровцы были остановлены. Но однажды пасмурным
ноябрьским утром сотни фашистских танков смяли на
узком фронте одну из дивизий армии Черняховского,
находившуюся севернее шоссе, прорвались на фланг
армии и достигли реки Тетерев.

Над Киевом снова нависла угроза.

Гитлеровская печать затрезвонила о победоносном
наступлении фашистских войск и о неизбежном
поражении Советской Армии. Особые похвалы
относились к генералу Гассо фон Мантейфелю,
нынешнему наемнику Пентагона. Американцы

сообщают, что этот потомок фельдмаршала Мантейфеля, служившего королю Вильгельму I, удостоился за войну двадцати пяти аудиенций Гитлера и должен был, командуя вместо пресловутого генерала Роммеля его 7-й танковой «дивизией призраков», выполнить личный приказ «фюрера» — ворваться в Киев.

У американцев есть причины превозносить Мантейфеля потому, что, командуя танковой армией, он в 1944 году бил их во Франции. Но за год до этого 7-я танковая дивизия Мантейфеля — Роммеля была разгромлена под Житомиром танкистами генералов Кравченко и Полубоярова и действительно превратилась в «дивизию призраков». И ни Мантейфель, ни Манштейн, ни один гитлеровец не достиг Киева, хотя гитлеровское командование сосредоточило против 1-го Украинского фронта 51 дивизию, десять из них были танковыми.

Против Ватутина наступало почти в десять раз J.больше войск, чем против любого из американских или английских генералов и фельдмаршалов, «действовавших» в то время на разных фронтах войны. В боях у города Фастов и безвестного села Кочерово, у станции Тетерев участвовало больше танков, чем в любом из «сражений», сомнительную славу которых пыталась раздуть английская и американская пресса.

Танковые дивизии Гитлера подступали к Киеву все ближе и ближе.

В это время в городе был назначен митинг трудящихся, посвященный освобождению столицы Украины.

Канонада уже явственно слышалась на улицах города, но Хрущев и Ватутин не отменили митинга. Они верили, что враг не достигнет Киева, потому что знали стойкость своих войск, знали силы резервов, которые

шли из глубины страны на защиту Киева, на освобождение Правобережной Украины.

Соединение за соединением — танковые, артиллерийские, стрелковые, пополненные и отдохнувшие после боев на Курской дуге, — спешили на поездах и машинах по наведенным на Днепре мостам, быстро выгружались западнее Киева и с ходу переходили в контратаки.

Соединение генерала Полубоярова прибывало в эшелонах к станции Тетерев, когда на станцию ворвались полки танковой дивизии СС «Адольф Гитлер».

Не медля ни минуты, прямо с платформ открыли советские танкисты огонь по вражеским танкам, въехали на станцию и, развернув на платформах свои «Т-34», соскочили на рельсы, бросились в атаку.

Танковые соединения Рыбалко и Кравченко перехватывали пути наступления противника, а когда тот, маневрируя, устремился на север, чтобы оттуда подойти к Киеву, советские танкисты контрманевром снова становились у него на пути.

Новой славой покрыли себя артиллеристы, отразившие главный удар немецких танков у города Брусилова.

Полки орудий большой мощности в течение двух недель вели огневые бои с тяжелыми танками врага, и от ударов советских снарядов разлеталась на куски броня «пантер» и «тигров».

За щитом войск 1-го Украинского фронта, под грохот советских танков, шедших по бульвару имени Шевченко на запад, на защиту Киева, под гул советских самолетов, проносившихся на запад из-за Днепра, собрались на митинг у памятника Тарасу Шевченко жители Киева.

От имени красноармейцев, офицеров и генералов Маршал Советского Союза Жуков передал киевлянам

сердечный привет и поздравления с освобождением от фашистской оккупации.

— Гитлеровские оккупанты, — говорил он, — познали уже крепость ударов Красной Армии под Белгородом, Харьковом, Полтавой, в Донбассе. Отступая за Днепр, они надеялись передохнуть и выждать время для того, чтобы нанести нам удар, чтобы расправиться с Красной Армией за те поражения, которые она нанесла немцам текущим летом.

Они действительно лелеяли такие надежды. Им действительно эта передышка была очень и очень нужна. Они думали отсидеться за такой крепкой естественной преградой, как Днепр, поднять дух своей армии и веру в возможность своей победы. Но они понесли поражение под Киевом. Это такое поражение, которого они не ожидали.

На далеких подступах к Киеву немцы собрали серьезный кулак. Они стянули десятки дивизий, среди них 10 танковых, и пытались перейти в наступление. В течение последних двух недель немцы отчаянно рвались вновь к Днепру и Киеву. Но из этих попыток ничего не вышло. Немцы понесли колоссальные потери...

Красная Армия била, бьет и будет бить проклятого врага. Она била его летом, бьет осенью и нещадно будет бить зимой.

Мы будем бить противника до тех пор, пока не добьемся окончательной победы...

Киевлян поздравил командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Ватутин. Он передал боевой привет трудящимся Киева от генералов и офицеров, солдат и сержантов войск 1-го Украинского фронта.

— Огромное стремление к Днепру, — говорил Ватутин, — стремление на плечах противника форсировать эту могучую водную преграду привело к тому, что части Красной Армии в кратчайший срок

очистили от врага всю Левобережную Украину и перевалили на правый берег. Этот порыв создал тысячи Героев Советского Союза, показавших свою богатырскую силу и невиданный героизм. Каждый боец, офицер и генерал 1-го Украинского фронта видел перед собой наш родной Киев. Верховный Главнокомандующий дал приказ войскам 1-го Украинского фронта овладеть Киевом 6 ноября. Этот приказ был точно выполнен. Наш родной Киев освобожден от врага.

Мы провозглашаем великую славу советскому Киеву! Честь и слава героям Киевской битвы!

Разрешите заверить вас, товарищи киевляне, в том, что войска нашего фронта сделают все, чтобы ускорить окончательную победу над коварным врагом.

С речью на митинге выступил товарищ Хрущев.

— Мы выражаем благодарность генералам, офицерам и бойцам доблестной Красной Армии, которые героически боролись и освободили Киев, — говорил Никита Сергеевич.

Замечательная организация боя, стремительный удар по врагу спасли город Киев и спасли киевлян. Как богатыри, сражались бойцы и командиры за наш советский Киев. Некоторые из них героически пали <в борьбе за наш город, за очищение нашей великой Родины от фашистских захватчиков. Вечная слава павшим бойцам и командирам!..

Фашисты, пришедшие к нам на Украину, залили кровью нашу землю, осквернили ее, произвели огромные опустошения, разорения, много замучили и уничтожили наших людей. В одном лишь Киеве эсесовцы замучили и расстреляли огромное количество ни в чем не повинных людей. Гитлеровские изверги производили облавы, хватали на улицах, охотились за людьми с собаками и увозили всех, кто еще мог держаться на ногах, в Германию, на каторгу. Они

сожгли и разрушили старинный Киевский университет, Индустриальный институт, Киевскую консерваторию, Институт пищевой промышленности, Сельскохозяйственный институт, Лесотехнический институт... Сожгли 36 школ, 4 театра, 5 кинотеатров, сожгли 2 500 домов... Разрушили завод «Большевик», 6 хлебозаводов, мясокомбинат. Много горя принесли нашим людям фашисты. Это горе не только не сломило, — а, наоборот, укрепило нашу волю, нашу непреклонность полностью разгромить ненавистного захватчика.

Героический советский народ нанес сокрушительный удар гитлеровским варварам и сейчас победоносно продолжает изгонять фашистскую нечисть с нашей священной земли.

Недалек тот день, когда вся земля Советского Союза будет очищена от немецких захватчиков...

На митинге выступали рабочие и колхозники, ученые и писатели.

Речи их были полны безграничной благодарности великому русскому народу, народам Советского Союза, шедшим с востока, из-за Днепра, на помощь украинскому народу.

И в час своего спасения от гитлеровского рабства люди Украины обратились с историческим письмом к великому русскому народу:

«6 ноября 1943 года Красная Армия освободила город Киев от немецких захватчиков. Наш златоглавый Киев — колыбель славы русского и украинского народов — снова свободный, снова советский. В лоно матери-Украины возвращена ее первая столица, древняя святыня всех славян.

В глубине веков, на заре истории из одного корня выросли, из одной семьи вышли «два единокровных брата — великие народы русский и украинский. Киев был матерью их городов. Славные ратные подвиги

князей, богатырей, воинов киевских в борьбе с хозарами, половцами, печенегами, татарами сияют неугасимым светом на страницах истории нашей Родины. И лишь тогда враги славян имели перевес, когда земли славянские были разъединены, когда не было между ними согласия, единства и дружбы.

Тогда же, когда Александр Невский объединил русские дружины, а Данила Галицкий собрал воинов украинской земли, — почти одновременным ударом с юга и с севера братские народы разгромили орды немецких псов-рыцарей, извечных врагов славян. Так в освободительных битвах крепло наше единство и взаимопомощь.

В Киеве и Переяславе великий гетман Богдан Хмельницкий положил основу вечной дружбы и вечного союза украинского и русского народов. Три столетия, истекшие со дня Переяславской Рады, проверили и укрепили этот союз. Укреплялся союз в общей борьбе обоих наших народов с угнетателем — царизмом, ненавидевшим, боявшимся того чувства братства и дружбы, которое росло и расцветало в сердцах русских и украинцев. Это чувство в глубине души народной закалялось, как светлый меч, против всех врагов обоих наших великих народов. И в решающих битвах истории дружными рядами стояли народы русский и украинский, давая беспощадный отпор всем, кто посягал на их землю и свободу, кто хотел посеять между ними вражду, кто пытался силой разъединить их.

В войнах с шляхетской Польшей, в битве под Полтавой, в походах Суворова, в армиях Кутузова, в полках Чапаева, Щорса и Боженко — всюду, где решалась судьба русского и украинского народов, где стоял вопрос о жизни и смерти этих двух народов, — везде и всегда народы-братья стояли вместе, вместе воевали и вместе побеждали.

Лучшие люди России и Украины показывают бессмертные примеры дружбы и взаимного уважения между нашими народами. Это святое чувство вдохновляло Рылеева и Котляревского, Гоголя и Герцена, Шевченко и Чернышевского, Горького и Коцюбинского. Великий сын России, всевидящий учитель человечества Ленин завещал нам дружбу и единство с русским народом, как непоколебимый залог свободы Украины. Украина может быть свободной только в союзе с русским народом, — так говорил Ленин...»

В письме говорилось о том, что под руководством Коммунистической партии в дни Великой Октябрьской революции русский и украинский народы вместе с другими братскими народами свергли ненавистный царский режим и основали государство счастья и благополучия народов, государство трудящихся — Советский Союз.

Украинский народ писал о том, что двадцать пять лет беспримерной борьбы и вдохновенного труда увенчали страну небывалым цветом свободы и радости. «Русский и украинский народы показывали пример, шли вперед, помогали всем народам СССР. Для Украины сбылись те светлые мечты о ее будущем, которые высказал Тарас Шевченко в вещих словах о семье вольной, новой. Сбылись пророческие слова Ивана Франко о времени, когда Украина засияет своим искристым ликом в кругу свободных народов».

Только в Советском Союзе, только под руководством Коммунистической партии, только в дружбе с русским народом и при его помощи могла так пышно и прекрасно расцвести Украина — ее промышленность, ее сельское хозяйство, ее наука и искусство. Только в Советском Союзе, только под руководством Коммунистической партии, только в дружбе с русским народом и при его помощи могло осуществиться

извечное стремление украинского народа — воссоединение всех украинских земель в едином Советском государстве.

«Освобожденные из-под ига польской шляхты, от оков румынских бояр, украинские земли объединились со своей великой матерью — Советской Украиной. В кругу свободных советских народов создавал свою счастливую жизнь, свое государство, свою культуру украинский народ, впервые в истории воссоединенный, свободный и державный».

Словно величественный сад, развивалась и процветала вся советская земля, когда гитлеровская Германия коварно, по-разбойничьи напала на нашу Родину. Немецкие людоеды опустошали и грабили нивы и заводы, города и села.

«Они замучили сотни тысяч наших людей, сотни тысяч выгнали из родных мест на каторгу и смерть, — говорилось в письме. — Но ни смерть, ни издевательства, ни муки, ни пытки не смогли сломить свободолюбивого духа украинского народа. Он рядом с народом русским и другими советскими народами вступил в беспощадную борьбу с немецким нашествием. Украинский народ знал, что без помощи великого русского народа он не сможет прогнать со своих земель немецких угнетателей, погибнет в немецкой тюрьме, потеряет свободу и государственность, язык и культуру, станет быдлом немецких грабителей, их вековым невольником. И вот в огне Отечественной войны выковалась такая дружба и такое единство Украины и России, каких еще никогда не бывало и какие не поколеблются никогда. Благодаря помощи и дружбе великого русского народа мы теперь видим свободными, советскими все земли Левобережной Украины, огромные просторы правого берега и славную столицу нашу — Киев, а вскоре и вся Украина очистится от гитлеровской погани, воспрянет в радости и счастье,

в вечном союзе и дружбе со всеми советскими народами. Пока существует братство и тесный союз между нашими народами, — никогда никто не поработит нас Народы русский и украинский шли и будут идти в истории рядом, жили и будут жить вместе, вместе будут работать и побеждать. Мы навеки соединили наши пути, наши судьбы, наши сердца, — и этим обеспечили себе и своим потомкам радостное светлое будущее».

Глубоко волнующими словами заканчивалось это письмо:

«Сегодняшний день — исторический день. На высоких киевских горах, увенчанных алым стягом, стоим мы и смотрим на Восток. Там — земли великого русского народа. Оттуда пришла свобода. И в освобожденном от немецкого нашествия Киеве от всего сердца славим мы вечную дружбу и союз бессмертных народов — русского и украинского.

Всенародно утверждаем: свобода и счастье Украины — в непоколебимом союзе с русским народом и всеми советскими народами-братьями. Всенародно клянемся крепить этот священный и добротворный союз. И клятву свою завещаем нашим детям, нашим потомкам на веки вечные.

Благодарность великому народу русскому за дружбу и помощь в боях, за помощь в освобождении столицы Украины — великого Киева!

Благодарность всем советским народам — братьям, крови и жизни своей не щадящим для изгнания немчуры с украинской земли!

Да воссияет, в веках наше всепобеждающее единство, наше несокрушимое братство!

Великому народу русскому и всем советским народам — братьям — слава!»

Победа на Правобережной Украине. Смерть полководца

Шли последние недели 1943 года, ознаменовавшегося победами под Сталинградом, на Курской дуге, на Днепре, — год коренного перелома в Великой Отечественной войне Советского Союза.

Бои 1-го Украинского фронта за Киев, за киевский плацдарм, длившиеся без перерыва почти три месяца, окончательно измотали противника, и он перешел к обороне, рассчитывая, что советские войска также обессилели и оперативная пауза будет длиться долго.

От своих замыслов гитлеровское командование все же не отказалось, намереваясь возобновить борьбу и одержать победу.

Большинство всех танковых дивизий фашистской армии было переброшено на Правобережье Украины.

Против всех основных танковых сил гитлеровской Германии Ставка Верховного Главнокомандования сосредоточила на 1-м Украинском фронте основные танковые силы Советской Армии.

Тот факт, что Ставка передала в распоряжение Ватутина главные танковые силы страны, гвардейские танковые соединения, свидетельствует о том, на каком стратегически важном направлении действовал 1-й Украинский фронт, о том большом доверии, которое оказывалось Ватутину.

Равнинам Правобережной Украины суждено было стать ареной новых величайших сражений. Здесь врагу был нанесен мощный удар, рассекающий надвое, а затем раскалывающий на мелкие части всю оборону.

Ночным налетом танкисты генерала Катукова овладели станцией и городом Казатин. Все попытки

противника вернуть Казатин были отбиты. Вторая на Украине важнейшая коммуникация гитлеровской армии была парализована в одном из самых уязвимых узлов.

В ночь на 1 января 1944 года войска Рыбалко вновь овладели Житомиром, освободив его навсегда от фашистов.

1944 год — год десяти сокрушительных ударов Советской Армии, год решающих побед — начался наступлением 1-го Украинского фронта.

Потери противника были огромны, но он все еще сопротивлялся. На отдельных направлениях, подтянув войска, гитлеровцы наносили контрудары.

Им удалось перебросить из-под Ленинграда и из Германии резервные корпуса, атаковать войска Катуква и Москаленко и создать острое положение у Жмеринки и Винницы. Крупные силы пехоты и танков наступали на 1-й Украинский фронт со стороны Винницы. Но отдельные тактические успехи опять вели гитлеровцев к оперативным поражениям.

Едва ушли резервные корпуса противника с Ленинградского фронта, как там началось наступление советских войск. Фашисты пытались пробиться вперед на 1-м Украинском фронте, а в это время успешно продвинулся на запад 2-й Украинский фронт под командованием генерала армии Конева.

В такой обстановке на Украине началась операция по окружению десяти гитлеровских дивизий. У Корсунь-Шевченковского советские войска устроили гитлеровцам новый Сталинград.

* * *

С первого взгляда кажется непонятным, почему гитлеровские дивизии остались у Корсунь-Шевченковского в условиях, при которых их окружение было неизбежным.

Гитлеровское командование не могло не видеть, что левофланговые армии 1-го Украинского фронта, спускаясь на юг, охватывают корсунь-шевченковскую группировку с севера и с запада, а правофланговые армии 2-го Украинского фронта, двигаясь на запад, охватывают ее с юга.

С востока действия гитлеровцев были ограничены Днестром. Расстояние между этой группировкой и основными силами германской армии увеличивалось. Центр 1-го Украинского фронта, выходя на линию Житомир — Казатин, удлинял это расстояние еще больше, а правый фланг уже ушел от Днестра на сотни километров. И все же 10 гитлеровских дивизий держались на берегу Днестра.

Конечно, это была оперативная несуразность, которую даже гитлеровские генералы редко допускали, тем более, что после Сталинграда немцы боялись окружения. В данном же случае гитлеровские стратеги имели свои, как им казалось, далеко идущие планы. Эти планы становятся ясными, если рассмотреть расположение корсунь-шевченковской группировки и учесть обстановку, в которую попал противник.

Гитлеровское командование, потеряв навсегда возможность вести стратегическое наступление, теряло в битве за Днестр и возможность осуществить стратегию обороны.

Этот крах стратегии наступления и стратегии обороны означал, что другой стратегии у гитлеровского

командования быть не может, ибо ее нет в природе. Оставалась все та же стратегическая авантюра, и в нее Гитлер кинулся опять, надеясь спасти положение.

И хотя корсунь-шевченковской группировке грозила гибель, Гитлер держал войска на месте, потому что, оставаясь на Днестре, они, во-первых, угрожали левому флангу и тылу 1-го Украинского фронта и, во-вторых, при наступлении вдоль Днестра на север выходили на глубокие тылы советских войск.

Что именно это имел в виду Гитлер, подтверждалось переброской новых резервов противника в район Казатин, Винница, Умань. Кроме того, оставаясь у Днестра, на стыке 1-го и 2-го Украинских фронтов, корсунь-шевченковская группировка разъединяла эти фронты, сковывала их фланги.

Наконец, группировка оставалась на месте еще потому, что гитлеровцы опять (в который раз!) не верили в то, что Советская Армия может осуществить новую крупную операцию.

Зима 1943/44 года на Украине выдалась очень мягкая, с частыми оттепелями, снегами и дождями. Все зимние месяцы стояла распутица, какой не знали местные жители с незапамятных времен. Все остановилось. Стояли автомашины, не поднимались с раскисших аэродромов бомбардировщики; летали только «У-2» да ползали танки и тракторы.

Ставка Верховного Главнокомандования решила именно в таких условиях продолжать наступление, чтобы обеспечить внезапность удара и решительным, быстрым маневром окружить и уничтожить корсунь-шевченковскую группировку.

То, о чем мечтали полководцы всех времен — окружить и полностью уничтожить большие войсковые массы противника — стало в наступательных операциях Советской Армии ведущей формой боевых действий.

Генералы Ватутин и Конев, действия которых объединял маршал Жуков, еще раз продемонстрировали пример проведения большой сложной операции на окружение и полное уничтожение врага.

Эту операцию осуществили войска смежных флангов 1-го и 2-го Украинских фронтов. Левофланговые войска Ватутина двинулись на восток, а навстречу им на запад пошли правофланговые войска генерала Конева.

Соединение генерала Кравченко, которое замыкало кольцо окружения вокруг армии Паулюса у Сталинграда, теперь прорвалось в тыл противника и вместе с танковым соединением генерала Ротмистрова замкнуло кольцо окружения вокруг корсунь-шевченковской группировки.

Теперь требовалось удержать противника в окружении.

Ликвидацией корсунь-шевченковской группировки руководил генерал Конев, объединивший все войска, блокировавшие противника.

Ватутин должен был отразить контрудары крупных сил противника, наступавших к Корсунь-Шевченковскому со стороны Винницы, Умани.

Манштейн ежедневно посылал окруженным радиogramмы с обещанием выволить их в кратчайший срок.

Гитлер клятвенно заверял, что на этот раз он не даст погибнуть своим окруженным дивизиям, и, как всегда, требовал держаться до последнего солдата.

Подгоняемая Гитлером группировка генерал-полковника Хубе в составе восьми танковых и пяти пехотных дивизий пробивалась « Днепру. Ей уже оставалось прорвать полосу шириной с десятков километров, чтобы соединиться с окруженными дивизиями. Но на последних километрах противника

остановили и отбросили на запад советские пехотинцы, артиллеристы, танкисты.

Манштейн снова собрал танковую группировку, почти целиком состоявшую из «пантер» и «тигров», и опять погнал Хубе вперед. Навстречу ему из района окружения вел атаки генерал Штеммерман.

Когда Хубе и Штеммерману осталось пройти уже всего несколько километров, чтобы соединиться, новые сокрушительные удары соединения генерала Богданова по вершине и основанию танковой группировки отбросили ее далеко от окруженных дивизий. Тем временем войска маршала Конева гнали контратаковавшего противника на юг и на запад и все решительней сжимали кольцо окружения.

Бои происходили в неимоверно тяжелых условиях. Солдатам приходилось на руках перекатывать орудия, утопавшие в глубокой вязкой грязи, на руках подносить тяжелые снаряды.

Днем лили дожди, а ночами выпадал снег. Но все вынесли советские солдаты.

Корсунь-шевченковская группировка противника была ликвидирована.

Гитлеровцы потеряли в этом котле 10 дивизий и одну бригаду, 80 тысяч солдат, 270 танков, 108 самоходных орудий, 1 100 полевых орудий, 1 000 самолетов.

Сотни танков и 20 тысяч солдат потеряла группировка Хубе, так и не выполнившая приказа Манштейна и не спасшая престижа Гитлера.

* * *

Участвуя вместе с генералом Коневым в разгроме корсунь-шевченковской группировки, Ватутин продолжал в то же время руководить наступлением войск в центре и на правом фланге фронта.

Даже для Ватутина, привыкшего к операциям крупного масштаба, это наступление было грандиозным.

1-й Украинский фронт развернулся на громадном пространстве. Правое крыло фронта было в Западном Полесье, а войска левого крыла дрались у Корсунь-Шевченковского, близ Днепра.

Подобно бурному весеннему разливу, безостановочно наступали советские войска, нанося противнику огромные потери.

По сообщениям Совинформбюро, войска 1-го Украинского фронта только за период наступления с 24 декабря 1943 года по 13 января 1944 года уничтожили и захватили 2 500 танков, 2 076 орудий, 946 минометов, 8 200 автомашин, тысячи вагонов и паровозов, склады боеприпасов. За это же время гитлеровская армия потеряла 100 тысяч убитыми.

На правом фланге войска Ватутина вышли в районы приграничных сражений 1941 года.

Они шли на запад дорогами, по которым в 1941 году с боями отходила на восток Советская Армия. Картины, полные драматизма и величия, наполнявшие сердца гордостью за тех, кто отстаивал здесь нашу землю, открывались воинам-победителям.

Каждый водный рубеж, каждое дефиле говорили о бессмертных подвигах советских людей. На огневых позициях оставались подбитые орудия, у мостов, у

выходов из лесов, на обочинах дорог стояли сгоревшие танки.

Могилы танкистов, пехотинцев, артиллеристов, находившиеся тут же, свидетельствовали о том, что герои выполнили свой долг перед Родиной до конца.

Их боевые друзья теперь, возвращаясь, находили свои машины, обнажив головы, подходили к могилам и, по-солдатски подавляя в себе скорбь, рассказывали молодым бойцам об отваге героев приграничных боев...

Проносясь на вездеходе по этим полям славы, Ватутин вспоминал первые дни войны. Сколько событий произошло с того дня, когда Вячеслав Михайлович Молотов напомнил миру: «В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу»^[14]. И вот идет весна 1944 года... Советская Армия вышла к священным границам своей земли. Менее чем в три года решилась судьба войны — судьба человечества!

На этих полях Советской Украины начинал Ватутин службу командиром взвода. Сами собой напрашивались сравнения, подводились итоги двух десятилетий, с 1924 года по 1944 год: в эти двадцать лет прошел Ватутин свой путь.

На этих же, тогда учебных, полях он вел в «атаку» свой взвод, всего три десятка бойцов, которые действовали на фронте около 300 метров, а теперь Ватутин вел в наступление армии, вел сотни тысяч воинов, руководимых прославленными на весь мир генералами, и крылья его фронта размахнулись на сотни километров.

Ватутин достиг той вершины, на которую поднимается человек-воин, сын Родины, где испытывается все, чем он жил, проверяются его душевные, умственные, моральные качества. И теперь волны народной любви и славы катились к Ватутину и поднимали его так высоко, что он стал виден всей великой стране.

Страна посылала Ватутину слова благодарности и признания. Писали взрослые и дети, рабочие и колхозники, знакомые и никогда не видавшие его люди.

Ткачихи просили извинения за то, что отрывают его своим письмом от дела, но не могли не сказать, как рады они тому, что на всех языках народов СССР и всего мира прославляются победы 1-го Украинского фронта — его победы.

И подписывались: «Неизвестные вам девушки».

Писали друзья по Полтавской школе, по совместной службе в 23-й Харьковской дивизии. Они радовались его успехам, вспоминали солдатские годы, сообщали, что сражаются в составе его войск, что этим горды.

Раненый боец, ставший инвалидом, но продолжающий героически работать на восстановлении железной дороги, сообщал командующему фронтом о своем солдатском мнении, какую тактику лучше применить в бою на данном этапе войны.

Шли нескончаемым потоком письма колхозников, колхозниц из всех областей СССР с отчетами о работе, с заверениями, что колхозы, отправив молодежь на фронт, не снизят темпы, что колхозницы и пожилые колхозники не отстанут от своих односельчан героев-фронтовиков.

Письма обсуждались во всех бригадах, их подписывали председатель колхоза, счетовод, кладовщик, бригадиры, передовые колхозники, родители лучших воинов-фронтовиков. Вышедший из глубин народа, всегда органически связанный с ним,

Ватутин ощущал, что эта связь теперь становится еще более прочной, приобретает такую силу, которая вдохновляет его на свершение новых подвигов.

К Ватутину шли поздравления и благодарности, но он относил их на счет партии, которая его воспитала, и видел в отчетах, письмах, благодарностях проявление великого единства народа и армии.

Войска Ватутина были уже далеко за Днепром, а с берегов Волги, из Сталинграда, который они освобождали, шли вслед письма, сообщавшие о том, как возрождается, встает из руин город-герой.

Среди писем были обязательства школьников-тимуровцев, помогавших семьям фронтовиков и инвалидам. И эти письма заканчивались обязательством учиться только на «отлично» и «хорошо».

Жена фронтовика просила передать ее тяжело раненному мужу, чтобы он не отчаивался, что она примет его, если он даже вернется без рук и без ног, и обещала командующему фронтом, что будет беречь инвалида войны всю жизнь.

Были письма людей, радовавшихся каждой благодарности Верховного Главнокомандующего, которую объявляли по радио войскам 1-го Украинского фронта.

Люди писали Ватутину, что они видели его на экране в кино, считают теперь своим близким знакомым, поздравляли с Новым годом, желали победы и личного счастья.

Дети фронтовиков, отдохавшие в лесной школе, просили передать всем воинам — русским, украинцам, белорусам, казахам, узбекам и другим, что им хорошо живется на Урале в лесной школе.

Дети украинских городов, эвакуированные в глубокий тыл СССР, благодарили за то, что войска 1-го Украинского фронта спасли их родных.

И подписывались: «Ваши дети Коля, Зоя, Ростик, Беба, Алла, Шура, Галя, Витя, Женя, Света С. и Света М.».

Командующий фронтом улыбался, разглядывая «картину» боя, нарисованную Шуриком Пахомовым.

Ватутин, сознательно посвятивший всю свою жизнь тяжелой профессии воина, радовался рисункам, где лодочка тихо плыла по небольшому озерку, а по небу летели красивые птицы.

Ватутин принимал за высший долг свой удел, удел своего поколения сражаться во имя спасения людей, во имя будущего детей.

Тепло становилось на душе командующего фронтом, когда он читал на обороте рисунка Вити Рыбакова: «Спасибо вам за то, что спасли моих дедушку и бабушку, тетю и маленького братика от проклятого зверя — фашиста», — и сердце генерала сжималось от горя, когда он дочитывал последние слова строки: «убившего моих маму и папу».

Ватутин читал письмо матери погибшего летчика, которая посылала ему свое материнское благословение, и всем своим существом ощущал, что не было еще генерала более счастливого, чем советский генерал, участвующий в освобождении народов и утверждении радостной жизни, и что не было в истории веков более благословенного оружия, чем оружие Советской Армии, армии, борющейся за идеи коммунизма.

В распоряжении Манштейна тоже были массы техники. Несмотря на беспримерные, даже во второй мировой войне, потери тысяч танков, орудий, машин, капиталистическая промышленность гитлеровской Германии и Европы еще давала армии неисчислимое количество вооружения.

Манштейн, так же как и Ватутин, имел десятки дивизий, сотни тысяч солдат, обученных офицеров, опытных генералов, у него были пикирующие

бомбардировщики и «мессершмитты», «гигры» и «пантеры», масса минометов и другой смертоносной техники, и все же в столкновении с Ватутиным Манштейн был обречен на поражение.

На полях войны столкнулись сын русского солдата, внук русского солдата, ходившего в минувшем веке на Балканы, с сыном генерала Манштейна, внуком генерала Манштейна, командовавшего корпусом во франко-прусской войне 1871 года. Потомственный русский солдат из крестьян курской деревни сразился с выходцем из прусской военной аристократии — племянником Гинденбурга, служившим вместе с дядей в привилегированном третьем гвардейском полку кайзера.

Питомец советской школы, молодой генерал армии встретился на поле боя со старым генерал-фельдмаршалом, представителем вымирающей милитаристской касты.

Ватутин был носителем света, свободы, любви к человеку, к своему народу, к народам всего мира, а Манштейн — представителем мрака, смерти.

Америка стравливала Боливию и Парагвай и нанимала немецких генералов, посылавших солдат той или другой стороны в бой друг против друга. Американские и английские империалисты руками Чан Кай-ши угнетали китайский народ, закабалили Китай, и там были немецкие генералы.

Америка и Англия, разжигая пожар второй мировой войны, спустили Франко на героический народ Испании, и там немецкие генералы испытывали на людях свое смертоносное оружие.

Готовые служить за деньги кому угодно, наемники без родины и племени, фашистские генералы особенно рьяно бросились на Польшу, преданную все теми же американскими, английскими и французскими империалистами.

Манштейн грабил, убивал, бесчинствовал на Украине, в Крыму, под Ленинградом, на Дону.

Всюду, где скрещивались пути Манштейна и Ватутина, советский полководец бил матерого фашиста и гнал его войска с территории Советской страны.

Ватутин был победоносен потому, что он вел за собой войска, героизм и воинское мастерство которых не имеют равных в истории войн.

Ватутин был победоносен, ибо он действовал, руководствуясь советской военной наукой, самой передовой военной наукой современности

Советский полководец победоносен потому, что силы, в рядах которых он действует, исторически непобедимы, ибо силы эти служат идеям коммунизма.

Теперь 1-й Украинский фронт грозно нависал над всеми гитлеровскими армиями, находившимися под командованием Манштейна на Правобережной Украине от Припяти до Буга.

С берегов реки Горынь весной 1944 года Ватутин уже видел, как войска нанесут удар, рассекающий фашистскую армию до самого подножья Карпат, а потом двинутся на Вислу, в глубину Германии, и страстно готовился к новому стремительному наступлению.

* * *

В марте 1944 года армии фронта, воспользовавшись распутицей, должны были внезапно обрушить на врага всеокрушающий удар. Для этого по плану Ставки войска совершили перегруппировку. Ватутин, как обычно, объезжал войска, разъяснял командирам, их штабам предстоящую задачу и проверил боевую готовность войск.

Во время одной из поездок Ватутин был ранен вражеской пулей.

Рана оказалась смертельной.

15 апреля газеты Советского Союза опубликовали сообщение:

«Совет Народных Комиссаров СССР, Народный Комиссариат Оборона СССР и Центральный Комитет ВКП(б) с глубоким прискорбием извещают, что в ночь на 15 апреля после тяжелой операции скончался в Киеве командовавший 1-м Украинским фронтом генерал армии Ватутин Николай Федорович — верный сын большевистской партии и один из лучших руководителей Красной Армии.

В лице тов. Ватутина Государство потеряло одну из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Отечественной войны.

Похороны генерала армии Ватутина Н. Ф. состоятся в г. Киеве.

Память генерала армии Ватутина Н. Ф. увековечивается сооружением ему памятника в г. Киеве»[\[15\]](#).

Три дня к дому, где был установлен гроб с телом Ватутина, шел народ. Шли рабочие вновь задымивших заводов. Шли приехавшие из освобожденных сел колхозники. Люди прощались с полководцем, который

столько лет прожил среди них, которого видели в первый день освобождения Киева носителем этого освобождения, вестником свободы и жизни. Инвалиды войны, приблизившись к гробу, задерживались, чтобы навсегда запечатлеть в своей памяти образ генерала. Матери, поравнявшись с гробом, поднимали детей.

В эти часы с прифронтового аэродрома поднялся могучий скоростной самолет. Он взял курс на восток и вскоре закружил над селом Чепухино, над хатой Веры Ефимовны Ватутиной.

В феврале этого года почтальон принес Вере Ефимовне письмо, в котором начальник одного из госпиталей Калининского фронта сообщал, что «красноармеец Ватутин Афанасий Федорович, находясь на фронте, в бою за социалистическую Родину был тяжело ранен и умер от ран 4.2.1944 года».

А ровно через месяц с другого фронта пришло известие о гибели ее младшего сына Семена Федоровича.

Острая боль сдавила сердце Веры Ефимовны, когда она узнала, что с самолета брошен вымпел с запиской, в которой летчик просил председателя сельсовета привезти мать генерала Ватутина на ближайший аэродром.

У самолета встретили ее врач, медсестры, и огромная стальная птица подняла старую крестьянку от ее ткацкого станка, от домашних дел, от забот об осиротевших внуках и понесла над руинами сел и городов, над израненной землей, освобожденной войсками ее сына, к Киеву.

И старый военный врач, сотни раз принимавший последний вздох умирающих, сам видевший в бою смерть, не знал, как сказать матери, уже потерявшей в течение двух месяцев двух сыновей, что летит она к раскрытой могиле третьего сына. Не находил слов, которыми можно утешить мать.

Не было этих слов у врача — их нет, этих слов.

Только матери всего мира, склонив свои головы перед советской матерью, вырастившей борцов за спасение человечества, за счастье детей всего мира, разделяя ее горе, могут смягчить боль ее сердца.

И встала рядом с Татьяной Романовной, рядом со своими внуками Вера Ефимовна у изголовья сына, и окружили ее генералы, прибывшие с фронтов Великой Отечественной войны, чтобы отдать последнюю почесть своему боевому соратнику.

Ее сын — их молодой товарищ по оружию — покоился на холме живых цветов под сенью склоненных боевых знамен, повитых траурным крепом. Крепом были обтянуты люстры, зеркала. На тёмнокрасных подушках отсвечивали ордена Ленина, боевого Красного Знамени, Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени. Под ними зеленели венки от Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета партии, от И. В. Сталина и офицеров Генерального Штаба. Зеленели венки с надписями: «Витязю Красной Армии», «Легендарному воину», «Народному герою».

Народ присваивал советскому полководцу славное древнерусское имя витязя, окутывал его имя легендой.

17 апреля в 16.00 руководители партии и правительства Украины, генералы, Герои Советского Союза, партизаны подняли гроб с телом полководца и понесли к могиле.

На траурном митинге от имени Центрального Комитета Коммунистической партии и Совета Народных Комиссаров Украинской ССР выступил Н. С. Хрущев. Он говорил о том, какой трудный, но благородный путь от рядового до генерала армии, командующего важнейшим фронтом борьбы против фашистских оккупантов прошел Ватутин, беззаветно служивший народу и отдавший все силы делу укрепления военной

мощи Советского государства, делу борьбы за свободу, честь и независимость нашей Родины.

— Посвятив всю свою жизнь военному делу, на благо защиты нашей Родины, Ватутин беспрерывно совершенствовал свои военные знания, впитывал лучшие традиции великих русских полководцев, традиции Красной Армии...

Военный талант Ватутина особенно ярко проявился в годы Отечественной войны. Как начальник штаба фронта, а потом командующий фронтом, он с глубоким знанием военного дела решительно и блестяще осуществлял сложные военные операции...

Товарищ Хрущев говорил о том, сколько неутомимой энергии и опыта отдал Ватутин для того, чтобы выполнить план разгрома сталинградской группировки противника.

— Выполняя приказ Верховного Главнокомандования, войска фронта осуществили победоносное наступление от излучины Дона до Донбасса. Под руководством товарища Ватутина войска фронта в июле 1943 года блестяще выиграли Белгородско-Курскую битву. В этом историческом сражении была разгромлена главная группировка немецких войск, на которую Гитлер возлагал большие надежды.

Товарищ Хрущев отметил, что лучшие годы жизни и деятельности Ватутина были связаны с Советской Украиной.

— Он принимал активнейшее участие в общественной и политической жизни нашей республики. На XV съезде Коммунистической партии Украины Ватутин был избран членом Ревизионной Комиссии ЦК.

Командуя Воронежским, а потом 1-м Украинским фронтом, товарищ Ватутин отдавал все свои силы и

знания быстрейшему освобождению украинского народа от немецко-фашистских захватчиков.

Непревзойденное в истории военного искусства форсирование Днепра, освобождение славной столицы Советской Украины — города Киева, успешное продвижение частей фронта на запад и освобождение значительной части территории нашей республики от немецко-фашистских захватчиков, освобождение Житомира, Ровно, Луцка и многих других городов и сел — все эти победы связаны с именем товарища Ватутина.

Товарищ Ватутин был военным человеком в полном смысле этого слова, человеком военной дисциплины и военного долга.

Товарищ Ватутин был неутомимым работником. Принимая то или иное решение, он не довольствовался тем, что решение принято и что оно правильно, а прилагал все силы к тому, чтобы провести его в жизнь. Вопросу изучения операции, правильной расстановке войск, а главное, контролю за исполнением приказов он придавал большое значение. Товарищ Ватутин никогда не унывал, никогда головы не вешал. Какие бы трудности ни были, он всегда верил в силу Красной Армии, верил в дело, которому он служил, верил в нашу победу.

Товарищ Ватутин был исключительно чутким командиром. Он был глубоко партийным человеком.

Не случайно то, что на каком бы фронте Ватутин ни был, он всюду пользовался любовью и уважением солдат и командиров. Они видели в нем неутомимого и талантливого полководца, беззаветно преданного Коммунистической партии и советскому народу, всеми силами души ненавидящего гитлеровских разбойников.

Свою речь Никита Сергеевич Хрущев закончил словами:

— Товарищ Ватутин ушел от нас в дни, когда завершается освобождение украинских земель от ненавистного врага, когда Красная Армия заканчивает освобождение Крыма, когда идет успешное освобождение всех советских земель от немецких захватчиков. Во время болезни он очень жалел, что не может принимать участие в победоносном наступлении Красной Армии. Но он ушел от нас с твердой уверенностью в быстром и окончательном разгроме гитлеровской Германии... Освобожденный украинский народ вместе со всеми народами Советского Союза с благодарностью будет чтить память одного из лучших руководителей Красной Армии — генерала Ватутина.

Хоронили Николая Федоровича Ватутина в том самом любимом им парке на высоком берегу Днепра, где он мечтал о подвигах во славу Родины, где отдыхал, откуда любовался ширью и силой Днепра.

Теперь освобожденный ото льда могучими жизнетворными силами весны, Днепр катил полноводные волны и с глухим шумом бился о высокий крутой берег.

И, подобно реке, текли колонны киевлян широкой улицей Кирова. Сквозь оголенные деревья, сквозь руины Крещатика глаз видел далеко-далеко, но нельзя было сказать, сколько еще тысяч людей выйдет из города и сколько потоков вольется в аллеи старого парка, двигаясь к открытой могиле.

Люди шли молча, и звуки «Реквиема» плыли над Днепром. Подхваченные ветром, они неслись над землей, с которой солнце и вешние потоки согнали снег и смыли грязь, обещая народу плодородие и счастье. Звуки проносились над улицами и площадями древнего города, где скачет, подняв булаву, гетман Хмельницкий, стоит задумчиво Тарас Шевченко, где проходил с богунцами и тарашанцами освобождавший Киев Николай Щорс и совсем недавно на митинге,

собравшем все население города, провозгласил славу советскому Киеву и поклялся не жалеть жизни за освобождение Украины Николай Ватутин.

Звуки рыдали, напоминая о смерти, но люди знали, что смерть не властна над такими людьми, как советский генерал Ватутин. Не властна потому, что Ватутин всю свою жизнь посвятил народу, потому, что он жил законом чести советского воина, по которому надо работать и бороться так, чтобы воинская честь пережила тебя, чтобы слава твоя звала к подвигу новые поколения защитников страны коммунизма.

И народ увековечил имя полководца Ватутина. В час, когда его должна была принять древнейшая земля Киева, волны радио разнесли по миру:

«Приказ Верховного Главнокомандующего.

Сегодня, 17 апреля, в 18 часов в городе Киеве состоятся похороны генерала армии Ватутина, командовавшего 1-м Украинским фронтом.

Армия и флот Советского Союза склоняют свои боевые знамена перед гробом Ватутина и отдают честь одному из лучших полководцев Красной Армии.

Приказываю: в час погребения генерала армии Ватутина отдать умершему последнюю воинскую почесть и произвести в столице нашей родины Москве салют в двадцать четыре артиллерийских залпа из двадцати четырех орудий.

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза **И. СТАЛИН**

17 апреля 1944 года».

Грохот орудийных залпов у стен Кремля слился с грохотом артиллерийской канонады на всех фронтах от Белого до Черного моря, где в битвах, решавших судьбу поколений, Советская Армия сокрушала армию фашизма и миллионы советских воинов не жалели ни крови, ни жизни во имя» победы и счастья народов Советского Союза, во имя свободы человечества.

notes

Примечания

1

Мандровать— по-украински— путешествовать,
скитаться.

И. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 50.

И. Сталин. Сочинения, т. 11, стр. 25.

К. Е. Ворошилов. Статьи и речи, Партиздат., 1937,
стр. 440.

К. Е. Ворошилов. Статъи и речи, Партаздат, 1937,
стр. 440-441.

Впоследствии Ватутину и другим слушателям, назначенным на ответственные командные посты, были присвоены все права окончивших Высшую военную академию.

И. Сталин О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1952, стр. 94.

В. И. Ленин. Сочинения, т. 8, стр. 528

В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 416.

Пятьдесят лет Коммунистической партии
Советского Союза (1903–1953), Госполитиздат, 1953.
стр. 22.

И. Сталин. Сочинения, т. 11, стр. 23.

И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1952, стр. 103.

Газета «Правда» от 7 ноября 1943 года.

Газета «Правда» от 23 июня 1941 года.

15

Газета «Правда» от 15 апреля 1944 года.